

ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
Ivanovo State Power Engineering University

СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOLOV'EVSKIE ISSLEDOVANIYA

SOLOVYOV STUDIES

2025

Выпуск 4(88)

2025

Issue 4(88)

Редакционная коллегия:

М.В. Максимов (гл. редактор), д-р филос. наук, г. Иваново, Россия
И.И. Евлампиев (зам. гл. редактора), д-р филос. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
И.А. Едошина (зам. гл. редактора), д-р культурологии, г. Кострома, Россия
С.Д. Титаренко (зам. гл. редактора), д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
Л.М. Максимова (отв. секретарь редколлегии), канд. филос. наук, г. Иваново, Россия
К.Ю. Бурмистров, канд. филос. наук, г. Москва, Россия
А.Г. Гачева, д-р филол. наук, г. Москва, Россия
Н.Ю. Грякалова, д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
К.В. Зенкин, д-р искусствоведения, г. Москва, Россия
М.В. Медоваров, канд. ист. наук, г. Нижний Новгород, Россия
Б.В. Межуев, канд. филос. наук, г. Москва, Россия
В.И. Моисеев, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
В.В. Сербиненко, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
Е.А. Тахо Годи, д-р филол. наук, г. Москва, Россия
О.Л. Фетисенко, д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
Д.Л. Шукуров, д-р филол. наук, г. Иваново, Россия
Н.Г. Юрина, д-р филол. наук, г. Саранск, Россия

Международная редакционная коллегия:

Р. Гольдт, д-р филол. наук, г. Майнц, Германия
Н.И. Димитрова, д-р филос. наук, г. София, Болгария
П. Дэвидсон, д-р философии, г. Лондон, Великобритания
Э. Ван дер Зверде, д-р философии, г. Неймеген, Нидерланды
Я. Красицки, д-р филос. наук, г. Вроцлав, Польша
Б. Маршадьё, д-р славяноведения, г. Париж, Франция
Т. Немет, д-р филос. наук, г. Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
А. Оппо, д-р филос. наук, г. Кальяри, Италия

Адрес редакции:

153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34, ИГЭУ,
Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия В.С. Соловьёва
(Соловьёвский семинар)
Тел. (4932), 26-97-70, 26-97-75; факс (4932) 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
<http://solovyov-studies.ispu.ru>

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим группам специальностей: 5.7.1 – онтология и теория познания; 5.7.2 – история философии; 5.7.3 – эстетика; 5.7.4 – этика; 5.7.7 – социальная и политическая философия; 5.7.8 – философская антропология, философия культуры; 5.7.9 – философия религии и религиоведение; 5.9.1 – русская литература и литература народов Российской Федерации; 5.9.2 – литературы народов мира; 5.9.3 – теория литературы; 5.10.1 – теория и история культуры, искусства

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему РИНЦ согласно договору № 580-12/2012 ЛО от 13 декабря 2012 г. с ООО «Научная электронная библиотека». Журнал зарегистрирован в базе данных Ulrich's periodicals directory (США). Журнал индексируется в Scopus с 20 января 2022 г., включен в «Белый список» научных изданий Минобрнауки РФ.

© М.В. Максимов, составление, 2025

© Авторы статей, 2025

© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Межуев Б.В. К текстологии «Воскресных писем». Из неизданного и несобранного наследия Вл. Соловьева.....	6
--	---

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Евлампиев И.И. «Спор» Фихте и Гегеля в историко-философских работах И.А. Ильина. Статья вторая: Проблема отношений Бога, мира и человека	29
Ермичёв А.А. О «советской ориентации» у Н.А. Бердяева: уточнение понятия	44

К 205-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.А. ФЕТА

Гачева А.Г. Афанасий Фет и Николай Федоров. Статья первая: скращения судеб	58
Генералова Н.П. В поисках единомышленников (Из переписки А.А. Фета с П.П. Цитовичем)	78
Лукина В.А. Гоголь и Фет: из истории «желтой тетради» и литературного юбилея поэта 1889 г.	92
Кошемчук Т.А. Добро и зло в поэзии А. Фета и этический идеал В. Соловьева ...	108
Ипатов С.А. Фетоведы первой волны: Николай Николаевич Черногоубов (1873–1941)	122

К 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. БЛОКА

Лощинская Н.В. «Соловьевский след»: отзыв А.А. Блока о поэте В.П. Лебедеве для Приемной комиссии Петроградского Союза поэтов	150
Титаренко С.Д. «Духи глаз»: визуальная природа образов-понятий в творчестве В. Соловьева и поэтов-символистов Вяч. Иванова и А. Блока	166

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Максимов М.В. Возвращаясь к Соловьеву: о новой книге соловьевской группы Института философии РАН. [Рец. на:] Владимир Соловьев. Материалы и исследования: эпоха, люди, идеи [1] / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 516 с.	184
Указатель содержания журнала «Соловьёвские исследования» за 2025 год / сост. Л.М. Максимова	190
О ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»	194
О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»	196
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	196

Editorial Board:

- M.V. Maksimov* (Chief Editor), Doctor of Philosophy, Ivanovo, Russia
I.I. Evlampiev (Deputy Chief Editor), Doctor of Philosophy, St. Petersburg, Russia,
I.A. Edoshina (Deputy Chief Editor), Doctor of Cultural Studies, Kostroma, Russia
S.D. Titarenko (Deputy Chief Editor), Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
L.M. Maksimova (responsible secretary), Candidate of Philosophy, Ivanovo, Russia,
K.Yu. Burmistrov, Candidate of Philosophy, Moscow, Russia,
A.G. Gacheva, Doctor of Philology, Moscow, Russia,
N.Yu. Gryakalova, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
K.V. Zenkin, Doctor of Art History, Moscow, Russia,
M.V. Medovarov, Candidate of Historical Sciences, Nizhny Novgorod, Russia,
B.V. Mezhuiev, Candidate of Philosophy, Moscow, Russia,
V.I. Moiseev, Doctor of Philosophy, Moscow, Russia,
V.V. Serbinenko, Doctor of Philosophy, Moscow, Russia,
E.A. Takho-Godi, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
O.L. Fetisenko, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
D.L. Shukurov, Doctor of Philology, Ivanovo, Russia,
N.G. Yurina, Doctor of Philology, Saransk, Russia,

International Editorial Board:

- R. Goldt*, Doctor of Philology, Mainz, Germany,
N.I. Dimitrova, Doctor of Philosophy, Sofia, Bulgaria,
P. Davidson, Doctor of Philosophy, London, United Kingdom
E. van der Zweerde, Doctor of Philosophy, Nijmegen, Netherlands,
Ya. Krasicki, Doctor of Philosophy, Wroclaw, Poland,
B. Marchadier, Doctor of slavonic studies, Paris, France,
T. Nemeth, Doctor of Philosophy, New York, United States of America
A. Oppo, Doctor of Philosophy, Cagliari, Italy

Address:

Interregional Research and Educational Center for Heritage Studies V.S. Solovyov – Solovyov Workshop
Ivanovo State Power Engineering University
34, Rabfakovskaya st., Ivanovo, Russian Federation, 153003
Tel. (4932), 26-97-70, 26-97-75; Fax (4932) 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
<http://solovyov-studies.ispu.ru>

The Journal is included in the List of Leading Reviewed Scientific Journals and Publications, which are approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for publishing the main scientific results of the dissertations on the candidate and doctoral degrees for the following groups of specialities: 5.7.1 – ontology and epistemology; 5.7.2 – history of philosophy; 5.7.3 – aesthetics; 5.7.4 – ethics; 5.7.7 – social and political philosophy; 5.7.8 – philosophical anthropology, philosophy of culture; 5.7.9 – philosophy of religion and religious studies; 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation; 5.9.2 – literature of the peoples of the world; 5.9.3 – theory of literature; 5.10.1 – theory and history of culture, art.

Information about published articles is sent to the Russian Science Citation Index by agreement with “Scientific Electronic Library” Ltd. No. № 580-12/2012 LO of 13.12.2012. The journal is included into the database of periodicals “Ulrich’s periodicals directory” (USA). The journal is indexed in Scopus since January 20, 2022, included in the “White List” of scientific publications of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

CONTENT

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

Mezhuev B.V. To the Textual Analysis of the “Sunday Letters”. From the Unpublished and Uncollected Heritage of Vladimir Solovyov	6
--	---

HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY

Evlampiev I.I. “The Debate” between Fichte and Hegel in the Historical and Philosophical Works of I.A. Ilyin. Article Two: The Problem of the Relationships of God, World, and Man	29
Yermichev A.A. On N.A. Berdyaev's “Soviet Orientation”: Clarifying the Concept ...	44

TO THE 205th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A.A. FET

Gacheva A.G. Athanasius Fet and Nikolai Fedorov. Article One: Crossroads of Destinies	58
Generalova N.P. Searching for Soulmates (Based on the correspondence of A.A. Fet and P.P. Tsitovich).....	78
Lukina V.A. Gogol and Fet: “Yellow Notebook” and the Anniversary of the Poet's Literary Career (1889)	92
Koshemchuk T.A. Good and evil in the poetry of A. Fet and the ethical ideal of V. Solovyov	108
Ipatova S.A. First-Wave Fet Scholars: Nikolai Nikolaevich Chernogubov (1873–1941)	122

TO THE 145th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A. BLOK

Loshchinskaya N.V. “Solovyov's Trailing”: A.A. Blok's review of the poet V.P. Lebedev for the Admissions committee of the Petrograd Union of Poets	150
Titarenko S.D. “Spirits of the Eyes”: The Visual Nature of Images-Concepts in the Works of V. Solovyov and the Symbolist poets Vyach. Ivanov and A. Blok	166

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Maksimov M.V. Returning to Solovyov: about a new book by the Solovyov Group of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. [Review on:] Vladimir Solovyov. Materials and research: epoch, people, ideas [1] / ed. by V.V. Sidorin. M.; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2024, 516 p.	184
Contents index of the 2025 issues of the «Solovyov studies» journal	190
ON “SOLOVYOV STUDIES” JOURNAL	194
ON SUBSCRIPTION TO “SOLOVYOV STUDIES” JOURNAL.....	196
INFORMATION FOR AUTHORS.....	196

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

УДК 14(47)(091)

ББК 87.3(2)522-685

Борис Вадимович Межуев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории русской философии, Россия, Москва, e-mail: borismezhuev@yandex.ru

К текстологии «Воскресных писем». Из неизданного и несобранного наследия Вл. Соловьева

Аннотация. Предлагается опыт текстологического исследования одного из наименее изученных произведений Вл. Соловьева – цикла его статей в газете «Русь», выходивших в 1897–1898 годах под названием «Воскресные письма». Следует обратить внимание на то, что двенадцать из двадцати двух известных «Воскресных писем» были републикованы самим автором в виде приложения к отдельному изданию «Трех разговоров». Отмечается, что в некоторых из выбранных для отдельной публикации писем Вл. Соловьев полемизирует со взглядами одного из постоянных авторов «Руси», публицистом М.О. Меньшиковым, который категорически не принимал соловьевскую критику религиозно-нравственных воззрений Л.Н. Толстого и прямо спорил со взглядом философа на войну. Приводятся тексты трех до сих пор неизвестных «Воскресных писем»: одно из них под названием «Государственная церковь» не было опубликовано в газете в 1897 году и сохранилось в архиве Вл. Соловьева; другое также не было напечатано в газете по цензурным причинам, но после смерти автора было опубликовано в одном из отечественных журналов; наконец, третье из публикуемых писем появилось в газете «Русь» спустя некоторое время после прекращения публикации цикла. Отмечается, что целью этой не замеченной составителями Собрания сочинений публикации является указание внимательному читателю на цензурные причины приостановки цикла.

Ключевые слова: публицистика, Вл. Соловьев и Л.Н. Толстой, ультраморализма М.О. Меньшикова, христианское государство, непротавление злу силой, политическая философия, веротерпимость

Boris Vadimovich Mezhuев

Lomonosov Moscow State University, PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of History of Russian Philosophy of the Faculty of Philosophy, Russia, Moscow, e-mail: borismezhuev@yandex.ru

To the Textual Analysis of the “Sunday Letters”. From the Unpublished and Uncollected Heritage of Vladimir Solovyov

Abstract. This article attempts a textual study of one of Vladimir Solovyov's least explored works, a series of articles titled "Sunday Letters", published in the newspaper "Rus" in 1897–1898. The article highlights the fact that twelve of the twenty-two known Sunday Letters were republished by the author himself as an appendix to the separate edition of "Three Conversations". It is noted that in some of the letters selected for separate publication, Vl. Solovyov polemicalizes with the views of one of the regular contributors to Rus, the publicist M.O. Menshikov, who categorically rejected Vl. Solovyov's criticism of Leo Tolstoy's religious and moral views and directly argued with the philosopher's perspective on war. The article also includes the texts of three previously unknown Sunday letters: one of them, titled "The State Church", was not published in the newspaper in 1897 and was preserved in Vladimir Solovyov's archive. Another letter was also not published in the newspaper due to censorship reasons, but it was later printed in a Russian magazine after the author's death. Finally, the third letter published in this article appeared in the newspaper "Rus" in a period of time after the series ended. The author argues that Solovyov's purpose in this latter publication overlooked by the editors of his Collected Works was to signal to attentive readers the censorship reasons behind the series' suspension.

Key words: journalism, Vladimir Solovyov and Leo Tolstoy, M.O. Menshikov's ultra-moralism, Christian state, non-resistance to evil by force, political philosophy, religious tolerance

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.4.006-028

«Три разговора» – последнее крупное произведение Владимира Соловьева, которое вышло отдельным изданием весной 1900 года. Полное название этого произведения звучит так: «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями»¹. Выполняя последнюю авторскую волю, всем издателям следовало бы публиковать впредь это произведение так, как оно вышло в последний год жизни философа: с тем же названием и в том же составе. Однако на приложения обычно никто не обращает внимания: в обоих Собраниях сочинений философа – и того, что издавалось петербургским товариществом «Общественная польза» в 1901–1907 годах, и того, что впоследствии было выпущено также петербургским товариществом «Просвещение» в 1911–1914 годах, «Три разговора» называются просто «Тремя разговорами» – без добавлений в название, а приложения как таковые просто отсутствуют.

Между тем о значении приложений для смысла всей работы сам автор очень определенно говорит в предисловии к своему сочинению: «К трем разговорам я прибавил ряд небольших статей, напечатанных в 1897 и 1898 г. (в газете «Русь»). Некоторые из этих статей принадлежат к наиболее удачному, что когда-либо мною написано. По содержанию же своему они дополняют и поясняют главные мысли трех разговоров» [2, с. 91]².

¹ Полные выходные данные: Соловьев Вл. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями. СПб.: Типография СПб. т-ва «Труд», 1900. 279 с. [1].

² Соловьев В.С. Предисловие к «Трем разговорам» // Собр. соч.: в 12 т. Т. X. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 83–92 [2].

Корпус «Воскресных писем», действительно, приводится составителями обоих собраний сочинений в том же томе, что и «Три разговора» – казалось бы, воля автора по существу была выполнена. Однако многие исследователи³ и публикаторы «Трех разговоров» обходят вниманием то обстоятельство, что в приложении к отдельному выпуску данного произведения вошли не все опубликованные в собрании двадцать два «Воскресных письма», а только двенадцать. Десять писем отсутствуют.

Письма расположены в приложении к первому книжному изданию «Трех разговоров» отнюдь не в хронологическом порядке. Первым стоит комплекс из трех писем, выходявших в газете «Русь» с 5(17) по 19(31) июля 1898 года под единым названием «Немезида»⁴. Статья, как следует из подзаголовка, была написана «по поводу Испано-Американской войны» и в значительной степени посвящена очень важной для Вл. Соловьева в это время теме «оправдания войны» как «нравственной обязанности» для государства и как «подвига самопожертвования» для воинов⁵, а также безусловной для Вл. Соловьева связи внешних успехов государства и исполнения им «воли Божией», понимаемой как отказ от насильственного принуждения к исповеданию правильной веры. Фактически философ развивает тему, которую он поднял в 1895 году в статье «Смысл войны», опубликованной на страницах Литературных приложений к журналу «Нива» и затем составившей XV главу первой редакции «Оправдания добра».

Второй текст, вошедший в приложения, – это размещенное 29 июля (7 августа) в «Руси» письмо «Россия через сто лет», которое представляет собой критику демографического и в целом исторического оптимизма в отношении судеб России, для самого автора совершенно не оправданного⁶. Вл. Соловьев предлагает задуматься о причинах неожиданного торможения роста численности населения России и именно в этих целях «обратиться к патриотизму размышляющему и тревожному». По мнению мыслителя, «безотчетный и беззаботно-счастливый оптимизм патриотов ликующих, помимо его умственной и нравственной скудости, теряет под собою

³ Отметим точку зрения Н.В. Котрелева, часто высказываемую им в его выступлениях, согласно которой «Три разговора» невозможно, не нарушая авторскую волю, перепечатывать без соответствующих приложений. Следует также указать на статью А.Н. Степанова, где высказывается мысль о невозможности адекватного восприятия «Трех разговоров» без учета «приложений» (см.: Степанов А.Н. «Три разговора» Вл. Соловьева: вопросы публикации, жанрового своеобразия и композиционной целостности. Сер. Symposium. Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В.С. Соловьева. Вып. 32 // Материалы Междунар. конф. 14–15 февраля 2003 г. СПб.: Санкт-Петерб. филос. общество, 2003. С. 378–383 [3]).

⁴ См.: Соловьев В.С. Немезида // Русь. 1898. № 8. С. 2; № 15. С. 2; № 22. С. 2 [4].

⁵ См.: Соловьев Вл. Воскресные письма // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. X. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 61 [5].

⁶ См.: Соловьев В.С. Россия через сто лет // Русь. 1898. № 29. С. 2 [6].

всякую фактическую почву на наших глазах»⁷. Третьим следует письмо «О соблазнах»⁸, опубликованное значительно раньше – 9(21) марта 1897 года: речь в нем идет о соблазне довольствования полуистинами, не требующими умственного труда, которому противопоставляются «сердечная вера и чувство» как нечто самодостаточное. Четвертым в приложении оказывается целиком посвященное критике нищезанятия письмо «Словесность или истина?». Оно было опубликовано в «Руси» 30 марта (10 апреля) 1897 года (в газетной редакции выражение «один из самых опасных соблазнов» в первом предложении этого текста сопровождалось отсылкой к письму «О соблазнах»)⁹. Завершаются приложения семью «Пасхальными письмами». Вл. Соловьева, размещенными в воскресных номерах «Руси» в течение семи недель после Светлого Воскресения, которое в 1897 году пришлось на 13(25) апреля.

Из тех писем, что не вошли в приложение к «Трем разговорам», лишь одно относится к 1898 году – это последнее из приведенных в Собрании сочинений письмо, идущее под номером XXII, – «Духовное состояние русского народа», представляющее собой рассказ о секте Елены Петровны, информацию о которой Вл. Соловьев почерпнул из всеподданнейшего отчета обер-прокурора св. Синода за 1894 и 1895 г. (СПб.: синод. типогр., 1898 г.)¹⁰. Оно было опубликовано в «Руси» 2(14) августа 1898 года. Финал этого явно не оконченного текста содержит намек на его продолжение: «В двух местах отчета за 1894 и 1895 гг. описано семь новых сект. В том же отчете мы находим интересные сведения еще об одном весьма важном явлении из религиозной жизни русского народа за последнее время. Об этом – до следующего письма». Составитель первого Собрания сочинений Г.А. Рачинский оставил к этому финалу свое примечание за подписью Г.Р.: «Продолжения напечатано не было. Все “Воскресные письма” появились в 1897 и 1898 годах в газете “Русь”, издававшейся В.П. Гайдебуровым. Двадцать второе письмо было последним» [5, с. 80]. Однако это утверждение не соответствует действительности – двадцать второе письмо было совсем не последним и даже не последним, размещенным в газете «Русь». Но об этом чуть ниже.

Что могло послужить мотивом публикации в приложении к «Трем разговорам» именно тех писем, что были отобраны автором? Нам представляется, что выбор многих из них был обусловлен внутренней полемикой Вл. Соловьева с некоторыми представителями гайдебуровского круга, в частности М.О. Меньшиковым и, вероятно, Н.А. Энгельгардтом, не разделявшими критического отношения философа к нравственному учению Л.Н. Толстого. Первое из вошедших в издание

⁷ См.: Соловьев В.С. Россия через сто лет. С. 2.

⁸ См.: Соловьев Вл. О соблазнах // Русь. 1897. № 50. С. 2 [7].

⁹ Этот текст был практически без изменений перепечатан в отдельном издании «Трех разговоров», за исключением снятой ссылки в первом предложении (см.: Соловьев Вл. Словесность или истина? // Русь. 1897, 30 марта (11 апреля). № 70. С. 2 [8]).

¹⁰ Соловьев В.С. Духовное состояние русского народа // Русь. 1898. № 53. С. 3 [9].

«Трех разговоров» писем – «Немезида» – прямо перекликалось по своей проблематике с темой первого разговора, а именно с вопросом о войне. Именно это письмо и содержащаяся в нем попытка теоретического оправдания войны вызвали весьма жесткую реакцию на страницах самой «Руси» человека, который фактически являлся главным публицистом этого издания, – Михаила Осиповича Меньшикова. 19(31) августа 1898 года в цикле «Письма к друзьям» Меньшиков, не называя имени Вл. Соловьева, прямо выступил против апологии войны в статье его коллеги по газете.

В 1890-е годы Меньшиков был известен как сторонник учения Льва Толстого о непротivлении злу силой и, можно сказать, активнейший пацифист в среде русских либеральных народников, одним из печатных органов которых были гайдебуровские издания «Неделя» и «Русь». Сам М.О. Меньшиков впоследствии уточнял, что не принимал целиком все толстовские взгляды, в частности, он не одобрял проповеди опрощения. Однако воззрения Л.Н. Толстого на войну не встречали у тогдашнего Меньшикова никакой критики. «С внешней стороны – я не веду образа жизни “толстовцев” (может быть, по слабости воли), никогда не “садился” на землю, хоть и вырос в деревне и люблю ее. Никогда не участвовал в так называемых “толстовских” колониях и совершенно не сочувствую им, среди “толстовцев” имею лишь трех-четырёх друзей, к которым привязывает меня не столько их мирозерцание, сколько чистая и честная их жизнь. С внутренней стороны я не во всем и не всегда бываю согласен не только с последователями великого писателя, но и с ним самим. <...> Я глубоко и неизменно уважаю нравственное стремление Л.Н. Толстого, его тревожную, пророческую совесть, его убеждение в необходимости каждому прежде всего работать над собой. Но я не беру у него ничего чужого, беру свое: если некоторые идеалы у нас общие, то я чувствую, что с ними родился и они столько же мои» [10, ст. 605].

Нельзя сказать, чтобы этот подчеркнуто пацифистский пафос разделялся другими сотрудниками этих органов печати, однако тем, кому толстовский морализм в исполнении Меньшикова был не симпатичен, приходилось мириться с меньшиковским толстовством, поскольку автор «Писем к друзьям» оставался самым популярным публицистом гайдебуровского круга. В своей вышедшей без указания времени и места брошюре «Мой жизненный путь» сотрудник «Недели», революционный народник и впоследствии марксист Владимир Поссе говорил, что в редакции этого издания «... Меньшикова все не любили... Но с Меньшиковым приходилось считаться, так как статьи его нравились большинству подписчиков “Недели”». При этом Поссе весьма иронически отзывался о тогдашних толстовских убеждениях Меньшикова: «Даже в бегстве зайца от преследующего его волка он видел противление: Зайцу не следовало бежать, а лечь перед волком и, помахивая лапками, делать ему умильную рожицу: тогда волк бы его пощадил» [11, с. 144]¹¹.

¹¹ С критикой ультраморализма Меньшикова выступали и многие либеральные публицисты, в частности В.А. Гольцев: «В своей Высшей цели г. Меньшиков предлагал бороться словами даже с

Разумеется, идейное столкновение убежденного пацифиста с недавним автором «Смысла войны» было предопределено. И это столкновение, истоки которого ведут к 1895 году, продолжилось в 1898 г. В очередном из своих фельетонов цикла «Письма к друзьям» Меньшиков описывал свое пребывание в глубинке на Украине, где он мог лично наблюдать тяжелые последствия недавнего голода. Ужасали публициста не только лица недоедающих детей, но и вести из столицы: «Но когда в краю, где все дышит таким “обильем”, я слышу речи философов и публицистов о том, что война вообще нужна, что она – реальная школа любви к врагам, что она – не несчастье, не ошибка, а нечто освященное, – когда я слышу эти речи, то мне становится больно взглянуть в глаза такому слабенькому, шатающемуся от недоедания малышке, хотя бы он не знал, что существуют на свете философия, Испания и Америка. Десять лет таких философских внушений – и нам, чего доброго, захочется воевать. <...> Заканчивая свою плохо кормленную жизнь, этот парень с распоротым животом будет утешаться, что дело еще не так плохо, что он не умирает, а проходит курс реальной школы любви к врагам...» [13, с. 3]. Не вызывает сомнения, что в данном случае Меньшиков ссылаясь на соловьевские пассажи из «Немезиды»: «Злой зверь в человеке враждует со всеми и в мирное время, а для настоящего человека и война, раз она вызвана необходимостью, открывает поприще истинно-нравственного отношения не только к своим, но и к неприятелю, – побуждает не только полагать душу за други своя, но и любить врагов. Ведь заповедь эта обращена не к отдельным только лицам, а и к целым народам; а для народа враг – это другой народ, с которым он воюет. Этого именно врага и нужно любить. Значит, война, помимо всего прочего, есть для народов реальная школа любви к врагам». И далее в той же статье Вл. Соловьев рассуждал о том, что настоящие враги чувствуют уважение друг к другу, а это чувство недалеко от любви, причем автор «Воскресных писем» приводит в пример известные строфы Пушкина из поэмы «Полтава» о Петре Великом, поднимающим заздравный кубок за своих «учителей» – шведов [5, с. 67].

Известно, что Вл. Соловьев не любил, когда он подвергался критике на страницах того издания, регулярным сотрудником которого являлся. Это в свое время оттолкнуло его от «Северного Вестника», главный критик которого А.Л. Волинский не стеснялся ругать печатавшихся в том же журнале литераторов. В 1896 году, в период временного обострения отношений с коллективом сотрудников журнала «Вопросы философии и психологии», вызванной публикацией одной жесткой критической рецензии Ю.И. Айхенвальда, Вл. Соловьев

заклятым врагом. Что делать, если враг не захочет вас слушать? <...> Это немножко смешно и весьма трогательно, но с нравственно-общественной точки зрения никуда не годится. <...> Если, как говорит г. Меньшиков, величайшее общественное зло всегда состояло в насилии человека над человеком, то не лежат ли на нас нравственные обязанности противиться насилию не одними только словами и рыданиями? Допуская совершиться насилию, мы создаем в мире новое зло, которого не было бы, если бы мы парализовали его при возникновении» [12, с. 159].

писал Николаю Гроту: «... укажите мне (за исключением «Северного Вестника», известного своими аномалиями) другой какой-нибудь журнал – русский или европейский, который печатал на своих страницах насмешливые редакционные отзывы об изданиях своих собственных постоянных сотрудников» [14, с. 101]. Разумеется, Вл. Соловьев был крайне задет резким выпадом Меньшикова. Однако вместе с тем он вынужден был признать, что ранее, как раз в упоминавшейся уже статье «Россия через сто лет», он и сам привел в полемическом ключе (хотя и без ненужной резкости) имя самого Меньшикова, отозвавшись на его вышедшую в 1898 году работу «Думы о счастье»¹². В этом сочинении, следуя опять же толстовскому народничеству, Меньшиков доказывал, что по-настоящему счастливым может быть только простой человек, живущий на природе, в деревне и занятый физическим трудом. В том варианте текста, который был помещен в приложении к отдельному изданию «Трех разговоров», а затем появился в корпусе «Воскресных писем» Собрания сочинений, прямая ссылка на Меньшикова отсутствует. Данный пассаж, согласно последней авторской воле, звучит так: «Некоторые утверждают, что всех счастливее так называемый “народ” или “мужик”. И правда, что мужик обладает некоторыми важными условиями истинного счастья; но две особенности мужичьего состояния портят все дело и мешают самым лучшим возможностям перейти хотя бы в посредственную действительность. Во-первых, мужик подвержен стихийным бедствиям, от которых ограждены прочие классы населения (за исключением только гаванских чиновников), а во-вторых, он, будучи, по собственному сознанию, глуп, чрезмерно огорчается своими невзгодами и впадает в уныние вместо того, чтобы – по альтруистическому указанию знаменитого дьяка у Толстого (Алексея) – находить свое удовлетворение в благосостоянии других» [5, с. 71]. Между тем в первой (газетной) редакции Вл. Соловьев дал понять, что одним из этих не поименованных «некоторых», как бы завидующих мужицкому «счастью» людей был его коллега по работе в «Руси»: «Некоторые утверждают, что мужик обладает некоторыми важными условиями истинного счастья (о чем много хорошо сказано в книге М.О. Меньшикова) ...». Далее следует та же серия иронических контраргументов, которая сохранилась в окончательной редакции.

Нельзя исключать, что конфликт между Меньшиковым и Вл. Соловьевым вылился в более серьезную ссору, которая могла бы привести к выходу философа из состава постоянных сотрудников издания. Косвенный намек на подобный конфликт можно найти в поминальном очерке Меньшикова о Вл. Соловьеве, который появился в «Неделе» (единственной сохранившейся газете В.П. Гайдебурова после закрытия «Руси» цензурой в декабре 1898 года) в № 33 за 13 августа 1900 года (впоследствии, в 1906 году, автор переиздал свой отклик во втором томе своих «Критических очерков»): «Последнею враждою этого очень доброго человека был Л.Н. Толстой, враждою тем более острой, что

¹² Меньшиков М.О. Думы о счастье. СПб.: тип. М. Меркушева, 1898. 176 с. [15].

она была односторонняя. В этой вражде, как мне кажется, Вл. Соловьев отдал свою дань слабости человеческой¹³ – и я не стану говорить о ней. Скажу только, что и в этой вражде он дал случай подивиться его характеру, его уступчивости и доброте. После одного бурного объяснения, когда ожидался полный разрыв его с одним из друзей, последовали объятия и поцелуи, и примирение стало возможным. С Влад. Соловьевым самые жгучие враги его вновь сходились, когда хотели, и он снова делал для них все, что мог, и если снова становились его врагами – он прощал и это» [17, с. 496]. Думаю, что речь могла идти как раз о Василии Павловиче Гайдебурове, издателя «Руси» и «Недели», и о возможном конфликте с ним Вл. Соловьева, возникшем именно по причине жестких нападок М.О. Меньшикова.

В упомянутом мемуарном очерке М.О. Меньшикова есть и другой любопытный момент. Меньшиков описывает один вечер в Царском Селе, где он проживал в выходные дни, когда Вл. Соловьев зашел к нему, чтобы пойти вместе погулять. «Все располагало к миру, – пишет публицист, – но вдруг разговор коснулся острой темы – об абсолютном зле. Неосторожно я вступил в спор, пробовал объяснить, что если зло абсолютно, как добро, что если так называемый дьявол столь же могущественен, как и Благая сила, то выходит двубожие и бессмыслица. Владимир Сергеевич не уступал ни йоты, и я почувствовал, что ему больно. Я смолк, он заметил это и поблагодарил замечанием, что спор наш – в этот чудесный вечер над озером напомнил “ему его молодость и заставил помолодеть”» [17, с. 493]. Разговор этот не может не вызвать в памяти известные строки, которыми открывается предисловие к «Трем разговорам»: «Есть ли зло только естественный недостаток, несовершенство, само собой исчезающее с ростом добра, или оно есть действительная сила, посредством соблазнов владеющая нашим миром, так что для успешной борьбы с нею нужно иметь точку опоры в ином порядке бытия?» [2, с. 83]. Слово «соблазны», употребленное в этой фразе, рифмуется с третьим из приведенных в приложении к «Трем разговорам» Воскресных писем – «О соблазнах», в котором, как нам представляется, также содержится косвенная полемика с толстовскими взглядами М.О. Меньшикова.

Итак, в трех из четырех первых текстов приложений – статьях «Немезида», «Россия через сто лет» и «О соблазнах» – можно разглядеть следы полемики, которая велась внутри редакций гайдебуровских изданий и время от времени выплескивалась на их страницах. Сторонами этой полемики были Вл. Соловьев

¹³ Л.Е. Оболенский в некрологе Вл. Соловьеву со ссылкой именно на Меньшикова объяснял враждебность философа Л.Н. Толстому чисто психологическими мотивами: «Соловьеву было свойственно болезненное честолюбие. Этим объясняется многими его жесточайшая вражда к Л.Н. Толстому. Так между прочим думает и Меньшиков, находившийся долго в весьма близком общении с Соловьевым и разошедшийся с ним весьма грубо обличением этой стороны отношения нашего философа к великому романисту. Меньшиков полагает, что тут было нечто вроде конкуренции одной крупной духовной силы к другой, еще более могучей и действительно гениальной...» [16, с. 22].

и М.О. Меньшиков, а некоторой общепримиряющей точкой равновесия – сам В.П. Гайдебуров. После публикации в журнале «Книжки “Недели”» последнего, третьего разговора из цикла «Под пальмами» Меньшиков решился открыто выразить свой протест против более чем острой соловьевской критики воззрений Л.Н. Толстого. Вначале он это сделал внутри редакции, попытавшись воспротивиться выходу в свет третьего диалога. Об этом инциденте Меньшиков писал в своем письме автору «Воскресения» 22 января 1900 года: «В “Книжках Недели” печатаются статьи Вл. Соловьева, направленные против вас. Третья, набранная на днях, статья написана с таким глумлением и с таким извращением Ваших взглядов, что я должен был отказаться от работы в “Неделе”. На чтение этой статьи в корректуре я был приглашен, и тут высказал я Соловьеву и Гайдебурову много неприятного» [18, с. 437]¹⁴. 6 февраля этот конфликт отразился в неприличном обмене мнениями в газете по поводу соловьевского текста между основным критиком «Недели» и ее издателем. Меньшиков завершил свои очередные отклики недвусмысленным отречением от неприятной для него публикации: «Мне приходится – в связи с нападками на гр. Л.Н. Толстого – выразить кстати свою безусловную несолидарность с напечатанною в последней “Книжке Недели” сатирою на нравственное учение этого великого писателя. Я разумею диалоги Вл. Соловьева – “Под пальмами”, и особенно последний, третий. Я вообще не сторонник взглядов Владимира Сергеевича, но ценю многие стороны его личности и таланта. <...> Что бы Вл.С. ни писал, он неизменно полемизирует с ненавистными ему взглядами Л.Н., который никогда с ним печатно не спорил. Если бы Вл.С. Соловьев был только противником “учения Толстого”, это было бы вполне естественно, – пришлось бы признать, что это просто две слишком различные силы, две отрицательные друг к другу натуры. Огонь и вода, тепло и холод имеют одинаковые права на существование. Если бы Вл.С. предпринял серьезное критическое исследование идей гр. Л.Н., то это было бы вполне понятно; можно бы соглашаться с ним или нет, но не приходилось бы испытывать чувство неловкости, как при разговоре, принимающем недолжный тон. Вл.С. в последнем диалоге выдвигает богословский догмат о телесном воскресении Христа, догмат, составляющий центральный пункт его мирозерцания. Казалось бы, уже из уважения к столь важному предмету ему следовало бы отстаивать его не иначе, как с серьезным спокойствием. К сожалению, Вл.С. в своей полемике почему-то предпочел полусерьезный жанр, очень смахивающий на карикатуру. Диалоги г. Соловьева, конечно, несравненно выше романа “Понедельник” графа Худого¹⁵, но манера вывести “князя”, – хотя и без имени, но говорящего языком Толстого, его формулами и даже прямыми цитатами из его сочинений, манера выставить своего противника ограниченным

¹⁴ Письмо приведено в комментариях к Полному собранию сочинений Л.Н. Толстого без ссылки на архивный источник: Толстой Л.Н. Письмо к И.М. Трегубову 3 августа 1900 г. <прим. сост.> // Толстой Л.Н. ПСС. Т. 72. Письма. 1899–1900 гг. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1933 [18, с. 437].

¹⁵ Пародия Д.А. Богемского на роман Л.Н. Толстого «Воскресение».

человеком, навязать ему “похожие”, но не всегда подлинные взгляды и глумиться над ними, причем все это проделывается от имени какого-то “генерала”, “политика”, “дамы”, прикрывающих автора, – это манера, как хотите, не из лучших. Единственный наш великий писатель заслуживал бы иного к себе отношения – даже своих врагов» [19, ст. 218].

На это заявление последовал комментарий от редакции, в котором содержался прямой ответ Вл. Соловьева на критику М.О. Меньшикова, а также примирительное заключение В.П. Гайдебурова: «Вл.С. Соловьев просит нас заявить, что все собеседники в трех его разговорах суть лица вымышленные, лицу князя – молодого человека, живущего за границей, не придано автором ни одной черты личного сходства с графом Л.Н. Толстым, последователь гр. Толстого, каким представлен князь, по необходимости должен высказывать мысли, “похожие” на мысли этого писателя и говорит иногда его словами (в данном случае они взяты из его сочинения, напечатанного в России), литературная форма диалога по существу своему требует, чтобы говорили именно выведенные в нем лица, разбор некоторых принципиальных взглядов, принадлежащих, между прочим, и гр. Л.Н. Толстому, автор признает своею прямою обязанностью, исполненной им в той форме, которая казалась ему наиболее целесообразною. С своей стороны, заметим, что в диалогах “Под пальмами” мы меньше всего склонны видеть какую-либо “сатиру”, а тем менее – “глумление”, хотя прирожденный юмор нашего знаменитого философа и играет в них некоторую роль, – и что на наш взгляд, под легкою формой разговора в них скрывается весьма значительное, глубокое содержание. Не находим мы в них и ничего направленного лично против нам всем дорогого графа Л.Н. Толстого, – но лишь против некоторых распространяемых и разделяемых им воззрений. А такой *choc des opinions* неизбежен для всех самостоятельных умов» [19, ст. 218–219].

Вероятно, конфликт двух ведущих публицистов гайдебуровского круга и в этот раз удалось замаять¹⁶, однако выход в свет отдельной книги «Трех разговоров» со специально отобранными Воскресными письмами – при снятой фамилии М.О. Меньшикова в одном из них – позволяет сделать вывод, что философ решил продолжить в окончательном выпуске «Трех разговоров» свой спор с толстовским народничеством и, в том числе, с одним из наиболее заметных последователей этого течения в русской печати. При этом философ не хотел прямо обозначать объекта своей полемики, называть имя ближайшего сотрудника близкой самому Вл. Соловьеву издательской группы, при этом еще и терпящей

¹⁶Известен отклик А.П. Чехова на заявление М.О. Меньшикова, содержащийся в письме к последнему из Ялты от 20 февраля 1900 г.: «Что касается Вл<адимира> Соловьева, то мне не хочется согласиться с Вами. Правда, Лев Толстой – большой человек, но что же делать, если Вл<адмир> Соловьев верует в телесное воскресение, в европ<ейскую> культуру? Тон “Трех пальм” может не нравиться, но ведь “это дело вкуса” – могут сказать» (цит. по: Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков. М.: Русский путь, 2005 [20, с. 140–141]).

бедствия по цензурным и финансовым причинам («Неделя» закрылась из-за цензурных проблем в следующем – 1901 – году, уже после смерти Вл. Соловьёва). Меньшиковский и в целом гайдебуровский пласт «Трёх разговоров» требует дальнейшей детализации и уточнения, однако уже сейчас ясно, что при внимательном исследовании третьего периода творчества русского философа обойти его невозможно.

Неопубликованные и несобранные письма

В архивном фонде Вл. Соловьёва в ОР РНБ сохранилось неопубликованное, очевидно, по цензурным причинам письмо под названием «Государственная церковь». В рукописи оно стоит под знаком III и содержит ссылку на предшествующее письмо о признаках «пробуждения совести» в русском обществе. Письмо, вероятно, должно было появиться газете «Русь» в воскресенье 2 февраля 1897 года, однако было снято с публикации, что вызвало временный перерыв в выходе писем (следующее, обозначенное в газете знаком III, вышло в свет только 16 февраля).

В публикуемом здесь впервые тексте Вл. Соловьёв очень осторожно, практически избегая критики государственно-церковного устройства в России, тем не менее указывал на отличие «христианской государственности» в правильном смысле этого слова от того, что существовало в Средние века и на заре Нового времени. Вл. Соловьёв завершал это письмо указанием на высокую миссию России – воплотить мечту о «правильной» христианской империи. Он отмечал, что «кроме этих извращенных, ложных видов, которые мы указали, есть у государственной церкви и у христианского государства иной, истинный смысл. Понять, принять и осуществить его казалось будто издавна высшим предназначением России. К несчастью, донныне этот правый смысл загражден в нашем общественном сознании различными историческими осложнениями, запутан невольными заблуждениями, намеренными софизмами. Попробуем в следующем письме освободить и распутать его»¹⁷. Однако, поскольку этот текст был отклонен (по всей вероятности, редактором газеты В.С. Драгомирецким, опасавшимся цензурных кар), в последующих письмах философ вынужден был «распутывать» уже другие темы: печать молчания, наложенная цензурой, стала причиной того, что весной 1897 года Вл. Соловьёв фактически отказался от публичного спора с ген. А.А. Киреевым, упрекавшим философа за проповедь унии с католицизмом.

Приведем это письмо полностью¹⁸:

¹⁷ См.: Соловьёв Вл.С. Воскресные письма. III. Государственная церковь // ОР РНБ. Ф. 718. № 5. Л. 4–5.

¹⁸ Там же. 5 лл.

Государственная церковь

Роковые тучи, надвигающиеся на нас с юга и с востока, требуют от России, воплощенной в своем государстве, прежде всего нравственной свободы и бодрости духа, которые даются спокойной совестью. Я указывал на некоторые добрые признаки пробуждающейся совести в нашем обществе. Но есть ли у нас ясное и отчетливое сознание о том, чего по совести должно неизменно держаться во всех существенных отношениях собирательной жизни?

Для России как христианской империи первостепенную важность имеет вопрос об отношении церкви и государства. Провидение, действующее через историю, теснейшим образом связало у нас эти два учреждения, так что государство получило некоторый священный характер, а церковь стала государственною.

Эта тесная, органическая связь есть не вопрос, а факт, без внимания к которому нельзя ничего уяснить себе в нашей истории и ничего предвидеть в нашей будущности.

Сама государственная церковь не вопрос, а факт; вопрос только в том, как должно понимать этот факт, в каком смысле должно его охранять и содействовать его упрочению и развитию.

Вообще под государственною церковию разумеются весьма различные вещи. Во-первых, так называется церковь, созданная государственною властью; такова в полной мере английская *established Church* (установленная церковь), которая не только в своем практическом устройстве, но и в своих отличительных догматах (39 артикулов) есть произведение королевской воли Генриха VIII, Эдуарда VI и Елизаветы. К тому же типу принадлежат и многие другие протестантские церкви, основанные с помощью местных государей, которым и предоставлено решающее значение в религиозных вопросах согласно принципу *cujus regio, ejus religio* (чья страна, того и религия).

Русская церковь *не есть* государственная церковь в этом смысле. Не только она не создана государством, но скорее можно сказать напротив, что государство создано ею. Разве в XIV веке Великие князья московские могли бы с таким успехом выступить в роли собирателей русской земли, если бы не то религиозно-нравственное значение, которое сообщили им святители Петр и Алексий и смиренный игумен Сергей. Они настоящие основатели московского государства, а восстановителем его после погромов смутного времени должен быть признан опять-таки носитель духовного авторитета, царский отец, патриарх Филарет.

В другом смысле государственной церковию называлась такая, к которой независимо от вопроса о ее происхождении и управлении, обязаны принадлежать все подданные данного государства. Такое значение для всех стран западной Европы имела в Средние века церковь римско-католическая. Отказываться от принадлежности к ней для христиан было не только величайшим грехом против Бога, но и величайшим преступлением против государства, подлежавшим по крайней мере смертной казни. Еретики истреблялись безусловно, существование евреев в католических странах, хоть допускалось фактически, но лишь как прискорбная аномалия, что и на практике выражалось в узаконенных притеснениях, в беспрестанных преследованиях и нередких избиениях. С полною последовательностью идея государственного католичества была проведена Испанией, упразднившей и фактически

(истреблением мавров, евреев и протестантов) все некаатолическое в пределах королевства. Тою же идеей была внушена во Франции отмена Нантского эдикта и изгнание гугенотов. В настоящее время римско-католическая церковь *нигде* не имеет значения государственной.

Что касается до русской церкви, то она никогда не была государственною в этом исключительном смысле: с самого начала иноверцы свободно входили в семью народов России, а в настоящее время они составляют почти треть всего населения империи.

Два указанных значения, которые государственная церковь получила в католическом и протестантском мире имеют то общее между собою, что превращают религию в дело внешнего принуждения, отождествляя подданство известному государству с принадлежностью к известному вероисповеданию, принятому и исключительно утверждаемому этим государством. При всем различии католичества и протестантства по существу, когда он усвоили себе характер государственной церкви, они действовали совершенно одинаковым образом: как поступали испанские короли с евреями и мусульманами, или они же и французские – с протестантами, точно так же английские короли поступали с католиками. Возмутительная для совести и разума нелепость, более всех других причин подорвавшая авторитет религии в глазах «малых сих»: то самое что в одной стране объявлялось во имя Божьей воли безусловным долгом всякого человека – то же самое в соседней стране во имя той же воли Божией признавалось худшим из представлений и каралось чудовищными казнями.

Эти безобразные злоупотребления идеей государственной церкви, или что то же в сущности – христианского государства, побуждают большинство мыслящих людей вовсе от нее отказаться, как от пережитого, недоброй памяти, суеверия. Но кроме этих извращенных, ложных взглядов, которые мы указали, есть у государственной церкви и у христианского государства иной, истинный смысл. Понять, принять и осуществить его казалось будто бы издавна высшим предназначением России. К несчастью донныне этот правый смысл загражден в нашем общественном сознании различными историческими осложнениями, запутан невольными заблуждениями и намеренными софизмами.

Попробуем в следующем письме освободить и распутать его.

Владимир Соловьёв

Вопреки утверждению составителя первого собрания сочинений Г.А. Рачинского, XXII «Воскресное письмо» от 2(14) августа 1898 года под названием «Духовное состояние русского народа» было отнюдь не последним. Известно, что философ написал вторую часть этого письма, но оно было отвергнуто цензурой. Тем не менее сразу после смерти философа, в августе 1900 года, это письмо было опубликовано в журнале «Вестник всемирной истории»¹⁹. Мы его также воспроизведем здесь полностью:

¹⁹ Запоздалое «Воскресное письмо» В.С. Соловьёва. Сообщ. М.В. Головинского (XII. Из архива литературного и исторического) // Вестник всемирной истории. Ежемесячный журнал исторической литературы и искусства. 1900, Август. № 9. II паг. С. 203–208 [21].

Духовное состояние русского народа*

В отделе *Утверждение веры и благочестия*, в главе *Положение православия в холмско-варшавской епархии* всеподданнейший отчет сообщает, что между преданными православию прихожанами не мало таких, которые не ставят большой разницы между «костелом» и церковью и, почитая православные праздники, в то же время празднуют и католические, оправдываясь тем, что «греха никакого мне не будет, если я вместе с православными обычаями соблюдаю и другие христианские». Находя это грустным, отчет продолжает: «Но особенно грустное явление в церковно-революционной жизни холмско-варшавской епархии, сопровождающееся крайним вредом для положения православия в этом крае, – это упорное отчуждение от православной церкви весьма значительной части бывших греко-униатов и стремление ее к переходу в католицизм. По имеющемуся в местном епархиальном управлении статистическим сведениям, число упорствующих в 1895 году простиралось до 73, 175 душ. Вся эта масса коснеющих в униатских и католических заблуждениях или остается вне всякого попечения церкви, не исполняя никаких таинств и духовных треб, или тайно совершает таковые в заграничных и местных костелах. Все упорствующие из года в год живут надеждою, что рано или поздно им будет дозволено перейти в католицизм» (стр. 154). Далее, в отчете православные, католики и упорствующие ставятся в один ряд, как бы три особые религии, при чем говорится о *нерасположении* упорствующих к православию и об уклонении некоторых из них от всякого общения с православными. Ясно, таким образом, что дело идет о людях, не принадлежащих и не желающих принадлежать к православию; но административным актом 1875 г. эти люди объявлены воссоединенными к православию и, как подтверждено недавно изданными синодскими правилами, все они в силу этого акта должны почитаться *православными*.

Существуют два противоположные понятия о вероисповедании. По одному, согласному с прямым значением слова, вероисповедание определяется *верою* того человека, который к нему принадлежит, следовательно, некоторым внутренним душевным его расположением. Если эта вера наследственная – «вера отцов», то все-таки необходимо ее усвоение и утверждение личным сознанием, сам человек, его собственный образ мыслей и чувств должен участвовать в том неприкосновенном духовном наследии, которое дано ему вместе с другими, как вера отцов. По другому понятию, еще господствующему в некоторых странах, всякая религия, всякое вероисповедание есть прежде всего и главным образом внешний факт гражданского и государственного порядка, которым, хотя и не исключается личная вера, однако и не требуется непременно; вера не считается здесь существенным и необходимым основанием и определяющим началом вероисповедания. С этой точки зрения вероисповедание не есть исповедание того, во что кто верит, а есть внешнее общественное состояние, в роде сословия, звания, класса. Принадлежать к такому-то вероисповеданию значит быть причисленным к такой-то общественной группе по воле государства, от которого всецело зависит: или причислить человека к той религиозной группе, к которой он действительно принадлежит по своей собственной вере, или, – если такая группа не признана государством – причислить ее верующих к вредным членам общества с ограничением их

* См. начало XXII «Воскр. Письма» «Русь» 1898. (Прим. журн.)

прав, или, наконец, переводить человека безотносительно к его собственной вере из одной признанной государством религиозной группы в другую, по тем или другим государственным соображениям и на тех или других внешних основаниях, подлежащих административному расследованию. Отсюда происходит то, что люди не только не верящие в православие, как истинную религию, но и показывающие к тому крайнее нерасположение, могут, тем не менее, обязательно «почитаться» православными со всеми последствиями такого положения. Этим же объясняется непонятное на первый взгляд явление вредной секты «упорствующих», – упорствующих в своем исповедании католичества, то есть религии, пользующейся не только признанием, но в известном смысле покровительством государства. Но одно дело для государства признавать католическую религию и другое дело признавать за человеком право по собственной вере и совести принадлежать к той или иной из религий, хотя бы терпимых и покровительствуемых государством. Безусловного признания такого права за человеком не существует там, где государство оставляет *за собою* право причислять тех или других людей к той или другой религии, независимо от внутреннего их расположения. Как можно было, не спрашивая согласия человека, отдавать или «сдавать» его в солдаты, так точно без его воли и вопреки ей можно «сдавать его в православные». С внешней государственной точки зрения, огромная разница между этими двумя положениями вовсе нечувствительна. И как для непокорного солдата существует дисциплинарный батальон, отнимающий у него известные служебные права, так для верующего, сопротивляющегося своему зачислению в «православные», полагается разряд «упорствующих», лишаящий его религиозных прав на таинства и духовные требы. Как нерасположение человека к военной службе не освобождает его от обязанности быть солдатом по требованию государства, так даже «крайнее нерасположение» к православию не освобождает человека от необходимости «почитаться православным» в силу административного акта.

В «униатском деле» столкнулись не две какие-нибудь религии, а два понимания религии вообще: с одной стороны – как основанной на внутренних актах веры самого человека, а с другой – как определяемой внешними интересами и актами государственного управления, имеющими здесь силу помимо участия и согласия самих верующих. Мы имеем тут лишь более ясный и простой случай того самого отношения, которое выразилось и в нашем средне-русском расколе старообрядчества: ведь и его зло, с точки зрения государственной, заключается окончательно не в тех или других верованиях и мнениях, а лишь в упорном отстаивании своего права исповедовать свою собственную, а не предписанную извне религию. Значит «упорствующие» представляют явление все-русское, а не западно-русское только.

* * *

В епархиальной статистике число упорствующих униатов превышает 73 000, но в действительности их, конечно, больше, так как в эту статистику могли попасть лишь те, которые выразили свое «крайнее упорство» в каких-нибудь открытых действиях. На стр. 207 отчета мы находим статистические данные об упорствующих старообрядцах в 27 епархиях с наибольшим числом раскольников: в этих только епархиях сумма их составляет миллион двести семьдесят четыре тысячи слишком. Вероятно, случайно пропущена московская епархия, где в одной

Москве поповцев австрийского сословия, по имеющимся у меня сведениям из компетентного источника, более двадцати пяти тысяч, а в губернии есть обширный и густонаселенный район, – так наз. Гуслицы, – наполненный раскольниками. Пропущен также и Петербург с окрестностями, где число их довольно значительно. И для перечисленных в отчете 27 епархий действительная цифра «упорствующих» старообрядцев, конечно, выше официальной. Если принять это в соображение, и затем присоединить число раскольников московских, петербургских и еще из 35 непоименованных в отчете епархий, а также минимальное предположительное число независимых от старообрядчества последователей рационалистического и мистических толков – штунды, молокан, хлыстовщины и т.д., то без ошибки можно положить в три миллиона общее число всех русских людей, заблуждающихся во многих других отношениях, но упорно отстаивающих ту основную и непреложную истину, что человек сам должен знать, во что он верит или к какому вероисповеданию принадлежит, что это есть только дело его совести и больше ничье.

Глубочайшая, коренная аномалия нашей действительности состоит в том, что сознание этой истины, – без которой нет жизни духовной для человека, как и для народа, – не усвоено еще Россией, как государственным целым, и что исповедание своей веры словом и делом, нравственно-обязательное для всякого человека, является у нас опасным и даже известным «упорством».

В этом наша главная беда и тайная причина прочих бед; потому что пришло время для нашего духовного делания, а мы связаны борьбою с упорствующими вместо того, чтобы пользоваться их духовной энергией для общего дела. Всякий исторический день имеет свою заботу, свою главную неотложную задачу. Вчерашний день нашей истории должно было это более явное и простое дело. Но раз оно совершилось, тем самым пришла пора для другого, более глубокого и важного освобождения России от ее духовного, религиозного закрепощения и в этом задача нынешнего исторического дня для нас. Как и когда она будет исполнена, мы не знаем, но мы знаем и знаем *верно*, что без ее исполнения Россия не может быть здорова ни телом, ни духом. Чувство нравственной необходимости, чувство исполненного долга стоит между нами и нашей всемирно-историческою будущностью, – то есть тем высшим призванием духовного собирания всей земли, которое стало бы нашей будущностью, если бы только совесть наша была чиста перед Богом. А теперь как может действовать народный дух, связанный междуусобной злобой и обидой? Не обидою гражданско-экономическою, которую можно забыть во имя патриотизма, как забывалась она в 1812 году, – можно ее забыть, потому что она касается того, что *принадлежит* человеку, а не того, что *есть он сам*, – не души, не веры и не совести. Верую и совестью пожертвовать ради чего-бы то ни было – значит потерять свое человеческое достоинство. Обида религиозная не может и не должна быть забыта – она должна быть прекращена, направлена, заглажена. Требуется этого наша совесть и давно уже наступивший – после освобождения крестьян – нынешний исторический день. Вот уже более тридцати лет мы не делаем шага, чтобы исполнить главное, необходимое внутреннее условие нашего исторического призвания, – и вот почему и внешнее нам не дается, вот почему мы не могли войти в открытый перед нами Царьград, вот почему силы земли иссякают, и отовсюду беда и угроза. И еще слава Богу, что так. Совсем погиб и оставлен Богом тот

народ, которому уснувшая совесть не мешает благоденствовать и ликовать при неисполненной правде. Болея Россия и духом, и телом, но пока в одних ее сынах страдания не истребили упорствующей веры, а в других есть любовь к страдающим, есть и надежда, что грех и болезнь народа не к смерти, а к славе Божией.

Как и в предшествующем XXII письме, философ обсуждает в своем тексте опубликованный в 1898 году «Всепоподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 годы» (СПб.: Синодальная типография, 1898), в котором, в частности, содержался приводимый в XXIII письме рассказ о положении дел с греко-униатским населением Польши и Восточной Украины, отказывающимся причислять себя к православному вероисповеданию.

Вернемся к публикации в «Вестнике Всемирной истории». Она сопровождалась коротким предуведомлением публикатора — редактора журнала М.В. Головинского:

Печатаемое ниже письмо столь преждевременно умершего В.С. Соловьева было передано в редакцию газеты «Русь» в 1898 году, но не могло быть помещено своевременно в этой, вскоре прекращенной (в декабре того же года) по распоряжению цензуры, газете. Утратив свою злободневность, это письмо несомненно сохранило интерес по глубине высказанных в нем взглядов. Пользуясь разрешением покойного «когда-нибудь» напечатать это письмо, мы помещаем здесь целиком его драгоценные строки, думая, что извлечением из-под спуда слов одного из представителей гималаев человеческой мысли, с которым, может быть, и можно было иногда не соглашаться, но которого нельзя было не уважать, мы оказываем посильную с нашей стороны «поминку» великому угасшему светильнику духа.

Имя М.В. Головинского как публикатора XXIII соловьевского «Воскресного письма», возможно, явилось причиной того, что этот документ, который, скорее всего, был известен составителям первого собрания сочинений философа, не был включен в его состав. Матвей Васильевич Головинский, несомненно, одна из самых скандальных, равно как и самых загадочных фигур русской публицистики XIX–XX веков. В рамках нашей задачи нет возможности осветить всю историю жизни этого более чем странного человека, ставшего героем таких авантурных романов, как «Бестселлер» Ю.П. Давыдова и «Пражское кладбище» У. Эко. Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть остро дебатруемую «полицейскую» версию происхождения «Протоколов Сионских мудрецов», согласно которой этот документ был написан по заказу лидера Заграничной агенты Департамента полиции МВД П.И. Рачковского, его агентом М.В. Головинским, причем как раз чуть ли не в тот самый 1900 год, когда он извлек из своего архива «Воскресное письмо» Вл. Соловьева. Для нашей темы достаточно знать, что М.В. Головинский действительно являлся (или, точнее, числился) редактором «Руси» в 1897–1898 годах и что он, как считали многие современники, в

частности В.Г. Короленко, был поставлен на эту должность почему-то доверявшим ему цензором М.П. Соловьевым. После закрытия газеты он какое-то время редактировал петербургскую газету «Северный курьер», но в 1900 году стал активно сотрудничать – и в качестве редактора, и в качестве постоянного автора – в «Вестнике всемирной истории», который под его неформальным руководством стал одним из типичных легально марксистских изданий того времени. Затем у М.В. Головинского, который, помимо журналистских дел, был еще и присяжным поверенным, равно как и медиком и много кем еще, возникла некая скандальная история со взятием чужих денег (от вдовы купца А.Н. Петухова), и он публично в феврале 1902 года – через газету «Новое время» – сообщил о своем уходе из журнала и отъезде из Санкт-Петербурга. Журнал под руководством издателя С.С. Сухонина выходил еще несколько лет, в том числе под названием «Всемирный вестник», но история с публикацией «забытого» «Воскресного письма» Вл. Соловьева никогда более не поднималась на его страницах²⁰.

Какой бы сомнительной ни была репутация М.В. Головинского, в аутентичности опубликованного им документа нет никаких оснований сомневаться. Все последующие публикации «Воскресных писем» должны в обязательном порядке включать в себя XXIII письмо, увидевшее свет в «Вестнике всемирной истории». Аутентичность этого документа подтверждается существованием XXIV письма (вероятно, автор сознательно давал понять, что одно письмо не смогло найти места на страницах газеты по не зависящим от автора причинам), которое, в отличие от письма XXIII, было опубликовано на страницах «Руси»: оно появилось в газете 4(16) октября 1898 года за подписью «Владимир Соловьев» в № 99 за 1898 год²¹. Приведем это письмо полностью:

Воскресные письма

XXIV

О комарах и верблюдах. (Разговор с дамой)

- Ну, что-то вы скажете от ковенском деле?
- Почему вы о нем вспомнили?
- Как *вспомнила*?
- Да, ведь, вы говорите об известном деле в Ковенской губернии, в местечке Крожах, где в 1893 году закрывали католическую церковь, причем произошло кровопролитие.
- Ах, совсем нет! Я говорю о *теперешнем* ковенском деле, о котором все говорят.
- Что за дело?

²⁰ О странных перипетиях биографии М.В. Головинского см.: Лепехин М.П. Необходимые уточнения к биографии М.В. Головинского // Из глубины времен. Альманах. 1998. № 10. С. 302–303 [22].

²¹ См.: Соловьев Вл. Воскресные письма. XXIV. О комарах и верблюдах (Разговор с дамой) // Русь. 1898, 4 (16) октября. № 99. С. 3 [23].

- Ну зачем же вы притворяетесь?
- Да, право, нет. Ведь я эту неделю провел в деревне, а в газете как-то пропустил. В чем же дело?
- Да как-же, ксендз, который ужасно бил и запугивал двух женщин, чтобы они прогнали русских.
- И что-ж, он все бьет и запугивает?
- Ну что за вздор! Конечно, арестован.
- А! Так прочтем в свое время в судебной хронике.
- Как, у вас нет никакого негодования?
- Нет, знаете, когда начинаешь стареть, то становишься экономным. Когда мне рассказывают про какого-нибудь злодея и при этом прибавляют: ну, теперь насидится в остроге! – я не трачу понапрасну своего негодования и прибегаю его на тот случай, когда никого не сажают в острог или сажают невиновных и пострадавших.
- Ну это другой вопрос. Но как же вы не интересуетесь этим делом? Ведь это ужасно, какой фанатизм, какая жестокость!
- Совсем не интересуюсь.
- Да почему, на каком основании?
- На самом твердом, какое только может быть.
- Ну, говорите.
- Матфея VII, 3-5 и XXIII, 24
- Да говорите толком.
- «Что же ты смотришь на сучок в глазу брата твоего, а в своем глазу бревна не замечаешь? Или, как скажешь брату твоему: постой, выну сучек из глаза твоего, – а вот бревно в твоём глазу? Лицемер, выброси сперва бревно из глаза твоего, и тогда рассмотришь, как вынуть сучок из глаза брата твоего». А затем: «вожаки слепые, отцеживающие комара, верблюда же поглощающие!».
- Как? вы думаете, что это относится к делу? Нет, вы пристрастны.
- Я был бы неправ, если бы говорил, что нужно пить вино и чай с комарами. Но, ведь, против таких комаров, как ковенский ксендз, существуют хорошие сетки, которые я вполне уважаю: полиция и юстиция. А я хотел только сказать, что нечего думать о комарах, когда в горле застрял верблюд, и нехорошо беспокоиться о чужом сучке, когда у себя в глазу бревно. Кажется, это и есть прямой и ясный смысл слова Божия.
- Да, но только он сюда не идет. Какие же у нас верблюды? Бревен, положим, слишком много, но только не такие. Где у нас что-нибудь подобное?
- М-м-м-у-у-у!
- Почему вы мычите?
- По необходимости.
- Что еще такое?
- Сие мычание знаменует, что членораздельные звуки не всегда доступны.
- Это увертка.
- Нет, это факт, и я думаю, что невозможность членораздельной речи о наших верблюдах, – она то и есть самый главный верблюд.
- Так вы ничего и не скажете о ковенском деле?

- Нет. Пускай о нем поговорят прокурор с адвокатом. А, впрочем, могу прибавить старый афоризм: лежащего не бьют.
- Вот это кстати: ведь ксендз бил женщин, лежащих крестом!
- Ну, чтоб не было двусмысленности, вот вам новый афоризм: довлеет острог сидящему в нем.

Владимир Соловьев

Один из эпизодов, о которых идет речь в этом диалоге, – знаменитая «Крожская резня» – произошел 10(22) ноября 1893 года в литовском городе Крожи. Ковенский (или же каунасский) губернатор Н.М. Клингенберг прибыл в город, чтобы закрыть католический монастырь ордена бенедиктинок. Местные жители, в том числе женщины, попытались организовать сопротивление. В ходе стычки с казаками было убито 9 человек и затем арестовано около 100. С наступлением нового царствования заключенные по этому делу были отпущены на свободу. Вл. Соловьев в 1895 году в письме к В.Л. Величко уже упоминал данный случай в ряду других прегрешений официальной церкви и действующего в ее интересах государства: «Далее: пока Ваша принадлежность к греко-российской синагоге есть только внешний факт, прошедший не по Вашей воле, Вы ни за что не отвечаете; но когда Вы, по собственной воле, сознательно, намеренно и без всякого принуждения присоединяете к названному учреждению малолетнее и потому безответственное существо, то Вы торжественно заявляете свою солидарность с этим учреждением, и все его грехи переходят на Вас: тогда уже Вы лично виноваты и в сожжении протопопа Аввакума, и в избиении крожских крестьян, и в запрещении молитвенных собраний штундистов, и в тысячах других фактов того же вкуса» (курсив наш. – Б.М.) [14, с. 223–224].

Другой случай, упомянутый в XXIV письме, – дело ксендза Казимира Беляковича, привлеченного к ответственности за телесные наказания прихожанок, позволивших себе вступить в связь с русскими. Ксендз был осужден в 1899 году на судебном процессе в Петербурге, но вскоре помилован и отправлен священником в Тирасполь. Его дело подробно разбиралось в правой прессе как пример католического религиозного фанатизма, практикующегося в Литве²².

В данном фрагменте мы видим первый образец в творчестве Вл. Соловьева того жанра, который был немного позднее опробован в «Трех разговорах», – шутливая беседа протагониста автора, носителя правильной христианской позиции, со светской дамой, чье мнение и набор эмоций заданы популярными газетами и отражают настроения ее круга. Автор своим скепсисом дает понять, что эти настроения лишены смысла и являются не более чем предрассудками. Эмоциональное возмущение следовало бы направить на что-то более значимое, и

²² См.: Сковрцов В.М. Судебный процесс Ковенского ксендза Белякевича и католическая церковная дисциплина. Церковно-государственное и миссионерское значение судебного процесса Ковенского ксендза Белякевича. СПб.: Изд. журн. «Миссионер. Обзорение», 1900. (Народно-миссионерская библиотечка) [25].

этим более значимым событием для философа является насилие в отношении представителей неудобной для государства и господствующей церкви конфессии. Философ также намекает (не столько не слишком умной «даме», сколько «проницательному читателю» «Руси») на то, что он лишен возможности открыто говорить со страниц газеты о тех проблемах, которые его реально беспокоят, и именно это является причиной прекращения публикации цикла «Воскресных писем». Как мы уже говорили, этот отказ от дальнейшего выпуска писем не помешал Вл. Соловьёву продолжить сотрудничество с другими изданиями В.П. Гайдебурова, в частности, с «Книжками Недели», где в 1899–1900 годах публиковался диалог «Под пальмами».

Список литературы

1. Соловьёв Вл. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями. СПб.: Типография СПб. т-ва «Труд», 1900. 279 с.
2. Соловьёв Вл. Предисловие к «Трем разговорам» // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. X. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 83–92.
3. Степанов А.Н. «Три разговора» Вл. Соловьёва: вопросы публикации, жанрового своеобразия и композиционной целостности // Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В.С. Соловьёва: материалы Междунар. конф. 14–15 февраля 2003 г. Сер. Symposium. Вып. 32 // СПб.: Санкт-Петербург. филос. общество, 2003. С. 378–383.
4. Соловьёв Вл. Немезида // Русь. 1898. № 8. С. 1–2; № 15. С. 2; № 22. С. 2.
5. Соловьёв Вл. Воскресные письма // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. X. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 3–80.
6. Соловьёв Вл. Россия через сто лет // Русь. 1898, 29 июля (7 августа). № 29. С. 2.
7. Соловьёв Вл. О соблазнах // Русь. 1897, 9 (21) марта. № 50. С. 2.
8. Соловьёв Вл. Словесность или истина? // Русь. 1897, 30 марта (11 апреля). № 70. С. 2.
9. Соловьёв В.С. Духовное состояние русского народа // Русь. 1898, 2 (14) августа. № 53. С. 3.
10. Меньшиков М. Отклики LXIII // Неделя. 1900. № 17. Ст. 605.
11. Санькова С.М. Два лица «Нового времени»: А.С. Суворин и М.О. Меньшиков в зеркале историографии. Орел: ФГОУ ВПО «Государственный университет – УНПК», 2011. 224 с.
12. О.Т.В. <В.А. Гольцев. > Ответ г. Меньшикову // Русская мысль. 1895. Кн. VIII. С. 157–159.
13. М.О.М. <Меньшиков М.О.> Письма к друзьям // Русь. 1898, 19 (31) августа. № 53. С. 3.
14. Соловьёв В.С. Письма Н.Я. Гроту // Соловьёв В.С. Письма: в 4 т. Т. I. СПб.: «Общественная польза», 1908. С. 61–102.
15. Меньшиков М.О. Думы о счастье. СПб.: тип. М. Меркушева, 1898. 176 с.
16. Оболенский Л.Е. Мои личные воспоминания о В.С. Соловьёве. Цит. по: Колеров М.А. Новое свидетельство современника о Владимире Соловьёве // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2019. Вып. 15. М.: Модест Колеров, 2019. С. 15–23.
17. Меньшиков М.О. Вл.С. Соловьёв // Меньшиков М.О. Критические очерки. Т. II. СПб.: тип. Т-ва печатн. и издат. дела «Труд», 1906. С. 489–498
18. Толстой Л.Н. Письмо к И.М. Трегубову 3 августа 1900 г. <прим. сост.> // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 72. Письма. 1899–1900 гг. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1933. С. 436–437.
19. Меньшиков М. Отклики. XXXV // Неделя. 1900, 6 (18) февраля. № 6. С. 218–219.
20. Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков. М.: Русский путь, 2005. 475 с.
21. Запоздалое «Воскресное письмо» В.С. Соловьёва. Сообщ. М.В. Головинского

(XII. Из архива литературного и исторического) // Вестник всемирной истории. Ежемесячный журнал исторической литературы и искусства. 1900, август. № 9. II паг. С. 203–208.

22. Лепехин М.П. Необходимые уточнения к биографии М.В. Головинского // Из глубины времен. Альманах. 1998. № 10. С. 281–318.

23. Соловьев Вл. Воскресные письма. XXIV. О комарах и верблюдах (Разговор с дамой) // Русь. 1898, 4 (16) октября. № 99. С. 3.

24. Соловьев В.С. Письма В.Л. Величко // Соловьев В.С. Письма: в 4 т. Т. I. СПб.: Общественная польза, 1908. С. 194–235.

25. Сковрцов В.М. Судебный процесс Ковенского ксендза Белякевича и католическая церковная дисциплина. Церковно-государственное и миссионерское значение судебного процесса Ковенского ксендза Белякевича. СПб.: Изд. журн. «Миссионер. Обзорение», 1900. (Народно-миссионерская библиотечка).

References

(Sources)

Collected Works

1. Solov'ev, V.S. Pis'ma N.Ya. Grotu [Letters to N. Grot], in Solov'ev, V.S. *Pis'ma v 4 t., t. 1* [Letters of Vladimir Sergeevich Solovyov in 4 vols., vol. 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1908, pp. 61–102.

2. Solov'ev, V.S. Pis'ma V.L. Velichko [Letters to V. Velichko], in Solov'ev, V.S. *Pis'ma v 4 t., t. 1* [Letters of Vladimir Sergeevich Solovyov in 4 vols., vol. 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1908, pp. 194–235.

3. Solov'ev, V.S. Predislovie k «Trem razgovoram» [Preface to Three conversations], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 12 t., t. 10* [The complete works in 12 vols., vol. 10]. Bryussel': Zhizn' s Bogom, 1966, pp. 83–92.

4. Solov'ev, V.S. Voskresnye pis'ma [Sunday letters], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 12 t., t. 10* [The complete works in 12 vols., vol. 10]. Bryussel': Zhizn' s Bogom, 1966, pp. 3–80.

5. Tolstoy, L.N. Pismo k I.M. Tregubovu, 03.08.1900 g. [The letter to I.M. Tregubov, 03.08.1900], in Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 72. Pis'ma. 1899–1900 gg* [The complete works. Vol. 72. Letters. 1899–1900]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1933. 630 p.

Individual works

6. *Anton Chekhov i ego kritik Mikhail Men'shikov* [Anton Chekhov and His Critic Mikhail Men'shikov]. Moscow: Russkiy put', 2005. 475 p.

7. Men'shikov, M.O. *Dumy o schast'e* [Thoughts on Happiness]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. Merkusheva, 1898. 176 p.

8. Men'shikov, M. Otkliki LXIII [Responses LXIII], in *Nedelya*, 1900, no. 17, col. 605.

9. Men'shikov, M. Otkliki XXXV [Responses XXXV], in *Nedelya*, 1900, no. 6, col. 218–219.

10. M.O.M. < Men'shikov, M. > Pis'ma k druž'yam [Letters to Friends], in *Rus'*, 1898, August 19/31, no. 53, p. 3.

11. Men'shikov, M.O. VI.S. Solov'ev [VI.S. Solovyov], in Men'shikov, M.O. *Kriticheskie ocherki. T. II* [Critical Essays. Vol. II]. Saint-Petersburg: Trud, 1906, pp. 489–498.

12. O.T.V. < Gol'tsev, V.A. > Otvet g. Men'shikovu [The Reply to Men'shikov], in *Russkaya mysl'*, 1895, book VIII, pp. 157–159.

13. Obolenskiy, L.E. Moi lichnye vospominaniya o V.S. Solov'eve. Tsit. po: Kolerov, M.A. Novoe svidetel'stvo sovremennika o Vladimir Solov'eve [My personal memories of V.S. Solovyov. Quote by: Kolerov M.A. New Testimony of a Contemporary about Vladimir Solovyov], in *Issledovaniya po istorii russkoy mysli. Ezhegodnik*, 2019, pp. 1–23.

14. Skvortsov, V.M. *Sudebnyy protsess Kovenskogo ksendza Belyakevicha i katolicheskaya tserkovnaya distsiplina. Tserkovno-gosudarstvennoe i missionerskoe znachenie sudebnogo protsessa Kovenskogo ksendza Belyakevicha* [The trial of the Coven Priest Belyakevich and Catholic Church discipline. The church-state and missionary significance of the trial of the Kovensky priest Belyakevich]. Saint-Petersburg: Izdanie zhurnala «Missioner. Obozrenie», 1900. (National Missionary Library). 56 p.

15. Solov'ev, V.S. *Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vseмирnoy istorii, so vklyucheniem kratkoy povesti ob Antikhriste i s prilozheniyami* [Three conversations on war, progress, and the end of world history, including a short story about the Antichrist and appendices]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Trud», 1900. 279 p.

16. Solov'ev, Vl. Nemezida [Nemesis], in *Rus'*, 1898, no. 8, pp. 1–2; no. 15. p. 2; no. 22, p. 2.

17. Solov'ev, Vl. O soblaznakh [On Temptations], in *Rus'*, 1897, March 9/21, no. 50, p. 2.

18. Solov'ev, Vl. Rossiya cherez sto let [Russia in a Hundred Years], in *Rus'*, 1898, July 29, no. 29, p. 2.

19. Solov'ev, Vl. Slovesnost' ili istina? [Literature or Truth?], in *Rus'*, 1897, March 30/ April 11, no. 70, p. 2.

20. Solov'ev, Vl. Dukhovnoe sostoyanie russkogo naroda [Spiritual state of Russia people], in *Rus'*, 1898, August 2/14, no. 53, p. 3.

21. Solov'ev, Vl. Voskresnye pis'ma. XXIV. O komarakh i verblyudakh (Razgovor s damoy) [Sunday Letters. XXIV. On Mosquitoes and Camels (Conversation with a Lady)], in *Rus'*, 1898, October 4/16, no. 99, p. 3.

22. Zapozdaloe «Voskresnoe pis'mo» V.S. Solovieva [V.S. Solovyov's Late “Sunday Letter”], in *Vestnik vseмирnoy istorii*, August 1900, no. 9, pp. 203–208.

(Articles from Scientific Journals)

23. Lepekhin, M.P. Neobkhodimye utochneniya k biografii M.V. Golovinskogo [Necessary Clarifications to the Biography of M.V. Golovinsky], in *Iz glubiny vremen. Al'manakh*, 1998, no. 10, pp. 281–318.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

24. San'kova, S.M. *Dva litsa «Novogo vremeni»: A.S. Suvorin i M.O. Men'shikov v zerkale istoriografii* [Two Faces of the New Era: A.S. Suvorin and M.O. Menshikov in the Mirror of Historiography]. Orel: State University – UNPK, 2011. 224 p.

25. Stepanov, A.N. «Tri razgovora» Vl. Solov'eva: voprosy publikatsii, zhanrovogo svoebraziya i kompozitsionnoy tselostnosti [“Three Conversations” by V.S. Solovyov: Issues of Publication, Genre Originality, and Compositional Integrity], in *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Minuvshee i neprekhodnyashchee v zhizni i tvorchestve V.S. Solov'eva». Vyp. 32, Sankt-Peterburg, 14–15 fevralya, 2003* [Proceedings of the International Conference “The Past and the Enduring in the Life and Work of V.S. Solovyov”. Issue 32, Saint-Petersburg, February 14–15, 2003]. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2003, pp. 378–383.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY

УДК 14(430)(091)
ББК 87.3(4Гем)5-535

Игорь Иванович Евлампиев

Санкт-Петербургский государственный университет, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры русской философии и культуры, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: yevlampiev@mail.ru

«Спор» Фихте и Гегеля в историко-философских работах И.А. Ильина. Статья вторая: Проблема отношений Бога, мира и человека¹

Аннотация. На основе анализа второй части книги И.А. Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» констатируется, что в ней Ильин пришел к выводу о том, что Гегель целиком принял учение Фихте, описывающее Бога как глубинную сущность человека. Однако, приняв это учение, Гегель не принял его главного вывода о том, что для человека, раскрывшего в себе Бога, ставшего божественной личностью, возможно мистическое действие на мир, не считающееся с его рациональными законами. Показано, что Гегель хотел дать рациональное обоснование возможности для Бога подчинить себе отпавший от него мир, но в конце концов он потерпел неудачу в этом главном замысле. В результате сделан вывод, что его система оказалась двусмысленной: признавая на словах возможность полного триумфа Бога в мире в форме Абсолютного государства, Гегель в реальном описании общества и истории приходит к противоположному выводу о невозможности полного подчинения Богу иррационального начала, господствующего в эмпирической жизни людей. После выделения этой главной идеи работы Ильина получен новый результат о соотношении влияния учений Фихте и Гегеля в философии XIX–XX веков. Показано, что Гегель породил последнюю версию рационализма, основанного на метафизическом дуализме Бога и иррационального начала (К. Маркс, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и др.) и признающего человека радикально ограниченным существом, неспособным обрести божественное всемогущество. Краткий анализ философии наследников Фихте (С. Кьеркегор, Л.Н. Толстой, Ф. Ницше, А. Бергсон, С.Л. Франк и др.) позволяет сделать обратный вывод: они признали возможным для человека обрести полноту божественного всемогущества и преобразовать мир к совершенству.

Ключевые слова: европейский рационализм, мистицизм, иррациональное начало, высшие личности, метафизический дуализм

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00479, <https://rscf.ru/project/24-18-00479>, Санкт-Петербургский государственный университет. This study was funded by Russian Science Foundation, project number 24-18-00479, <https://rscf.ru/project/24-18-00479>, Saint Petersburg State University.

Igor Ivanovich Evlampiev

Saint-Petersburg State University, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Russian Philosophy and Culture, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: yevlampiev@mail.ru

“The Debate” between Fichte and Hegel in the Historical and Philosophical Works of I.A. Ilyin. Article Two: The Problem of the Relationships of God, World, and Man

Abstract. Based on an analysis of the second part of I.A. Ilyin's book, “Hegel's Philosophy as a Doctrine of the Concreteness of God and Man”, Ilyin concludes that Hegel fully embraced Fichte's teaching, which describes God as the deepest essence of man. However, while accepting this teaching, Hegel rejected its central conclusion: that for man, having discovered God within himself and become a divine personality, mystical action on the world is possible, defying its rational laws. It is shown that Hegel sought to provide a rational justification for God's ability to subjugate a world that had fallen away from him, but ultimately failed in this fundamental plan. As a result, the conclusion is reached that his system proved ambiguous: while verbally acknowledging the possibility of God's complete triumph in the world in the form of the Absolute State, Hegel, in his actual description of society and history, arrives at the opposite conclusion: the impossibility of the complete subordination to God of the irrational principle that dominates human empirical life. Having highlighted this central idea of Ilyin's work, the article arrives at a new result regarding the relationship between the influence of Fichte and Hegel in the philosophy of the 19th and 20th centuries. It is shown that Hegel gave birth to the latest version of rationalism, based on the metaphysical dualism of God and the irrational principle (Karl Marx, Max Heidegger, Jean-Paul Sartre, and others) and recognizing man as a radically limited being, incapable of attaining divine omnipotence. A brief analysis of the philosophy of Fichte's successors (S. Kierkegaard, L.N. Tolstoy, F. Nietzsche, A. Bergson, S.L. Frank, and others) allows us to draw the opposite conclusion: they recognized the possibility for humans to attain the fullness of divine omnipotence and transform the world toward perfection.

Key words: European rationalism, mysticism, irrational principle, higher personalities, metaphysical dualism

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.4.029-043

Переход Абсолютного Духа, достигшего в своем чисто логическом развитии состояния абсолютной конкретности, породившего в себе всю многообразную систему категорий от бытия до Абсолютного государства, в свое инобытие, в материальную природу Гегель мыслил как повторение в новом «материале» процесса диалектической конкретизации. Если бы материальная действительность была такой, какой ее хотел видеть Гегель, она показывала бы такую же гармоничную и последовательную систему все более сложных и цельных явлений, какой была система логических категорий в Абсолютном Духе. Но, как утверждает Ильин в труде «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», Гегель очень хорошо видел, что такой гармонии и органической последовательности явлений в материальном мире нет, более того, в нем действуют силы, противостоящие действию организующего начала и разрушающие

даже относительную гармонию. Это трезвое понимание действительности боролось в нем с верой в возможность правильного, должного воплощения Духа в материи. Согласно Ильину, именно столкновение этой веры и этого трезвого понимания делает оценку истинных результатов гегелевской философии чрезвычайно трудным. Большая часть интерпретаторов Гегеля видели только его веру и считали, что в своей философии природы и философии духа он изображает победное шествие Духа в материальном мире; это и порождало то критичное, а часто и просто насмешливое отношение к Гегелю, которое демонстрирует, например, Соловьев в работе «Кризис западной философии (против позитивистов)». Ильин же считает, что внимательное прочтение главных трудов Гегеля должно привести нас к совершенно иному выводу, который он и пытается обосновать во второй части своего труда: Гегель в конце концов признает, что порожденное Духом инобытие (материя) оказывается не орудием его более полного явления в бытии, а противостоящей силой, не позволяющей ему реализовать с достаточной полнотой свои спекулятивные «богатства». Как пишет Ильин, при переходе в материальную природу «понятие теряет свой спекулятивно-мыслящий вид и облекается в форму *немыслящей, бессознательной, пространственно-временной вещи*»². «Мышление, эта абсолютная сила и власть, изменяет Понятию, отпавшему в инобытие. Эта измена наносит жизни Понятия и его строю тяжелый удар: *Идея лишается своей спекулятивной власти*. <...> С нескрываемой растерянностью и беспомощностью говорит нередко Гегель о той беспомощности и растерянности, в которой внезапно оказалось Понятие, — пишет Ильин в своей работе «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» и далее продолжает. — “Отпадение” Идеи оказывается ее “падением”, и к новому состоянию ее должно быть отнесено и применено всё, что Гегель формулировал и выговорил об эмпирической конкретности. И, прежде всего, этот мир чувственного бывания оказывается спекулятивно-неприемлемым. Понятие стоит здесь в безысходной необходимости отвергнуть себя за отпадение от себя. Мир не может быть “оправдан”. <...> *Понятие погибает в созданном им хаосе*» [1, с. 210–214].

Именно в этом месте Ильин формулирует главный тезис своей новой интерпретации системы Гегеля: он утверждает, что, признавая крушение замысла, объединявшего его с Шеллингом (Ильин в статье о Фихте 1912 г. считал этот замысел выполненным Гегелем), немецкий философ пытается сохранить в разработке своей системы хотя бы отдельные его элементы, и это порождает заметные противоречия в его построениях: «слагается *единое, но многоголосое решение*, подчас лишь с большим трудом поддающееся дешифрированию» [1, с. 214]. Гегель не может признать, что мир совсем «отпал» от Бога и существует только по своим

² См.: Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994. С. 209 [1].

противобожественным законам, он пытается доказать, что Духу, вошедшему в материю, все-таки удастся *частично* подчинить ее себе.

Ильин находит в этой части гегелевской системы концепцию «образов» мира, которые понимаются как ключевые явления природной действительности, демонстрирующие состоявшуюся победу божественного начала над иррациональной стихией: «“Образ” есть не осуществляющаяся, но осуществившаяся сущность: Бог, *принявший инобытие в органический состав своей действительности*» [1, с. 239]. Наиболее важными из этих «образов» являются *природный организм, человек и государство*. В каждом из них осуществляется особенно полное взаимодействие и органичная взаимодополнительность низшей иррациональности и божественного начала.

В этом фрагменте гегелевской системы выясняется значение человека в реализации замысла божественного господства в мире и высший смысл его жизни: в человеке как в центральном элементе всего процесса перехода Духа в инобытие божественному началу открывается возможность полного и цельного явления в материальном мире. Выделяя этот пункт как самый важный в системе, Ильин именно здесь фиксирует решающее влияние идей Фихте для складывания окончательной версии философского мировоззрения Гегеля. Утверждая, что для Гегеля сущность человека, *«его истинное духовное существо»* есть не что иное, как *сама субстанция, сама абсолютная свобода*, восстанавливающая себя в творческом борении», Ильин констатирует: «Здесь, как нигде, Гегель может и должен быть понят из глубины учения Фихте Старшего. По Гегелю, дух, творящий свое освобождение в человеке, подобен тому “абсолютному Я”, которое, по учению Фихте, силою своею гарантирует “относительному, малому я” человека – победу над “не-я”, над инобытием. Назначение человека Гегель видит вместе с Фихте в отождествлении себя со своим абсолютным духовным средоточием (субстанцией) и в восхождении к абсолютной свободе. Фихте не сразу отрешается от антропоцентрического понимания субстанции; он говорит о свободе как о бесконечно осуществляемом идеале; он не знает исчерпывающего спекулятивного ряда образов, учения о верховенстве мыслящего себя понятия и о диалектически-органическом восхождении к конкретному богатству. Но *онтологический корень* человеческого существа Фихте и Гегель понимают одинаково – как *духовное самоосвобождение*» [1, с. 259]. Гегель, продолжает Ильин, буквально воспроизводит представление Фихте о присутствии Бога в человеке: *«Корень человеческой души божествен; и не только потому и постольку, поскольку Бог открывается человеку в созерцании и мышлении, а потому, что Бог реально действует в человеке и осуществляет себя через человека; человек есть подлинно «медиум» Бога, скрывающий в себе его могучее и творческое присутствие ...»* [1, с. 274].

Слова Ильина о том, что Фихте «не сразу отрешается от антропоцентрического понимания субстанции», можно понять как признание того факта, что именно позднее его учение необходимо рассматривать в качестве правильной

концепции Бога и человека, которую не мог не учитывать Гегель. Остальные отличия позиции Фихте от позиции Гегеля, которые фиксирует Ильин, вряд ли можно признать *недостатками* его системы, скорее, их нужно оценивать как ее *достоинства* по отношению к системе, все еще сохраняющей в себе ключевые элементы новоевропейского рационализма.

Рассматривая далее, как Гегель понимает указанный процесс «духовного самоосвобождения» человека, т.е. воплощение им в своем конечном существе полноты Духа, Ильин еще раз вспоминает Фихте и констатирует, что Гегель в самом важном пункте использует его идеи: «...борьба с объектом необходима духу для его освобождения, и вследствие этого весь процесс субъекта с инобытием является, как это было и у Фихте, *условием осуществления свободы*. <...> *Общение с инобытием есть необходимость*, которую Идея свободно создала для себя в отпадении; и в то же время это есть процесс ограниченного духа, *внутренне необходимый* для него и потому проявляющий его *самозаконность*, т.е. *свободу*. *Преодоление и снятие объекта* есть необходимость для освобождающего и, наконец, освободившего себя духа; и в то же время это есть торжество его самоопределения, т.е. его глубочайшей внутренней необходимости» [1, с. 267].

Но на основе этой общей идеи Фихте и Гегель делают совершенно разные выводы о *результатах* указанной «борьбы с объектом» и, значит, о возможности духовного самоосвобождения человека. Как видно из вышеприведенных слов, Фихте ни на мгновение не сомневается, что это возможно, его работа «Наставление к блаженной жизни» и посвящена разъяснению того, как человек может достичь состояния свободы, состояния полного слияния с Богом и превращения в «орудие» Бога в мире. В противоположность этому ильинская трактовка системы Гегеля ведет к выводу, что, хотя Гегель первоначально верил в возможность раскрытия Бога через человека, трезвое рассмотрение истории и современного состояния человечества вынудило его ответить отрицательно на этот вопрос. Точнее, Ильин фиксирует два очень различных хода мыслей Гегеля, ведущих к прямо противоположным итогам. С одной стороны, в «теоретической» части своей системы, выраженной в третьей части «Энциклопедии философских наук», Гегель изображает дело так, что через преобразования конечного бытия человека сначала в форму объективного, а затем и абсолютного духа задача полного подчинения иррациональной стихии духу и разуму благополучно осуществляется. Но самым важным для общей оценки системы Ильин считает не этот итог, а конкретный анализ жизни общества и истории в философии права и философии истории Гегеля. Этот конкретный анализ приводит Гегеля к неутешительному выводу о невозможности осуществления Абсолютного государства в земной действительности: «Оказывается, что *сущность* государства состоит в том, чтобы быть *ограниченным* во всех трех отношениях: и по объему человеческого состава, и по ритму спекулятивной жизни, и по уровню духовного развития. "Абсолютное" государство остается в этих ограничениях, несмотря на то что оно "абсолютное", но именно

потому что оно “государство”. И если это так, то “идея” государства явится знаком, отмечающим не “победу” Духа в человеке, а *предел* человеческого духа» [1, с. 430]. Поскольку государство является последним и высшим, после человеческой личности, «образом», в котором должно было осуществиться полное преобладания Духа над иррациональной стихией, неудача Духа в его осуществлении означает, по Ильину, общую и окончательную неудачу всего замысла преображения материального мира к спекулятивной конкретности и божественному совершенству. Вот как Ильин формулирует этот принципиальный итог своей интерпретации системы Гегеля: «Философия Гегеля, вопреки своему замыслу, обнаруживает предел Бога и человека в учении о “государстве” и в учении об “историческом процессе”, признавая, что силе Духа не удастся преодолеть до конца самобытную закономерность эмпирической стихии» [1, с. 443].

Используя детальный анализ, осуществленный Ильиным в отношении систем Фихте и Гегеля, можно констатировать, что, отправляясь от одного и того же исходного положения, рассуждения немецких мыслителей движутся в разных направлениях и заканчиваются разными выводами. Оба, как мы видели, признают, что сущность отдельной человеческой личности – это и есть Бог, это и есть тот Абсолютный Дух, который вошел в земную иррациональную стихию и работает над ее преображением к совершенству; оба мыслителя согласны в том, что отдельный человек способен усмотреть в себе свою божественную сущность и может попытаться «освободить» ее, чтобы она восторжествовала и превратила его личность в «орудие» распространения божественной власти над всем материальным миром. Но для Фихте состоявшаяся победа Духа в отдельной личности, великий пример которой дает Иисус Христос в Евангелии от Иоанна, и есть кульминация борьбы Духа за господство в мире, по отношению к этой победе всё остальное является следствием и дополнением, в том числе организация жизни людей с помощью государства и упрочения власти Духа в мире в историческом процессе. Для Гегеля же это только первый и не самый главный шаг к той же цели. Если человек выполнил главное задание своей жизни – освободил Бога в себе, стал его покорным «орудием», это не означает победы духа по отношению ко всем другим людям и тем более ко всему миру. Чтобы реализовать более полную победу, как раз и необходимо объединение людей в государство и действие государства как *главного* «орудия» Духа в мире. Соответственно, невозможность воплощения Абсолютного государства означает крах всего замысла по преображению земной действительности.

Чтобы понять причины этого различия, чтобы объяснить, почему, будучи полностью согласным с Фихте в постановке главного вопроса религии и философии, Гегель не смог согласиться с ним в ответе на этот вопрос, нужно приоткрыть к тому, как развивалось его мировоззрение и какую форму оно в конце концов приняло. Об этом Ильин говорит в самом конце своего труда, подводя окончательные итоги своего исследования.

Ранние философско-теологические произведения Гегеля показывают, что он пытается понять христианство как чисто моральное учение; описывая жизнь Иисуса Христа, он исключает из его учения и из его жизни, как она известна нам по евангелиям, все мистические элементы. В этом очевидно чувствуется влияние на него философии Канта. Однако впоследствии, по утверждению Ильина, Гегель переживает глубокий религиозный переворот. Он «отрекается» от Канта и его этики долга в пользу непосредственного принятия евангелий и их учения о возможности реального совершенства. В результате, как пишет Ильин, «глубокий и основной замысел Гегеля – *духовная сращенность людей в Боге, имманентность Божества человеческому роду ("миру")*, реальность Божества как конкретного целого, субстанциально питающего свои части, и, наконец, конститутивное рассмотрение совершенства – был навеян ему нравственным и мистическим духом евангельского учения» [1, с. 472]. Из евангелий Гегель вывел мысль об абсолютном значении любви как иррациональной, но всемогущей силе единения людей друг с другом и с Богом. Нетрудно видеть, что Ильин описывает религиозные воззрения молодого Гегеля буквально в тех же выражениях, в каких он описывал поздние религиозные воззрения Фихте в работе «Философия Фихте как религия совести»³. Ильин не сомневается, что позднее учение Фихте и вся известная нам система Гегеля были основаны на одной и той же глубокой предпосылке – на мистической интерпретации истинного учения Иисуса Христа как учения *о сущностном тождестве Бога и человека*. Но если Фихте в поздние годы окончательно принял эту интерпретацию и свою философию подчинил выражению этого учения, заслоненного и искаженного в истории ложными церковными представлениями, то Гегель не остановился на этом, он попытался соединить силу любви с тем, что он считал носителем еще более могущественной силы, – с Разумом и с его главным орудием, Понятием, причем именно Разум, а не любовь он принял за главное. В этом сказалась его приверженность рационалистической традиции, идущей от Декарта, в то время как Фихте в позднем учении окончательно разошелся с ней, вернувшись к более древней традиции мистического пантеизма, ясно выраженной Мейстером Экхартом и Николаем Кузанским.

В этом смысле «спор» между Фихте и Гегелем оказывается принципиальным для судеб европейской цивилизации: является ли последовательный научный и философский рационализм, заданный Декартом и английским эмпиризмом и превращенный в главное направления развития западного мира в эпоху Просвещения, самой сутью Запада и его культуры, как думали творцы новой эпохи, или это печальное заблуждение, которое нужно преодолеть, чтобы найти совсем другой, более плодотворный путь развития? Гегель, глубоко поняв смысл

³ См.: Ильин И.А. Философия Фихте как религия совести // Евлампиев И.И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб.: Наука, 1998. С. 494–498 [2].

противоположного пути развития, тем не менее пытался остаться в рационалистической традиции, обогатив ее иррациональными слагаемыми, взятыми из тех источников, которые сам рационализм объявил не имеющими значения. Но в развитии своей системы, основанной на таком симбиозе, он был вынужден признать, что рационализм даже в такой ослабленной и модифицированной форме не способен до конца объяснить существование человека, не способен показать, как возможно преобразование мира к божественному совершенству, образ которого, несмотря ни на что, живет в нашем сознании. Пытаясь доказать на этом пути, что *Бог есть в мире*, т.е. мир, несмотря на все свои несовершенства, движется к окончательной гармонии и всеединству, Гегель потерпел окончательную и полную неудачу. Как пишет Ильин, Гегелю в реализации своего замысла предстояло «незаметно для себя раскрыть, что поэмы *Божия пути* есть по существу трагедия *Божьих страданий*»⁴. В принятой Гегелем рационалистической модели отношения Бога и мира, пусть и обогащенной значительными иррациональными элементами, доказать победу божественного могущества в мире оказывается невозможным.

Но признать это прямо Гегель не может, поскольку это привело бы к краху его мировоззрения, поэтому возникает последний компромисс и последняя двусмысленность в развитии философом исходных принципов своей системы. Не признаваясь в этом прямо (вероятно, не признаваясь в этом даже себе самому!), Гегель возвращается к той мистической религиозности, которую он разделял в молодости и которая была отвергнута Разумом, принятым в качестве окончательного авторитета. Здесь он снова оказывается под определяющим влиянием учения Фихте, в котором, несмотря на его философский и, значит, формально рациональный характер, разум полностью подчиняет себя вере, мистической практике слияния с Богом, – признает «абсурд веры», т. е. готов поверить в то, что для разума выглядит абсурдом, но может стать реальностью в акте человеческой воли. Вот как об этом пишет Ильин: «Естественно и незаметно вступает Гегель на путь, предначертанный Фихте Старшим. Принципиально-теоретическая противоположность рассматривается и примиряется не столько в философской конструкции, сколько в своем глубоком, реальном составе. Проблема “мнизма” есть для Гегеля по существу не проблема доктрины, а проблема *бытия Божия*; и не вопрос о том, “как построить учение” о Боге, но реальное задание самого Божества, создающего “иноебытие” и преодолевающего его под видом мира» [1, с. 485]. Оставляя позицию теоретической, спекулятивной философии, Гегель вслед за Фихте переходит на позицию *практической* философии, в рамках которой человек полагает главным волевое действие в мире, а не его познание, поскольку именно через волю человека, а не через разум Бог входит в мир.

Но окончательно поверить в победу Бога в мире, вопреки рациональным аргументам против, Гегель так и не смог, поэтому итог его системы оказывается

⁴ См.: Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. С. 476.

двусмысленным. Принятие правоты Фихте означало бы для Гегеля отречение от исходного замысла понять Бога как саморазвивающийся Разум, приводящий себя к состоянию абсолютной спекулятивной конкретности. Гегель так и не смог переступить рубеж между классической и неклассической метафизикой, не смог, подобно Фихте, признать Бога *абсолютно непостижимым и непредсказуемым*, творящим свое содержание в каждое мгновение своего бытия как бы «заново» и без какой бы то ни было внутренней закономерности. В итоге Гегель создал последний и самый глубокий вариант классической метафизики, в то время как Фихте в своем учении предвосхитил выдающиеся варианты неклассического понимания Абсолюта – «волю» Шопенгауэра и «длительность» Бергсона.

Свою неискоренимую и *нерациональную* веру в то, что *Бог есть в мире*, Гегель всю жизнь старался дополнить разумным, рациональным описанием того, как *Бог властвует в мире*. Но в окончательном итоге он должен был констатировать, что второе несовместимо с первым: разум не только не может доказать, что Бог властвует в мире, в своем последовательном действии он ставит под сомнение само существование Бога. Метафизика Гегеля в своем естественном развитии неизбежно приобретает дуалистический характер: приходится констатировать наличие рядом с Богом независимого начала, которое хотя и произошло из самого Бога, но оказалось неподвластным ему, более того – само теперь определяет положение дел в материальной вселенной: *«Путь Божий, искажающий сущность Божества, заложен и предустановлен в той самой сущности, которую он искажает»*. Божественность Бога приводит его к небожественному состоянию и далее к долгому и страдальческому восстановлению своей божественности» [1, с. 495]. Причем главным элементом мироздания, в котором Бог встречает наиболее сильное противодействие иррационального элемента и терпит поражение в борьбе с ним, оказывается человек. Еще раз можно вспомнить, что, по утверждению Ильина, Гегель исходно разделял веру Фихте в возможность для человека раскрыть в себе Бога в такой полной мере, что его земное существо будет полностью «снято» и в мире будет в парадоксальной, рационально необъяснимой конечной форме существовать не его ограниченная личности, а *сам Бог*. Но в итоге развертывания своей системы Гегель отрекается от этой веры именно потому, что она не может быть подтверждена разумом, принятым им за абсолютный авторитет. Не только формально-логический разум Декарта, но и спекулятивный разум Гегеля оказался не в состоянии принять истину о возможности для земного человека стать Богом, «вместить» в себя Бога; разум однозначно показал Гегелю *предел человека* в его устремлении к божественному состоянию. «Этот “предел”, – констатирует Ильин, – устанавливается самую *формой* человеческого существования, тем *способом жизни*, который присущ *человеку как таковому*: множество пространственно и временно разъединенных, телесно-душевных, эмпирических монад, сокровенно носящих в себе божественное начало и не умеющих освободить его в себе и себя в нем до конца, –

это множество поистине имеет в самом себе предел своего спекулятивного вознесения. Быть человеком значит иметь ограниченный дух и ограниченную перспективу жизни; и человечество несет бремя этого предела так же, как индивидуальный человек. Быть человеком значит в страдании достигать и в страдании не достигать» [1, с. 468].

Нужно до конца понять важность того вывода о соотношении религиозных и философских концепций Фихте и Гегеля, к которому приводят размышления Ильина. К сожалению, сам Ильин не формулирует этот вывод ясно, и поэтому он остается совершенно не понятым и не оцененным в своем значении для исторических судеб европейской цивилизации. Несомненно, Фихте, как и Гегель, видел всю степень ограниченности и несовершенства земного существа человека, понимал, что пространственно-временная разделенность личностей накладывает радикальное ограничение на их бытие. Однако он не признавал эти ограничения фатально непреодолимыми для человека в его движении к божественному состоянию и не считался с аргументами разума, обосновывающими эту непреодолимость. *Абсолютную свободу* Бога и его *живую, творческую сущность* Фихте считал бесконечно выше любой формы разума; вся сущность поздней философии Фихте (ясно передаваемая Ильиным в его речи «Философия Фихте как религия совести») заключается в утверждении, что для действия Бога, т.е. для действия человека, осознавшего с себе Бога и стремящегося явить его через себя, *нет никаких ограничений в этом мире*, как бы капитально и убедительно их ни обосновывал разум. В человеке есть *мистические* способности, обусловленные его сущностным тождеством с Богом и преодолевающие любые рациональные закономерности земного бытия, – для них не является непреодолимым препятствием ни пространственная разделенность личностей, ни их временная ограниченность.

Гегель, отрицая наличие в человеке способностей, выходящих за рамки допустимого разумом, признает только такое развитие человечества, которое опирается на разум и его формы познания и преобразования мира. В теории утверждая «ничтожность» эмпирического мира, в реальности он признает *господство* эмпирической реальности над человеком, поскольку считает, что мы можем «бороться» с ней только ее же «методами», по-своему используя ее закономерности и формы организации. Именно такое понимание мира было положено в основу исторического мировоззрения западной цивилизации, начиная с эпохи Просвещения. Гегель, в той версии его философии, которую раскрывает Ильин, оказывается прямым наследником Просвещения и того культа научного разума, который породила эта эпоха, его система предстает как наиболее сложная и проработанная версия просветительской модели человека и истории. Первые идеологи этой эпохи поступали слишком прямолинейно и откровенно, просто отрицая Бога и признавая человека «механическим автоматом», полностью подчиненным природным закономерностям. Гегель, следуя по тому же пути, поступает осмотрительнее: он не отрицает Бога, но ограничивает его власть над миром; не

считает человека «автоматом», но и не допускает для него возможности действий, выходящих за рамки рациональных законов мироздания. Наиболее решительные последователи Гегеля породили оригинальные версии той же просветительской модели истории, имеющей принципиально атеистический характер. Сначала К. Маркс более ясно выразил в своей интерпретации философии Гегеля идею господства над человеком материи и ее закономерностей, затем уже в XX веке А. Кожев, М. Хайдеггер и Ж.-П. Сартр, следуя за Гегелем (первый явно, второй и третий неявно), создали дуалистические метафизические системы, в которых рядом с Абсолютом, ограничивая его, находится метафизическое начало Ничто. Все эти системы в равной степени являются атеистическими; соответственно, человек в них предстает радикально конечным, радикально смертным и неспособным подняться до божественного совершенства. Прослеживая эту линию развития европейской философии и фиксируя очевидную зависимость указанных мыслителей от гегелевских идей, мы лучше понимаем правоту ильинской интерпретации системы Гегеля, ведь эти наследники Гегеля поняли его систему именно так, как описывает Ильин.

Однако позднее учение Фихте также не осталось без наследников, его влияние породило в европейской философии не менее значимую тенденцию, которая выглядит гораздо более оптимистичной в своих оценках будущего цивилизации. Можно высказать гипотезу о влиянии идей Фихте на С. Кьеркегора, одного из загадочных и все еще недооцененных мыслителей XIX века; эта гипотеза пока не имеет ясных аргументов, но выглядит очень естественной при сопоставлении идей датского и немецкого философов, по крайней мере, известное представление Кьеркегора об «абсурде веры», которое он прямо противопоставляет гегелевскому культу разума, может быть в зародыше найдено в позднем учении Фихте. Гораздо более ясным представляется зависимость от его идей известнейших концептов Ф. Ницше, особенно его «вечного возвращения», которое может быть понято как метафизическая концепция, описывающая движение человеческой личности к божественному совершенству⁵. Итоговой формой тенденции, порожденной Фихте в европейской философии, стала метафизическая система Бергсона. Очень характерно, что Бергсон прилагает большие усилия для опровержения метафизической реальности ничто – тезиса, который становился популярным в философии XX века⁶; он понимал, что этот путь ведет к отрицанию Абсолюта и последовательной монистической метафизики, необходимой для разработки концепции истории, обосновывающей движение человечества к божественному состоянию. Согласно этой концепции, история целиком определяется отдельными *высшими, божественными личностями*, которых Бергсон

⁵ См. об этом подробнее: Евлампиев И.И. Влияние позднего религиозно-философского учения И.Г. Фихте на философские взгляды Ф. Ницше // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 3. С. 51–62 [3].

⁶ См.: Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Канон-пресс, 1998. С. 265–288 [4].

называет «мистиками», поскольку главным в их жизни оказывается состоявшееся слияние с Богом и превращение их в «орудия» прямого воздействия Бога на человечество и на материальный мир⁷. Цель истории и роль в ней «мистиков» Бергсон определяет таким образом, что возникают очевидные параллели с концепцией истории Фихте: выявив в себе Бога, слившись с ним всей своею личностью и обретя «блаженную жизнь», «мистик» становится пророком, ведущим всё человечество к состоянию окончательного соединения с Богом и материальным мирозданием: «В действительности для великих мистиков речь идет о том, чтобы радикально преобразовать человечество, начав с собственного примера. Цель может быть достигнута только в том случае, если в конце существует то, что теоретически должно было существовать вначале: божественное человечество» [6, с. 258]. Заслуга Бергсона заключается, в частности, в том, что он очень ясно показал положение научного познания и научного разума в той модели отношений человека и Бога, которую задал Фихте. Гегель признавал разум в равной степени значимым и для познания эмпирической действительности мира и для постижения Бога, именно в этом заключается его радикальная ошибка: наука и научная рациональность, утверждает Бергсон, имеет силу только по отношению к конечным вещам и не может приблизиться к постижению Бога; нам она нужна только потому, что человек обладает не только потенциальной божественной сущностью, но и животной-материальной формой, именно для управления этой формой и гармонизации ее отношений с материальным миром нам дан разум. Только наука, признавшая свою скромную функцию и добровольно подчинившаяся философии, открывающей высшие, мистические уровни бытия, может быть признана полезной для человечества.

Возвращаясь в заключение к русской философии, можно еще раз подчеркнуть, что глубокий смысл противостояния учений Фихте и Гегеля, ясно обозначенный Ильиным в начале XX века, всегда интуитивно чувствовался русскими мыслителями. Почти все они были на стороне Фихте, в этом смысле мнение об определяющем влиянии идей Гегеля затемняет и искажает главные интенции русской мысли, по сути, делает невозможным их правильное понимание. Русская культура всегда настороженно относилась к западному культу научного разума, ее самые глубокие и яркие представители непоколебимо верили в спасительность мистических усилий и не очень высоко оценивали практический расчет и упование на здравую последовательность малых дел. Наглядный пример главных устремлений русского национального характера дает образ старца Зосимы из романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы». Центральный пункт его религиозного мировоззрения – вера в возможность «мгновенного» преображения мира мистическим усилием всех людей: «...посмотрите кругом на дары божии: небо ясное, воздух чистый, травка нежная, птички, природа прекрасная и безгрешная, а мы, только мы одни безбожные и глупые не понимаем, что жизнь

⁷ См. подробнее: Блауберг И.И. Анри Бергсон. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 581–583 [5].

есть рай, ибо стоит только нам захотеть понять, и тотчас же он настанет во всей красоте своей, обнимемся мы и заплачем...»⁸. Если бы Фихте мог прочитывать эти слова, он, несомненно, признал бы русского писателя и мыслителя своим верным учеником⁹.

Из всех русских мыслителей, современников Ильина, в наиболее полной форме это мировосприятие выражал в своих философских работах С.Л. Франк. В большом труде «Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии» он дал теоретическое обоснование такому отношению к миру, принимающему все в мире как форму божественного существования, а в поздних этических сочинениях «С нами Бог» и «Свет во тьме», дал ему яркое, почти художественное воплощение. В приверженности указанному мировосприятию можно увидеть влияние привитых Франку в детстве элементов иудейской религиозности (дед философа был известным талмудистом, некоторое время он возглавлял еврейскую общину Москвы). Нужно учесть, что иудейская религиозность в своем историческом генезисе очень далеко ушла от традиционного, ортодоксального иудаизма; в форме каббалистического учения она пришла к радикальному мистическому пантеизму, ведущему к признанию *божественного присутствия* в каждом элементе материального мира и ставящему человеку задачу собирания рассеянных в мире элементов божественного света ради полного мистического просветления мироздания, устранения из него зла и превращения жизни в радостную, блаженную¹⁰. В таком выразительном схождении поздних мистических форм христианства и иудаизма можно видеть практическую реализацию идеи Фихте, разделявшейся многими русскими мыслителями (особенно явно Чаадаевым), о преображении истинного христианства в абсолютную религию, соединяющую истинные формы главных религий мира.

Что касается философских воззрения самого Ильина, то они после 1918 г. претерпели весьма неожиданную трансформацию. В последних разделах своей книги о Гегеле Ильин решительно подчеркивает, что дает объективный анализ системе Гегеля, но вовсе не разделяет его концепцию «пути Бога в мире»; в этот момент кажется, что он занимает сторону Фихте в его неявном «споре» с Гегелем. Однако изданная им в 1925 г. книга «О сопротивлении злу силою» продемонстрировала, что он в значительной степени принял выводы Гегеля о невозможности прямой победы Бога и его божественного добра в мире; философский

⁸ См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. I–X // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. С. 336 [7].

⁹ Подробнее о влиянии идей Фихте на Достоевского см.: Евлампиев И.И. Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф.М. Достоевского. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. С. 52–61, 288–322 [8].

¹⁰ Анализу процесса радикального преобразования иудейской религиозности к ее гностической версии посвящена классическая работа: Sholem G. Major Trends in Jewish Mysticism. New York: Schocken Books, 1961 [9].

пафос книги направлен на демонстрацию необходимости внешней, даже физической организации – для борьбы со злом с помощью методов самого злого мира. Как это ни парадоксально, но заочный «спор» Ильина с Л.Н. Толстым в упомянутой книге точно воспроизводит «спор» Гегеля и Фихте в более ранней книге Ильина о философии Гегеля: Толстой верит в возможность преображения мира и победы над злом с помощью мистических усилий отдельных божественных личностей, Ильин же, вслед за Гегелем, признает возможность ограничения зла только с помощью рациональной организации социальной жизни в форме государства¹¹. Последующие книги Ильина, вплоть до итогового труда «Аксиомы религиозного опыта» (1953 г.), показывают, что он так и не смог до конца принять правоту Фихте и те глубокие религиозные сомнения, которые породил в его душе Гегель, так и продолжали преследовать его до конца жизни.

Список литературы

1. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994. 544 с.
2. Ильин И.А. Философия Фихте как религия совести // Евлампиев И.И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб.: Наука, 1998. С. 478–501.
3. Евлампиев И.И. Влияние позднего религиозно-философского учения И.Г. Фихте на философские взгляды Ф. Ницше // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 3. С. 51–62.
4. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Канон-пресс, 1998. 382 с.
5. Блауберг И.И. Анри Бергсон. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 672 с.
6. Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994. 384 с.
7. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Книги I–X // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. 512 с.
8. Евлампиев И.И. Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф.М. Достоевского. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 600 с.
9. Sholem G. Major Trends in Jewish Mysticism. New York: Schocken Books, 1961. 484 p.
10. Evlampiev I.I., Wang Yue. Leo Tolstoy's principle of non-resistance to evil by violence and its criticism in Ivan Ilyin's philosophy // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2024. № 4. С. 1106–1121.

References

(Sources)

Collected Works

1. Bergson, A. *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative evolution]. Moscow: Kanon-press, 1998. 382 p.
2. Bergson, A. *Dva istochnika morali i religii* [Two sources of morality and religion]. Moscow: Kanon, 1994. 384 p.
3. Dostoevskiy, F.M. *Brat'ya Karamazovy. Knigi I–X* [Brothers Karamazov. Books I–X], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 14* [Complete Works in 30 vols., vol. 14]. Leningrad: Nauka, 1976. 512 p.

¹¹ См. подробнее: Evlampiev I.I., Wang Yue. Leo Tolstoy's principle of non-resistance to evil by violence and its criticism in Ivan Ilyin's philosophy // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2024. № 4. С. 1106–1121 [10].

4. Il'in, I.A. *Filosofiya Fikhte kak religiya sovesti* [Fichte's Philosophy as a Religion of Conscience], in Evlampiev, I.I. *Bozhestvennoe i chelovecheskoe v filosofii Ivana Il'ina* [Divine and Human in the Philosophy of Ivan Ilyin]. Saint-Petersburg: Nauka, 1998, pp. 478–501.

Individual Works

5. Il'in, I.A. *Filosofiya Gegelya kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka* [Hegel's philosophy as a doctrine of the concreteness of God and man]. Saint-Petersburg: Nauka, 1994. 544 p.

(Articles from Scientific Journals)

6. Evlampiev, I.I. Vliyanie pozdnego religiozno-filosofskogo ucheniya I.G. Fikhte na filosofskie vzglyady F. Nitshe [The influence of the late religious and philosophical teachings of I.G. Fichte on the philosophical views of F. Nietzsche], in *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2014, no. 3, pp. 51–62.

7. Evlampiev, I.I., Wang, Yue. Leo Tolstoy's principle of non-resistance to evil by violence and its criticism in Ivan Ilyin's philosophy. *RUDN Journal of Philosophy*, 2024, no. 4, pp. 1106–1121.

(Monographs)

8. Blauberg, I.I. *Anri Bergson* [Henri Bergson]. Moscow: Progress–Traditsiya, 2003. 672 p.

9. Evlampiev, I.I. *Obraz Iisusa Khrista v filosofskom mirovozzrenii F.M. Dostoevskogo* [The Image of Jesus Christ in the Philosophical Worldview of F.M. Dostoevsky]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA, 2021. 600 p.

10. Sholem, G. *Major Trends in Jewish Mysticism*. New York: Schocken Books, 1961. 484 p.

УДК 1:316.4(47)

ББК 87.3(2)61-07

Александр Александрович Ермичёв

Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского, доктор философских наук, профессор кафедры философии, религиоведения и педагогики, главный редактор журнала «Русская философия», Россия, Санкт-Петербург, e-mail: 7723516@gmail.com

О «советской ориентации» у Н.А. Бердяева: уточнение понятия¹

Аннотация. В творчестве Н.А. Бердяева значительное место занимает его руссиеведение и в этих пределах, исследование советской истории. Для характеристики общественно-политического поведения Н.А. Бердяева последних лет его жизни исследователи используют им же предложенное определение «советская ориентация», которую сам мыслитель понимал как момент в актуализации «русской идеи». Исследователи не всегда учитывают противоречивое содержание этого определения, подавая его как однозначно позитивное отношение к советской действительности. Возникновение самого понятия «советская ориентация» связано с различным пониманием патриотизма у Н.А. Бердяева и русского зарубежья и с их разными политическими позициями в Великую Отечественную войну и в послевоенное время. Однако признание Н.А. Бердяевым национального характера советской государственности сделало невозможным примирение его философии свободы с практикой советского тоталитаризма. Сама действительность вынудила философа к решительному отмежеванию от сталинского социализма, и в статье «Третий исход» он заявляет о своей принадлежности к христианскому социализму, религиозно-философское обоснование которого дано в учении В.С. Соловьёва об истории как Богочеловеческом процессе. Отождествляя Советскую Россию и «Россию вечную», Н.А. Бердяев делает главным субъектом истории русский народ. В этом случае эпитет «советская» указывает не на политическое, а на национальное содержание «ориентации» Н.А. Бердяева.

Ключевые слова: идея «вечной России», советский социализм, христианский социализм, «третий исход»

Alexander Alexandrovich Ermichev

Russian Christian Academy of Humanities named after F.M. Dostoevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Religious Studies and Pedagogy, Editor-in-Chief of the journal “Russian Philosophy”, Russia, St. Petersburg, e-mail: 7723516@gmail.com

On N.A. Berdyaev's “Soviet Orientation”: Clarifying the Concept

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00748, <https://rscf.ru/project/24-28-00748/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-00748, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00748/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky

Abstract. In N.A. Berdyaev's work, a significant place is occupied by his studies of Russian history and, within this framework, his research on Soviet history. To characterize N.A. Berdyaev's socio-political behavior in the last years of his life, researchers use the definition "Soviet orientation" that he himself proposed, which he understood as a moment in the actualization of the "Russian idea" that he was the herald of. However, researchers have not always taken into account the contradictory content of this definition, and it is presented as a clear and positive attitude of the philosopher towards Soviet reality. The emergence of the concept of "Soviet orientation" is associated with different understandings of patriotism by N.A. Berdyaev and the Russian diaspora, as well as with their different political positions during the Great Patriotic War and in the post-war period. However, N.A. Berdyaev's recognition of the national character of Soviet statehood made it impossible to reconcile his philosophy of freedom with the practices of Stalin's totalitarianism. The very reality of the situation compelled the philosopher to a decisive break with Stalinist socialism, and in his article "The Third Exodus" he declares his affiliation with Christian socialism, the religious-philosophical justification for which is provided in V.S. Solovyov's teaching on history as a God-human process. By identifying Soviet Russia with "eternal Russia", N.A. Berdyaev makes the Russian people the main subject of history. In this case, the epithet "Soviet" indicates not the political, but the national content of N.A. Berdyaev's "orientation".

Key words: the idea of "eternal Russia", Soviet socialism, Christian socialism, "the third exodus"

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.4.044-057

I

В творчестве Н.А. Бердяева значительное место занимает его россиеведение и в этих пределах, исследование советской истории. Наиболее полно они проанализированы в работах Л.А. Гаман². Настоящая публикация преследует цель уточнения параметров и содержания понятия «советская ориентация» Н.А. Бердяева, или «совпатриотический подъем», как оно было определено в книге о философе в серии ЖЗЛ³.

Исследователи, которые прикасаются к бердяевской советологии, как правило, полагают известную статью Н.А. Бердяева «О творческой свободе и фабрикации душ» (1946 г.) его решительной отповедью «ждановщине». Это не так. На самом деле статья является ярким примером очень терпеливого отношения Н.А. Бердяева к советской власти, которая продемонстрировала свое понимание свободы творчества постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград». Философ объяснял Оргбюро, что «факты гонения на свободу творчества только увеличивают вражду Запада к Советской России... История с Ахматовой и Зощенко, с утеснением кинематографа, театра, музыки превращается в антисоветскую пропаганду со стороны самих Советов, сеет внутреннюю рознь и дает оружие в руки врагов» [4, с. 293]. В этой статье философ и

² См.: Гаман Л.А. Историософия Н.А. Бердяева. Томск, 2003. С. 212 [1]; Гаман Л.А. Советская Россия: взгляд Н.А. Бердяева (некоторые аспекты проблемы) // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 2(42). С. 92–108 [2].

³ См.: Волкогонова О.Д. Бердяев. М.: Молодая гвардия. 2010. С. 355–370 [3].

предложил формулу «советской ориентации», немало смутившей его парижских современников. Будем иметь в виду, что ориентация, возникшая у Н.А. Бердяева в победные месяцы 1944–1945 годов, сама была эпизодом бердяевского пореволюционизма с его уверенностью в социальной правде «русского коммунизма». Данная в статье формула «советской ориентации» выглядит следующим образом: «Можно признавать смысл революции и сочувствовать результатам, можно верить, что Россия и русский народ призваны осуществить социальную правду в мире, можно стоять за самый принцип советского политического строя, можно защищать международную политику России в тяжелый момент ее существования – вместе с тем же не сочувствовать духовно-культурным результатам революции и видеть опасность в формировании рабских душ. Я именно и стою на такой точке зрения и в этом смысле остаюсь верен так называемой советской ориентации» [4, с. 293]. Историческое, социально-культурное и даже политическое содержание формулы не составляет единственной модальности бердяевской ориентации. Она включала в себя простое сочувствие советским людям, боязнь «атомической» войны, надежду на гуманизацию советского общества и даже укоры и упреки советским руководителям, не умеющим отстаивать интересы страны.

Как относительно самостоятельный набор идей и принципов, «советская ориентация» была реакцией Н.А. Бердяева на позицию, занятую эмиграцией в отношении СССР в годы Второй мировой войны и его последующего военно-политического противостояния с миром капитализма⁴. Временные границы бердяевской послевоенной «советской ориентации» можно установить по тем выступлениям философа, которые обрели характер общественного события. Следуя этой установке, начало «ориентации» приходится на ноябрьскую 1944 года лекцию «Русская и германская идея», а ее завершение – на статью «Третий исход», написанную им незадолго до кончины, где «советская ориентация» получила свою окончательную определенность.

Сороковые годы XX века, когда бердяевская «советская ориентация» существовала в качестве обсуждаемого события русского зарубежья, философ считал временем «мирового кризиса». Философ мастерски показывал, как угасает созданная веками буржуазная цивилизация, а вера в разум обнаруживает свою беспомощность: «Века света затемняются», – писал Бердяев [4, с. 198]. По мысли Бердяева, внешняя универсализация жизни людей, достигнутая при помощи радио, газет, кино и авионов, сопровождается потерей внутренней целостности человека; сила побеждает дух; мир движется к варварству; никогда еще он не находился в таком состоянии вражды и страха: «Советская Россия и мир Запада, Европа и Америка боятся друг друга и враждуют»⁵, особенно враждебны России

⁴ Тогда никто не знал о плане военных действий под названием «Немыслимое» У. Черчилля и американском «Трояне» – плане атомной бомбардировки СССР.

⁵ См.: Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи // Бердяев Н.А. Истина и откровение. Прологомены к критике откровения. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. С. 310 [4].

«англо-саксонские страны». Во всем, что сегодня происходит в мире, Н.А. Бердяев видит большее – кризис гуманизма и кризис исторического христианства.

Положение советского коммунизма в мировом кризисе Н.А. Бердяев определяет как центральное. Он занимает место «посреди мучительной агонии умирающего мира и посреди не менее жестокой боли мира нарождающегося»⁶. Оглядка Н.А. Бердяева на срединное место коммунизма в мире, видение им Советской России как возможной точки роста к «новому миру», очертания которого остаются неопределенными, – вот первое, что видится в «ориентации» философа. Он думает, что «начинающийся исторический период будет в значительной степени стоять под знаком России»⁷, что наступает русский период всемирной истории. Идея эта у Бердяева появилась еще в сочинении «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937 г.), где он полагал, что советский, он же – русский патриотизм «должен быть верой в великую и мировую миссию этого народа»⁸. В работе «Русская идея» (1946 г.) Бердяев бестрепетно напишет, что «мессианская идея марксизма, связанная с миссией пролетариата, соединилась и отождествилась с русской мессианской идеей»⁹. «Ориентация» философа не знает различий политического и национального, советского и русского. Незаметно для себя, а быть может, умышленно, Н.А. Бердяев использовал эти уровни как равнозначные, отождествляя их. Последнее поражало русскую эмиграцию больше всего. Она давно свыклась с бердяевским «русским коммунизмом» и тогда же с мыслью, что Советский Союз – это не Россия, но потакать просоветским настроениям было никак нельзя.

Противостояние СССР с миром капитализма во главе с США и Великобританией придавал особую напряженность эмигрантскому восприятию «ориентации» философа. Н.А. Бердяев занял сторону СССР. Абсолютное большинство русской эмиграции было на другой стороне. Оно считало позицию философа непростительной уступкой советскому тоталитаризму. Так судили все выдающиеся публицисты и мыслители русского зарубежья – М.В. Вишняк, Б.К. Зайцев, И.А. Ильин, М.М. Карпович, С.А. Левицкий, Н.П. Полторацкий, Ф.А. Степун, Г.П. Федотов, Д.А. Шаховской и, возможно, другие.

Идейное содержание «советской ориентации», которая была стратегией общественного поведения философа, позволяет говорить о ней как об общественно-практическом утверждении русской идеи. Уместно напомнить, что знаменитая книга «Русская идея», которую Н.А. Бердяев писал во время Великой Отечественной войны, вышла в свет в 1946 г., в самый разгар «советской ориентации» философа.

⁶ См.: Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи. С. 158.

⁷ Там же. С. 257.

⁸ См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 120 [5].

⁹ См.: Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: «Азбука-Классика». 2012. С. 294 [6].

II

Исследования «русской идеи» Н.А. Бердяева хорошо известны читателю¹⁰. Философ видит в мире органическое единство личности, нации и человечества. Каждая из этих единиц онтологична, хотя их онтология своеобразно преломляется в экзистенциальном субъекте. Органичность мира говорит о его сотворенности, а следовательно, об идеях разных уровней его организации. Есть идея личности, и жизнь человека является ее обнаружением. Есть идея нации, например «русская идея», выразителем которой однажды почувствовал себя философ¹¹. «Мне свойственен органический универсализм, и он связан с моим персонализмом, – сообщал Бердяев о себе и добавлял – этот универсализм вполне соединен с патриотизмом и народностью» [7, с. 269].

У самого Н.А. Бердяева первый подход к «русской идее» приходится на время его приезда в Петербург и близкого знакомства с кругом петербургских неохристиан, которое увенчалось книгой «Новое религиозное сознание и общественность» (1907 г.), с которой начинается путь Н.А. Бердяева как христианского мыслителя. В ней он говорил о народе как мистическом организме, реальном сверхчеловеческом единстве, определенном объективным разумом, Богом. С этого времени и до последних работ «русская идея» всегда была в поле его внимания.

В творческом пути философа исследователи особенно выделяют работу «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937 г.), в которой Бердяев «национализировал», точнее, русифицировал марксистское социальное учение, утверждая, что именно большевистский коммунизм оказался внутренним моментом в «русской идее», неотвратимой судьбой России. В книге 1946 года «Русская идея» Н.А. Бердяев, повторяя проблематику книги «Истоки и смысл русского коммунизма», более подробно рассказал, как «русская идея» проявила себя в напряженных социальных и религиозно-философских исканиях XIX века.

У самого мыслителя раз от разу складывается набор дополняющих друг друга характеристик «русской идеи», которые в конечном счете подтверждали эсхатологию его философии истории: русская идея – это идея Богочеловечества, братства народов, коммюнитарности, устремления к Граду Грядущему, а не к могущественному царству сегодня. В сборнике «На пороге новой эпохи» (1947 г.) философ выразил «русскую идею» следующим образом: «Русская идея ... не есть идея создания культуры или цивилизации в западном смысле, а есть идея целостного преобразования жизни» [4, с. 313–314]. И пояснял: «Русскому народу в его исторической судьбе выпало на долю осуществить более справедливый и более

¹⁰ См., например: Полторацкий Н.П. Бердяев и Россия (философия истории России у Н.А. Бердяева); Барабанов Б.В. «Русская идея» в эсхатологической перспективе // Вопросы философии. 1990. № 8; Котельникова В.А. Русская идея как философская и историко-литературная тема // Русская литература, 1990. № 4; Плимак Е.Г. и Сабурова А.Г. «Русская идея» Н.А. Бердяева как наследие русской интеллигенции // Вопросы философии. 2006. № 9 и др.

¹¹ См.: Бердяева Л. Профессия: жена философа. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 198 [8].

человеческий социальный строй, чем тот, который существует на Западе. Он должен осуществлять братство людей и братство народов, такова русская идея» [4, с. 255]. Русская идея – это объективная данность русскому сознанию, которая получила свое выражение у его лучших представителей. Для русского человека ее восприятие становится долгом, обязательством участвовать в жизни народа, утверждать в ней правду и бороться с ложью: «Мы не должны фатально смотреть в будущее, оно всегда зависит и от человеческой свободы» [9, с. 263]. «Советофильская ориентация» Н.А. Бердяева, безусловно, является фактом его биографии, но общественную значимость (быть может, гипертрофированную) ей придали раздражительность и злоба антикоммунистических кругов русского зарубежья. Их чувства подпитывались событиями недавнего прошлого, как-то плавно перешедшего в настоящее.

С нападением Гитлера на Советский Союз антисоветская русская эмиграция оказалась перед выбором – стать на сторону своей родины, т.е. теперь чуждого ей СССР, или на сторону фашистской Германии. Как объяснял Н.П. Полторацкий, эмигранты, даже зная, что целью фашизма являлось порабощение и уничтожение русского народа, все же шли к нему на службу, веруя, что, разгромив СССР, Гитлер свернет себе шею в войне с Англией и США. Тем большее огорчение охватило антисоветскую русскую эмиграцию, когда Красная Армия добивала Гитлера в Германии, генерал Леклерк освобождал Париж, а де Голль попустительствовал агентам советского КГБ. Оказалось, советский тоталитаризм, который Бердяев упорно зовет Россией, не только вышел в «мировую ширь» (выражение Бердяева), но и утверждается в Европе. Многие эмигранты сочли это смертельно опасным. Примечательно письмо Н. Берберовой: «С ужасом, который не скрываю, слежу за событиями в Чехии... На очереди будем мы и Италия. Только через поражение может прийти спасение. Только поражение не будет стыдно, всякая победа, как победа 1945 года, – позорна... Я жду войны, я жажду войны» [10, с. 406].

Такая эмиграция сразу же прильнула к Черчиллю и Трумэну и не потому, что они были демократами, а потому, что они были яростными антикоммунистами и антисоветчиками, вооруженными атомной бомбой. Этому зарубежью не было жаль русского советского народа: пусть он сдохнет в атомной войне. «Грядет неизбежная война, – сообщал один христианин из русского зарубежья другому, такому же христианину, – и скорая – в эти два-три года... Начнет (– вынудит), конечно, Совдепия. Демократии не способны на начало: их народы обмануты гипнозом миролюбия. Но “генералы” подготовили все, чтобы “дурак” народ мгновенно, как лань, взвился на дыбы. И сокрушающая техника молниеносно (атомная война и не может быть иной) раздавит Кремль. Народ его на этот раз эффектно покинет. И в будущем Нюрнберге его будут судить и вместе с патриархом Алексеем включительно» [11, с. 210]. Эти христиане из русского зарубежья и были готовы покарать СССР – не Россию – ядерной войной.

Позиция Н.А. Бердяева была иной. Начало его полной солидарности с Советской Россией приходится на день всех святых на Руси воссиявших, на

22 июня 1941 г., когда Гитлер двинулся на Восток. Бердяев писал: «Вторжение немцев на русскую землю потрясло глубины моего существа. Моя Россия подверглась смертельной опасности, она могла быть расчленена и порабощена... Опасность для России переживалась очень мучительно. Естественно присущий мне патриотизм достиг предельного напряжения. Я чувствовал себя слитым с успехами Красной Армии. Я делил людей на желающих победы России и желающих победы Германии. Со второй категорией людей я не соглашался встречаться, я считал их изменниками» [7, с. 335]. Когда обозначился закат Третьего рейха и оккупанты были изгнаны из Парижа, философ не скрывал своего восхищения мужеством советских людей, доблестью Красной Армии и ее полководцев. В ноябре 1944 г. в «Союзе русских патриотов» он читал доклад о «Русской и германской идее», противопоставленных в контексте текущей войны. Заметным событием в жизни зарубежья стала напечатанная им в просоветской газете «Русский патриот» 15 апреля 1945 г. статья с неуклюжим названием «Превращение национализма в интернационализм», в которой он прямо говорит о большевиках как о патриотах России, сумевших очень хорошо ее защищать, а тех, кто «в немецкой форме ездили на фронт или доносили немцам на своих соотечественников», прямо называет изменниками. Майскую победу 1945 года философ отметил торжественно, вывесив над домом в Клараме красный флаг. В другой статье «Почему Запад не принимает Советской России?» (1945 г.), опубликованной в той же газете, автор пояснял, что советское общество – это бесклассовое общество, что-де в нем нет конфликтов между личностью и обществом, а также между обществом и государством и что, мол, ему не нужны правовые гарантии.

Просоветские выступления Н.А. Бердяева породили множество слухов: «вел разные переговоры с Богомоловым – кажется, считался у “них” своим... Эмигрантам брать советский паспорт советовал» и, как будто, сам его взял, «У него в Клараме собиралось чуть не все просоветское тогдашнего Парижа: Якобы после выхода в свет «Русской идеи» Н.А. Бердяев был приглашен на празднование годовщины Октября, и кто-то из посольских приглашал его вести философский кружок. Он был «слишком с победителями» – с раздражением писал о философе Б.К. Зайцев, не забыв поставить слово «победитель» в кавычки [12, с. 80]. Зарубежье страшилось советского тоталитаризма и предпочитало западные демократии. На мыслителя обрушилась лавина упреков.

Различие позиций объясняется бердяевским пониманием патриотизма, о чем он писал: «... для русской эмиграции главный вопрос есть отношение к советской власти... Я считаю главным вопросом вопрос об отношении к русскому народу, к советскому народу, к революции как внутреннему моменту в судьбе русского народа» [7, с. 340]. В согласии со своим органицизмом он полагал, что жизнь страны, включая и работу государственных институтов, определяется жизнью народа, потому что отношение Советской России нужно определять не отношением к государственным институтам, а отношением к народу. Он писал об этом просто и ясно: «Отношение к русскому народу, к смыслу революции и исторической судьбе

народа не тождественно с отношением к советской власти, к власти государства» [7, с. 347]. Даже называя советскую власть «единственной русской национальной властью» и уточняя, добавлял: «никакой другой нет»¹², хотя он «не питал к ней никаких иллюзий», думая, что она делает «много дурного»¹³. В своем последнем, самом, казалось бы, *советизанском* сборнике «На пороге новой эпохи» (1947 г.) он называет Сталина «бесчеловечным тираном» и равно непримирим к диктатуре национал-социализма и коммунизма. Тогда же он смело говорил: «Готов защищать Советскую Россию как мою родину...» [9, с. 260].

III

Со всей определенностью можно указать на два истока «советской ориентации» мыслителя. Первым из них – его органицистский и персоналистский подход к социальному бытию, из чего следовало, что судьба народа была судьбой самого философа. Вторым источником стала его оценка Октября как народной революции, которая «актуализировала» «огромные потенциальные силы русского народа», а главный смысл Октября («скачок через бездну» – так его называл философ), по мнению философа, заключался в том, что «первый раз во всемирной истории в основу социалистического строя огромной страны положен принцип, не допускающий эксплуатации человека человеком»¹⁴.

Н.А. Бердяев говорит о двух главных достижениях Октябрьской революции – о социальном единстве общества в Советской России и о новом положении культуры, которая стала доступной не только элите, но и всему народу¹⁵. Каждое из этих событий Н.А. Бердяев оценивает и как проявление непреложного закона истории, или «таинственного смыкания прошлого и будущего», и как исполнение высоких требований «русской идеи». Тогда социально-политическое и социально-культурное содержание этих событий предстает как национальное, но и тогда же – универсальное.

Его оценка Октября высока чрезвычайно: «русскому народу в его исторической судьбе выпало на долю осуществить более справедливый и более человечный социальный строй чем тот, который существует на Западе»¹⁶. Бердяев

¹² См.: Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. С. 340.

¹³ Там же. С. 263.

¹⁴ См.: Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи. С. 258.

¹⁵ Быть может, для того чтобы примирить рядового «зарубежного» русского с Советами, он называет еще одно достижение – «самое лучшее в мире законодательство о собственности». Личная собственность признается в Советской России, но в форме, не допускающей эксплуатации человека. В оценке результатов Октября читатель заметит у Бердяева интересные оговорки: «Классов, в той форме, в какой они существуют в капиталистическом обществе, более нет, хотя возможно возникновение новых форм неравенства» [4, с. 264]. Когда философ высоко ценит демократизацию культуры, то сразу же подсказывает, что «в такого рода процессах качество культуры в начале всегда понижается», а подходящим примером к тому указывал на забытый в Советской России «серебряный век» русской культуры.

¹⁶ См.: Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи. С. 255.

писал: «Россия уже совершила то, к чему другие народы идут и должны идти: социальная революция в Европе неизбежна», «мир идет к социализму в той или иной форме», но при этом «должно желать, чтобы социальная революция... происходила наименее насильственным и кровавым путем». Наконец, Н.А. Бердяев полагает, что «... неприятие революции в ее основном смысле означает отрицание миссии России для мира» [4, с. 227–318]. Проложив путь к социальному переустройству всего мира, Россия подтверждает мнение А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского о русском как всечеловеке.

Столь же высоко философ ценит открытый Октябрем доступ народа к культуре: «... низшие социальные слои поднимаются в своем культурном уровне, народные массы получают образование, читают русскую литературу XIX века, ищут света и знания...» [4, с. 257]. Народный гений А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого обретает своего настоящего читателя. Даже когда он видит, что Россия индустриализуется, то есть «материализуется», даже когда он воображает, что в России состоится «новый тип цивилизации американского типа, с преобладанием техники и поглощенностью земными благами», он знает, что если этот процесс «происходит под знаком социализма» в стране, которая «живет духовным капиталом, приобретенным тысячелетним его христианским воспитанием», то и тогда «русский народ останется верен своей духовной природе»¹⁷.

Глядя из зарубежья, Н.А. Бердяев был внимателен к происходившему в СССР «выпрямлению линии исторического развития», «восстановлению русской истории»¹⁸. Он находил в этом действие гегелевской диалектики *тезиса–антитезиса–синтезиса*, и сам был настойчив в поисках того из прошлого, что или уже наличествует в Советской России, или может возвратиться в советскую жизнь. К этому философа обязывала самая первая посылка его «советологии» о том, что Октябрь актуализировал потенциальные возможности народа. Он находит, что реализованная революцией идея социализма имеет свое начало в общинном характере жизни русского крестьянина, а способность советского народа к героизму и жертвенности воспитана у него тысячелетием христианства. Он хочет «верить, что в России есть подземное, глубинное духовное течение», и видит, что «очень усиливается национальное чувство», что в сознании советских людей складывается настоящий культ выдающихся творцов русской истории и культуры¹⁹. Он одобряет, что в практику русского коммунизма вошли элементы славянофильства и «признаются заслуги православной церкви в русской истории», «в плане чисто внешнем восстанавливаются формы, чины, ордена...»²⁰. Даже советский тоталитаризм философ сближает с тоталитаризмом Московского царства, впрочем, указывая при этом на тотальность русского мировоззрения вообще. Сам философ очень ждет, чтобы вернулись ценности «серебряного

¹⁷ См.: Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи. С. 224–326.

¹⁸ Там же. С. 264.

¹⁹ Там же. С. 224–264.

²⁰ Там же. С. 264.

века» отечественной культуры. Он уверен, что «Россия и русский народ вернутся к своим вечным идеям»²¹.

Философ сопереживал нелегкой судьбе советских людей. Он видел, что «скачок через бездну» (то есть Октябрьская революция) был преждевременным. Он не был подготовлен развитием страны, и это приводило к «переломам и увечьям» в советской истории. «Сердце сочится кровью, когда я думаю о России... Есть что-то мучительное в русской судьбе», – размышлял он и, обращаясь к зарубежью, просил его относиться «с терпением к процессам, происходящим в советской России, и соглашаться на жертвы, чтобы разделить судьбу русского народа»²².

Сразу по окончании войны Н.А. Бердяев, как и многие советские люди, надеялся, что «после укрепления социального строя, которому уже не может грозить никакой серьезной опасности, в России будет провозглашена свобода духа, совести, мысли, слова»²³, и даже на то, что в ней будет найдена иная форма демократии, нежели та, что существует в буржуазном обществе. «Можно быть уверенным, – однажды заявил мыслитель, – что русский народ не вернется к капиталистическому строю» [4, с. 258].

Но в советской жизни было другое, о чем Н.А. Бердяев знал, о чем писал и что делало философа *субстанциально* (позволим себе такое определение) чуждым СССР. Здесь признавалась только одна свобода – разрешенная коммунистической партией и советским государством. То было свободой активно строить «светлое будущее» согласно их рекомендациям и быть при этом максимально активным. Такая свобода, справедливо полагал философ, «мало подходит для творчества культуры и духовной жизни»²⁴.

У Н.А. Бердяева была совершенно другая свобода. В ее понимании он шел от неповторимости индивидуальности в ее хрупком существовании в бесконечности пространства – времени мировой данности. Его свобода – это свобода духа, та, которая выделяет человека из мировой данности и которая одна только делает его подлинно независимым от чего бы то ни было. Философ мог понять необходимость экономической и даже – на время – политической несвободы, мог примириться с тем, что народ привыкает к несвободе и сам становится носителем несвободы, но ни на мгновение не мог допустить, чтобы кто-то ограничивал его свободу. Свобода – это основа основ философии Н.А. Бердяева, ее фундаментальный принцип, и он когда-то должен был «сработать» в отношении «советской ориентации». И он действительно сработал со всей возможной определенностью. Это произошло в конце жизни мыслителя.

²¹ См.: Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи. С. 258.

²² Там же. С. 265.

²³ Там же. С. 266.

²⁴ Там же. С. 267.

IV

Послевоенные годы были нелегкими для Н.А. Бердяева. Русская эмиграция, вчера еще послушная немецкой администрации, теперь приспосабливалась к новой власти. Раздражало и другое. Союз русских патриотов «заявил о безоговорочном принятии советской власти и режима Советской России...»²⁵. В 1945 г. скончалась страдавшая от неизлечимой болезни жена философа Лидия Юдифовна. Советская ориентация Бердяева подвергалась остракизму со стороны зарубежья. Не дождавшись военного крушения большевизма, оно теперь вымещало свою злобу на Бердяеве. Вести, приходившие из СССР, тоже не радовали философа. «47 год был для меня годом мучения о России... я пережил тяжелое разочарование. После героической войны процессы, происходящие в Советской России, протекли не так, как можно было надеяться. Свобода не возросла, скорее, наоборот», – писал он [7, с. 346]. Казалось, советская власть и русское зарубежье вместе проверяли политико-культурную ориентацию Н.А. Бердяева на прочность.

Заключительным эпизодом «советской ориентации» философа стала его статья «Третий исход» (1949 г.), опубликованная спустя год после кончины Н.А. Бердяева в десятом номере журнала «Новое швейцарское обозрение». «Третий исход» был его предложением выхода из мирового кризиса – не на пути советского социализма и не на пути капитализма, а «третьим исходом» – на пути христианского социализма. Чтобы подступить к нему, философ предлагал отказать от поверхностного рационалистического сознания и принять религиозное, христианское сознание. Но то было не сознанием обветшавшего исторического христианства, которое вместе с европейским гуманизмом переживало жестокий кризис, а сознанием нового христианства, того, какое он сам принял еще в начале XX века в Петербурге, в доме Мурузи, окунувшись в атмосферу русского духовного ренессанса, и которому он был верен всю жизнь. Его христианство – это осмысление бытия как Богочеловеческого процесса, это творческое содружество человека и Бога в мировой истории. В его христианстве «... нужен не уход от процессов в мире и гордое возвышение над ним, а вхождение в эти процессы, активное изживание судеб мира и человека при внутренней свободе от этих процессов, недопущение рабства миру, преодоление понимания христианства как религии личного спасения и понимание христианства как социального и космического преображения» [14, с. 231]. Понимая, что вопрос о причине мирового кризиса – это «не вопрос политики или экономики, но нравственности и духовности»²⁶, то есть вопрос религиозный, Н.А. Бердяев предлагает принять его в «неохристианском» решении – признав творческие способности человека соразными Богу и, поселив Бога в своем сердце, быть во всем христианином. Н.А. Бердяев адресует правду нового христианства каждому из

²⁵ См.: Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. С. 340.

²⁶ См.: Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи. С. 158.

нас, кто вместе с другими людьми составляет мир: «духовная жизнь охватывает не только «Я», но и «МЫ»²⁷, а когда «есть морально-духовная правда, то она должна иметь и свое социально-историческое проявление»²⁸. Таковым проявлением, по соображениям Н.А. Бердяева, мог бы стать особый общественный порядок – «синдикальный, не допускающий чрезмерного расширения государства...»²⁹. Его социализм – это продукт свободного нравственного выбора человека, это этический социализм, который марксист Н.А. Бердяев начала XIX века проповедовал в своей книге о субъективизме и индивидуализме в общественной философии. Политическая позиция, занятая им еще в Вологодской ссылке, проявилось в 1948 г. Философ обозначил преимущество своего социализма перед советским коммунизмом с помощью служебной части речи «не»: его социализм *не* связан с определенным мировоззрением, *не* предполагает социального насилия и *не* связан с принципом коллективизма, он «*не* считает все средства дозволенными для осуществления своих целей. Не предполагает достичь социалистического общества, расстреляв и посадив в концентрационные лагеря большое количество людей»³⁰. Впервые в «советской ориентации» в «Третьем исходе» прямо сказано, что особенность советского социализма заключается в его несвободе: «То является истиной, что в России нет никакой свободы» [15, с. 72].

Б.П. Вышеславцев³¹, который в годы войны прислуживал немцам и властям, а теперь считал себя приверженцем «американо-европейского патриотизма», истолковал отмежевание Н.А. Бердяева от сталинского коммунизма как «последнее движение мыслителя назад к свободе», имея в виду политические нормы буржуазного либерально-демократического общества. «Третьего, – или капитализм или сталинский коммунизм – не дано», – убеждает Б.П. Вышеславцев и без колебаний советует Н.А. Бердяеву оставить нелепые предложения «третьего исхода» и просто примкнуть к миру христианской культуры вместе с ее ценностями, прежде всего с ценностью свободной личности и либерального правового государства» [13, с. 78–79].

Оппонент не захотел заметить, как в своей последней статье Н.А. Бердяев высоко ставит опыт Советской России: «русский народ первый сделал социальный опыт, необычайный по смелости, и поставил новую тему для всего мира. Пусть он иногда ошибается, но это лучше, чем ничего не делать и остаться в самодовольстве» [14, с. 75], как он критичен в отношении буржуазного мира и

²⁷ См.: Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи. С. 234.

²⁸ Там же. С. 218.

²⁹ См.: Бердяев Н.А. Третий исход // Соловьёвские исследования. 2025. Вып. 1(85). С. 72 [15].

³⁰ Там же.

³¹ Б.П. Вышеславцев был давним знакомым Н.А. Бердяева. Вместе они редактировали знаменитый религиозно-философский журнал «Путь» (1925–1940 гг.). В «Самопознании» Н.А. Бердяев ни разу не назвал его имени. Как замечает один из современников, он в 1949 г. отсиживался в Швейцарии, опасаясь возвращаться во Францию и предстать перед французским судом из-за своего коллаборационизма. В том же номере «Обозрения» Б.П. Вышеславцев отвечает Н.А. Бердяеву статьей «Никакого третьего пути нет».

ожидает прихода «европейской социалистической федерации народов».

На самом деле категорическое отмежевание философа от сталинского коммунизма следует рассматривать в двух отношениях. Во-первых, как еще одно подтверждение его философии свободы: у него даже Бог не может посягнуть на свободу человека, даже «власть святых», а не какое-нибудь Оргбюро ЦК ВКП(б). Во-вторых, оно было уточнением содержания его «советской ориентации». Здесь прилагательное «советская» означает, что русский народ сейчас проживает в государстве, обозначенном аббревиатурой СССР и потому является советским народом. Возврат к свободе (последнее движение мыслителя назад к свободе), как думал Б.П. Вышеславцев) не был отказом его от «советской ориентации», а, напротив, был обретением полноты ее содержания.

Русское зарубежье, сосредоточив внимание на политическом аспекте «советской ориентации», априорно отвергло ее главную проблему – непрерывности русской и советской истории.

Образом жизни принуждаемая к либерально-демократическому космополитизму эмиграция называла Н.А. Бердяева глашатаем советского провинциализма, а его позицию – национализмом. Такие характеристики в отношении Н.А. Бердяева по меньшей мере абсурдны.

Список литературы

1. Гаман Л.А. Историософия Н.А. Бердяева. Томск, 2003. С. 212.
2. Гаман Л.А. Советская Россия: взгляд Н.А. Бердяева (некоторые аспекты проблемы) // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 2(42). С. 92–108.
3. Волкогонова О.Д. Бердяев. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 355–370.
4. Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи // Бердяев Н.А. Истина и откровение. Прологомены к критике откровения. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. С. 156–349.
5. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
6. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука-Классика, 2012. 320 с.
7. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991. 446 с.
8. Бердяева Л. Профессия: жена философа. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 198.
9. Бердяев Н.А. «В четвертом измерении пространства...». Письма Н.А. Бердяева к кн. И.П. Романовой. 1931–1947 // Минувшее: Исторический альманах, 16. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. С. 209–264.
10. Письмо Н.Н. Берберовой Г.П. Федотову от 28 февраля 1948 г. // Федотов Г.П. Собр. соч. в 12 т. Т. 12. Письма Г.П. Федотова и письма различных людей к нему. Документы. М.: Изд-во «Тэтикс паблишн», 2008. С. 403–407.
11. Колеров М.А. Введение в идейную историю русской эмиграции. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. 416 с.
12. Зайцев Б.К. Бердяев // Н.А. Бердяев: pro et contra. Антология. Кн. 1. СПб.: Изд-во РХГИ, 1994. С. 77–81.
13. Вышеславцев Б.П. Никакого третьего пути нет. Ответ на политическое завещание Бердяева // Соловьёвские исследования. 2025. Вып. 1(85). С. 76–80.
14. Бердяев Н.А. Из записной тетради Н.А. Бердяева // Новый журнал. Нью-Йорк, 1966. Кн. 85. С. 231–241.
15. Бердяев Н.А. Третий исход // Соловьёвские исследования. 2025. Вып. 1(85). С. 68–76.

References

(Sources)

Collected Works

1. Pis'mo N.N. Berberovoy G.P. Fedotovu ot 28 fevralya 1948 g. [Letter from N.N. Berberova to G.P. Fedotov, dated February 28, 1948], in Fedotov, G.P. *Sobranie sochineniy v 12 t., t. 12. Pis'ma G.P. Fedotova i pis'ma razlichnykh lyudey k nemu. Dokumenty* [Collected Works in 12 vols., vol. 12. Letters from G.P. Fedotov and Letters from various people to him. Documents]. Moscow: Izdatel'stvo «Tetis pablishn», 2008, pp. 403–407.

Individual Works

2. Berdyaev, N.A. Na poroge novoy epokhi [On the Threshold of a New Era], in Berdyaev, N.A. *Istina i otkrovenie. Prolegomeny k kritike otkroveniya* [Truth and Revelation. Prolegomena to the Critique of Revelation]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGI, 1996, pp. 156–349.

3. Berdyaev, N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow: Nauka, 1990. 224 p.

4. Berdyaev, N.A. *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. Saint-Petersburg: Azbuka-Klassika, 2012. 320 p.

5. Berdyaev, N.A. *Samopoznanie. Opyt filosofskoy avtobiografii* [Self-Knowledge. Experience of Philosophical Autobiography]. Moscow: Kniga, 1991. 446 p.

6. Berdyaeva, L. *Professiya: zhena filosofa* [Profession: wife of a philosopher]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2002, p. 198.

(Articles from Scientific Journal)

7. Berdyaev, N.A. Iz zapisnoy tetradi N.A. Berdyaeva [From N.A. Berdyaev's Notebook], in *Novyy zhurnal*. New York, 1966, book 85, pp. 231–241.

8. Berdyaev, N.A. Tretiy iskhod [The Third Outcome], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2025, issue 1(85), pp. 68–76.

9. Gaman, L.A. Sovetskaya Rossiya: vzglyad N.A. Berdyaeva (nekotorye aspekty problemy) [Soviet Russia: N.A. Berdyaev's View (Some Aspects of the Problem)], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2014, issue 2(42), pp. 92–108.

10. Vysheslavtsev, B.P. Nikakogo tret'ego puti net. Otvet na politicheskoe zaveshchanie Berdyaeva [There is No Third Way. Response to Berdyaev's Political Testament], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2025, issue 1(85), pp. 76–80.

(Articles from Proceedings Collections of Research Papers)

11. Berdyaev, N.A. «V chetvertom izmerenii prostranstva...». Pis'ma N.A. Berdyaeva k kn. I.P. Romanovoy. 1931–1947 [“In the Fourth Dimension of Space...”. Letters of N.A. Berdyaev to Princess I.P. Romanova. 1931–1947], in *Minushee: Istoricheskiy al'manakh*, 16 [The Past. Historical Almanac, 16]. Moscow; Saint-Petersburg: Atheneum; Feniks, 1994, pp. 209–264.

12. Zaytsev, B.K. Berdyaev, in *N.A. Berdyaev: pro et contra. Anthology. Book 1*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGI, 1994, pp. 77–81.

(Monographs)

13. Gaman, L.A. N.A. *Istoriosofiya N.A. Berdyaeva* [Berdyaev's Historiosophy]. Tomsk, 2003, p. 212.

14. Kolerov, M.A. *Vvedenie v ideynuyu istoriyu russkoy emigratsii* [Introduction to the Ideological History of the Russian Emigration]. Kaliningrad: Izdatel'stvo BFU im. I. Kanta, 2024. 416 p.

15. Volkogonova, O.D. *Berdyaev*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2010, pp. 355–370.

К 205-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.А. ФЕТА

TO THE 205th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A.A. FET

УДК 1(091) + 882

ББК 87.3(2) + 83.3(2)

Анастасия Георгиевна Гачева

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья, Библиотека № 180 имени Н.Ф. Федорова ОКЦ ЮЗАО, главный библиотекарь, Россия, Москва, e-mail: a-gacheva@yandex.ru

Афанасий Фет и Николай Федоров.

Статья первая: скрещения судеб

Аннотация. Рассматриваются вехи общения и духовно-творческий диалог двух современников – А.А. Фета и Н.Ф. Федорова. Поэтическое творчество Фета оказало глубинное влияние на русский Серебряный век, а идеи Федорова, творчески синтезируясь с идеями В.С. Соловьева, стали одним из источников русского религиозно-философского ренессанса первой трети XX в. Восстановлена история знакомства А.А. Фета и Н.Ф. Федорова, произошедшего через посредничество Л.Н. Толстого, обозначена динамика их личных контактов – сначала в доме Л.Н. Толстого, затем – в Библиотеке Румянцевского музея. Подчеркнута роль собеседников Фета И.М. Ивакина и В.С. Соловьева как своеобразных посредников между философом и поэтом. Обозначены и философски осмыслены переклички в биографиях двух современников, касающиеся их происхождения: жизненные усилия Фета по восстановлению родовой фамилии Шеншин и философские усилия Федорова по разработке учения о воскрешении сынами отцов. Проведены параллели между мотивом воскрешающей памяти в позднем творчестве Фета и идеей Федорова о воскресительной сущности искусства.

Ключевые слова: литературоцентризм русской философии, метафизика русской литературы, антропологизм, русский религиозно-философский ренессанс, поэтическое творчество Фета, философия Н.Ф. Федорова, история знакомства и общения Фета и Федорова, мотив воскрешающей памяти, воскресительная сущность искусства

Anastasia Georgievna Gacheva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Leading researcher at the Department of modern Russian literature and literature of Russia Abroad, Chief Librarian at the Fedorov's Library no. 180 of the OKC of the Southern Administrative District of Moscow, Russia, Moscow, email: a-gacheva@yandex.ru

Athanasius Fet and Nikolai Fedorov.

Article One: Crossroads of Destinies

Abstract. The article examines the milestones of communication and the spiritual and creative dialogue between two contemporaries, A.A. Fet and N.F. Fedorov. Fet's poetry had a profound impact on the

Russian Silver Age, while Fedorov's ideas, creatively synthesized with those of V.S. Solovyov, became one of the sources of the Russian religious and philosophical Renaissance in the first third of the 20th century. The article restores the story of A.A. Fet and N.F. Fedorov's acquaintance, which took place through L.N. Tolstoy's mediation and outlines the dynamics of their personal contacts, first at L.N. Tolstoy's home and then at the Rumyantsev Museum Library. The article emphasizes the role of Fet's interlocutors, I.M. Ivakin and V.S. Solovyov, as intermediaries between the philosopher and the poet. The article also explores the similarities in the biographies of the two contemporaries regarding their origins. It compares Fet's efforts to restore the family name "Shenshen" and Fedorov's philosophical efforts to develop the doctrine of the resurrection of fathers by their sons. The article also draws parallels between the motif of resurrecting memory in Fet's later works and Fedorov's idea of the resurrectional essence of art.

Key words: literary centrality of Russian philosophy, metaphysics of Russian literature, anthropologism, Russian religious and philosophical renaissance, Fet's poetic work, N.F. Fedorov's philosophy, history of Fet and Fedorov's acquaintance and communication, resurrecting memory, art as resurrection

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.4.058-077

Еще в последней четверти XIX и на рубеже XIX–XX вв. ведущие представители русской мысли отмечали глубинную переплетенность и экзистенциальное родство русской философии и литературы, хранящей в себе «великие сокровища духа»¹, стремящейся, подобно своей духовной сестре, ответить на «вопрос о цели существования»². О философичности русской литературы, ее «метафизических и нравственных устоях», предельности ее вопрошаний, обращенности к темам, «пограничным на путях к вечности»³, размышляли ведущие деятели русского зарубежья. В последние десятилетия масштабный сдвиг в понимании взаимосвязей русской философской и художественной традиций произошел в отечественной гуманитарной науке, исследующей смысловой слой произведений сквозь призму поэтики, отмечающей литературоцентризм русской философской мысли, общность аксиологических констант художественной классики и философии⁴, эволюцию русской философско-эстетической критики, зарождающейся в эпоху романтизма и обретающей новое дыхание у В.С. Соловьева, русских символистов и богоискателей⁵.

¹ См.: Булгаков С.Н. Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип // Булгаков С.Н. Соч.: в 2 т. Т. 2: Избранные статьи. М.: Наука, 1993. С. 16 [1].

² См.: Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 140 [2].

³ См.: Ильин В.Н. Арфа Давида: Религиозные мотивы русской литературы. СПб.: Русский Мир, 2009. С. 11 [3].

⁴ Аналитический обзор подходов и исследований представлен в статье Е.А. Тахо-Годи: Тахо-Годи Е.А. Русская литература и философия: проблемы изучения и предварительные итоги // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 4. С. 10–41. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-10-41> [4].

⁵ Там же. С. 17–18.

В орбиту полилога о метафизике русской литературы еще с эпохи Серебряного века входят не только представители философской поэзии и прозы, явившие в своем творчестве напряженную рефлексию о человеке и природе, вере и неверии, времени и памяти, смерти и бессмертии и тем давшие мощный толчок становлению и развитию русской философии (М.В. Ломоносов и Г.Р. Державин, М.Ю. Лермонтов и Е.А. Баратынский, Ф.И. Тютчев и Ф.Н. Глинка, Н.В. Гоголь и И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский), но и те фигуры, творчество которых, по знаменитому определению А.Н. Веселовского, принадлежит к лирике «чувства и сердечного воображения»⁶ (В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, А.А. Фет). Всепоглощающий лиризм этих поэтов не отменяет экзистенциальной основы их творчества: философичность растворяется, точнее – претворяется в стихии лирического стиха, пресуществляясь в новое качество.

Лирика А.А. Фета, являющая полноту художественности, вдохновлявшая, как и тютчевская «поэзия мысли», деятелей русского символизма, образует, по словам Б.Н. Никольского, «золотой мост между философией и поэзией»⁷. С особой силой проявился в ней антропологизм, который В.В. Зеньковский считал характерной чертой отечественной философской мысли. Запечатлевая в поэзии жизнь сердца, тончайшие движения души, устремляющейся к небесной родине, но не забывающей и о земной колыбели, чающей полноты благобытия и обретающей эту полноту в лицезрении, в безмолвном или облеченном в одежду слова диалоге с другим «я», неповторимым, драгоценным, родным, Фет раскрывал ту «тайну человека», которую Достоевский стремился разгадывать в прозе. И одновременно поэту было свойственно живое восчувствие софийности мира, Красоты как подлинной основы бытия, торжествующей над «смертью» и «временностью», способность, подобно Жуковскому и Тютчеву, ощущать «родство с нетленной жизнью звездной»⁸, озаряющей и земные пути. Перефразируя слова автора «Пушкинской речи» (1880 г.), можно сказать, что Фет был одарен поистине всемирной, даже вселенской отзывчивостью, распространявшейся и на природу, и на лица человеческие, и на явления ближнего круга, и на далекие, невидимые глазу, но слышимые сердцем миры. Человек в его единичности утверждался как микрокосм, являя в себе бесконечность, – и та же бесконечность раскрывалась в окружающих лицах, вещах и явлениях, лишая их стертости; лирическому «я» поэта природнялось все бытие. Фету в высшей степени был свойственен субъект-субъектный, а не субъект-

⁶ См.: Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016 [5].

⁷ См.: Никольский Б. А.А. Фет // Философские течения русской поэзии. СПб.: Типография М. Меркушева, 1896. С. 242 [6].

⁸ Фет А.А. Как нежишь ты, серебряная ночь... // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. Т. 5: Вечерние огни. Стихотворения и поэмы 1864–1892 гг., не вошедшие в сборники. Кн. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 56 [7].

объектный подход к реальности, требующий не расчленения, а симфонической связи, не объективации, а созвучия и союза. Он проявлялся и в авторских его стихах, и в переводах Шопенгауэра и римских классиков, гётевского «Фауста», поэзии Гейне и Шиллера и др.

Исследования последних лет с разных ракурсов рассматривают художественность фетовской лирики, пресуществляющей мысль в чувство. И одновременно все активнее обращаются к диалогу поэта с философской традицией его эпохи и теми явлениями европейской литературы, которые сопрягались с философией, шли рука об руку с ней, вбирали в себя и выражали в художественном слове напряженную рефлексию о мире и человеке, природе и истории, времени и памяти. Особое место при этом занимает диалог Фета с его современниками и совопросниками в лоне русской культуры – писателями и поэтами Ф.И. Тютчевым, Я.П. Полонским, Л.Н. Толстым, И.С. Тургеневым, философами Н.Н. Страховым и В.С. Соловьевым. Полная публикация переписки Фета со Страховым и Соловьевым⁹ обозначила горизонты их духовного и творческого общения, затрагивавшего и литературно-эстетические темы, и мировоззренческие вопросы, и религиозно-этические проблемы. Оба, и автор философского труда «Мир как целое» (1872 г.), чрезвычайно ценимого Фетом, и автор «Чтений о Богочеловечестве» (1878–1881 гг.), дружески близкий поэту несмотря на 33-летнюю разницу в возрасте, принимали самое живое участие в его работе над поэтическими текстами и переводами. Как пишет Н.П. Генералова: «...если Страхов редактировал почти каждое новое его стихотворение, если ему принадлежит название сборников “Вечерние огни”, то Соловьев помогал Фету в отборе стихов для “Вечерних огней” и занимался композицией этих сборников. И Фет по справедливости называл его “Зодчим” своих книг. При этом оба – и Страхов, и Соловьев – внесли значительную лепту в осмысление поэтического гения Фета своими статьями о “Вечерних огнях” – собрании поздней лирики поэта» [8, с. 239].

В полилог Фета с русскими философами и писателями, ставший этапной вехой на пути рождения не только русского символизма, но и русского религиозно-философского ренессанса конца XIX–начала XX в., должно быть включено еще одно имя – Николая Федоровича Федорова (1829–1903), знаменитого библиотекаря Московского публичного и Румянцевского музеев, собеседника Льва Толстого и Владимира Соловьева, одного из ведущих представителей активно-христианской мысли, выразителя главных ее положений и идей: «Богочеловечества, сотрудничества Божественных и человеческих энергий в деле преображения мира, всеединства, соборности, условности апокалиптических пророчеств,

⁹ См.: Переписка А.А. Фета с Н.Н. Страховым. 1877–1892 / вступ. ст., публ. и коммент. Н.П. Генераловой // Литературное наследство. М., 2011. Т. 103, кн. 2. С. 233–550 [8]; Переписка Фета с Вл. Соловьевым (1881–1892) / публ. Г.В. Петровой // А.А. Фет. Материалы и исследования. II. СПб.: Контраст, 2013. С. 359–427 [9].

всеобщности спасения, творческой эсхатологии»¹⁰. Соучастие Московского Сократа в этом полилоге особенно значимо для понимания одной из центральных его тем – смысла, назначения, границ и горизонтов искусства¹¹.

Знакомство А.А. Фета и Н.Ф. Федорова состоялось в конце 1881 г. в доме Л.Н. Толстого¹² – так же, как состоялось ранее через посредничество автора «Войны и мира» его знакомство с Н.Н. Страховым и В.С. Соловьевым. Толстой, переживавший в конце 1870-х гг. напряженный духовный кризис, признававшийся в том, что больше не может рассматривать жизнь в «зеркальце искусства»¹³, но должен отыскать ее смысл, приехав осенью 1881 г. в Москву, именно в Федорове, «философе-праведнике»¹⁴, обретает опору: «Николай Федорыч – святой. Каморка. Исполнять! – Это само собой разумеется» [14, с. 58]. Общение писателя и мыслителя разворачивается по нарастающей. Федоров бывает у Толстого в Хамовниках и именно там впервые встречается с В.С. Соловьевым, Н.Н. Страховым и А.А. Фетом. Троим из четверых своих собеседников – «Соловьеву, и Толстому, и Страхову» – он дает читать предисловие к изложению учения всеобщего дела, вызвав спор между ними: Страхов, которому прочитанное «очень не понравилось»¹⁵, выступал с критикой предисловия, а Соловьев и Толстой, которым в той или иной степени оказалась близка оптика Федорова (Толстому – этический пафос учения о восстановлении всечеловеческого родства, Соловьеву – идеал активного христианства, побуждающий живущих к исполнению «долга всеобщего воскрешения»¹⁶), защищали его. А уже 12 января 1882 года Соловьев, познакомившийся с полной рукописью текста, составившего позднее четвертую часть «Вопроса о братстве, или родстве...» (1878–1893 гг.), со свойственной ему горячностью назвал Федорова «своим учителем и утешителем», а его «проект» – «первым движением вперед человеческого духа по пути Христову»¹⁷.

Спустя 4 дня, 16 января 1882 г., Соловьев уезжает в Петербург читать лекции в университете и на Высших женских курсах: в них начинают звучать отзвуки федоровских идей о преодолении слепой силы природы, сеющей смерть,

¹⁰ См.: Семенова С.Г. Философ будущего века: Николай Федоров. М.: Пашков дом, 2004. С. 499 [10].

¹¹ Этой теме будет посвящена наша вторая статья – здесь же мы попытаемся восстановить событийно-биографическую канву фето-федоровского сюжета.

¹² См.: Петерсон Н.П. Письмо к издателю «Русского Архива». По поводу отзыва Ф.М. Достоевского о Н.Ф. Федорове // Русский архив. 1904. № 6. С. 301 [11].

¹³ Толстой Л.Н. Исповедь // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 23. М.: ГИХЛ, 1957. С. 35 [12].

¹⁴ См.: Панкратов А.С. Философ-праведник // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 2004. С. 352 [13].

¹⁵ См.: Федоров Н.Ф. Статьи и заметки о Ф.М. Достоевском, Л.Н. Толстом, В.С. Соловьеве // Федоров Н.Ф. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Традиция, 1999. С. 48 [15].

¹⁶ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве... // Федоров Н.Ф. Соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 109 [16].

¹⁷ См.: Соловьев В.С. Два письма Н.Ф. Федорову // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. С. 100 [17].

утверждается идеал «активного богодейства», «т.е. совместного действия Божества и человечества для пересоздания сего последнего из плотского или природного в духовное или божественное»¹⁸. А собеседования Льва Толстого и Федорова продолжают, и их постоянным участником становится Фет.

Об этом времени поэт напомним Федорову в письме от 6 декабря 1887 г.:

«Я никогда не забуду слов Льва Николаевича, относящихся к Вам в те еще времена, когда мы так дружелюбно сходились с Вами и беседовали у него на квартире. Он говорил: “Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком”. Много надо иметь духовного капитала, чтобы заслужить такие отзывы современников. Я говорю отзывы, ибо не знаю человека, знающего Вас, который не выражался бы о Вас в подобном же роде. Если бы я не считал того неловким, то смело включил бы себя в число таких людей. Прошу верить неизменному уважению и признательности Вашего покорнейшего слуги» [19, с. 103].

В этом письме выражено то почтительное отношение к Федорову, которое сохранялось у Фета до последних дней его жизни. Их общение было наиболее интенсивным в начале 1880-х гг., в период наибольшего сближения Федорова с Толстым. Но и позднее, когда идейные взаимоотношения писателя и философа резко обострились и Федоров практически перестал бывать в доме Толстых, Фет, работавший над переводами римских классиков, периодически приходил в библиотеку Румянцевского музея и Николай Федорович помогал ему как профессионал-библиограф, подбирая книги и делая необходимые справки. Эта помощь продолжалась и в последние месяцы жизни Фета, когда визиты в библиотеку стали ему тяжелы. В начале октября 1892 г. Федоров по просьбе больного поэта послал ему необходимые книги на дом (такой привилегией в Музее пользовался лишь Л.Н. Толстой), вызвав благодарственный отклик:

«Глубокоуважаемый

Николай Федорович,

Примите выражения сердечной признательности за доверие, оказанное больному, не выходящему из комнат.

Книжку “Русского Вестника”, по миновании в ней надобности, покорнейше прошу принять обратно.

Исполненный непритворного к Вам уважения [1 слово неразб.] и готовый к услугам

А. Шеншин» [20, с. 633].

Тональность двух сохранившихся писем Фета философу общего дела свидетельствует, что его отношение к Федорову было не просто почтительным, но доверительным и теплым. И Федоров относился к Фету столь же тепло,

¹⁸ См.: Соловьев В.С. Жизненный смысл христианства (Философский комментарий на учение о логосе ап. Иоанна Богослова). М.: Унив. тип., 1883. С. 13 [18].

о чем свидетельствуют воспоминания филолога И.М. Ивакина, помогавшего поэту в 1886–1888 гг. в редактировании перевода «Элегий» Проперция. Ивакин, бывший в начале 1880-х гг. учителем детей Л.Н. Толстого, входил в ближний федоровский круг и разделял идеи мыслителя. В своих воспоминаниях он много пишет об общении со всеми тремя участниками собеседований в доме Толстого, рассказывает об очередном посещении Фетом Библиотеки Румянцевского музея в январе 1888 г.¹⁹ и о том, как философ, стремясь помочь своему другу и ученику Н.П. Петерсону, срочно нуждавшемуся в деньгах для уплаты задолженности за дом, просил Ивакина «побывать» у Фета и рассказать о беде Петерсона, надеясь, что Фет откликнется и сможет помочь²⁰.

В своих воспоминаниях Ивакин не раз обращается к фигуре Л.Н. Толстого и восприятию современниками его религиозно-нравственного учения. Примечательно, что в критике оснований толстовской реформы христианства Ивакин сближает Федорова и Фета, демонстрируя, что и тот, и другой не принимали редукиции Евангелия лишь до Нагорной проповеди, толстовского неверия в богочеловечность Иисуса Христа, отрицания Его Крестной жертвы. Описывая свою первую встречу с Фетом в конце 1886 г., мемуарист так передает его слова о Толстом:

«Если бы он говорил, что есть слоны, что они живут на Луне, да прибавил бы, что я так верю, и толковать бы не о чем. А то... определенного-то нет. Ему пишут из Америки, что если он хочет, чтобы составила секта, исповедующая его учение, пусть пришлет суть своего учения, так, чтобы все это не превышало трех столбцов, они напечатают в миллионе экземпляров и распространят, а он не может. Владимир Соловьев – это я понимаю, христианин. Он говорит, что без веры в воплощение и искупление нет христианства. Это определено... А может христианская вера и вся-то пяточка не стоит. Кто-то наследит землю в заповедях блаженства – какую землю, где, не сказано, а толковать можно разное. Одни говорят, что землю – это значит землю в Астраханской губернии, другие говорят, что землю это значит никакой земли... Словом, это все слова, допускающие противоположные толкования. Да и в древности кто не знал всего этого? Буддисты, например, знали. А определенное в христианстве – это воплощение и искупление. Это я понимаю, а это-то все и отрицает Лев Николаевич» [21, с. 149].

Мемуарная запись слов Фета содержит общие смысловые акценты с описанным далее спором Федорова и Страхова в Каталожной Румянцевского музея о религиозной проповеди Толстого и его трактовке Нагорной проповеди, в которой, по словам Федорова, «ложь дошла до очевидности»²¹. Федоров подчеркивает, что Толстой делает упор на «отрицательных добродетелях» («не убий», «не

¹⁹ См.: Из «Записок» И.М. Ивакина // Октябрь. 1996. № 9. С. 149 [21].

²⁰ См.: Ивакин И.М. Воспоминания (фрагменты) // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. С. 206–207 [22].

²¹ Там же. С. 201–203.

войей»), Христос же призывает к благой активности и деятельной любви, к общему делу: неслучайно «молитва Господня и начинается-то словами *Отче наш*, а не *Отче мой...*»²².

В опубликованной переписке Соловьева и Фета не говорится о Федорове, но можно предположить, что имя Московского Сократа звучало в их личном общении, значимом для поэта, ощущавшего духовное одиночество и в последнее десятилетие жизни настроенного на диалог с новым философским и поэтическим поколением, одним из представителей которого был В.С. Соловьев²³.

Примечательно, что Федоров во второй половине 1880-х гг. резко споривший с религиозно-нравственным учением Л.Н. Толстого, не принимавший теократического проекта В.С. Соловьева и не раз остро-иронически реагировавший на слова и поступки своих знаменитых собеседников, не позволял себе в отношении А.А. Фета ни грана колкости. Напротив, был предельно мягок и деликатен. И это при том, что Фету была глубинно близка философия Шопенгауэра и именно в ней он находил значимый ответ на главные онтологические и антропологические вопросы. Федоров же, как известно, был резким критиком идей Шопенгауэра и не раз повторял, что немецкий философ, полагаящий «волю к жизни» основанием бытия, забывает о том, что в порядке природы эта воля оборачивается «неволею (к смерти)»²⁴, а человек, через свое представление дающий миру быть, сознает этот мир как «трагическое поглощение» последующим предыдущего, оказываясь в смертном, страдающем бытии безнадежным пленником «слепой силы»²⁵. Полемически перефразируя название главного сочинения немецкого философа «Мир как воля и представление» (1818 г.), вышедшего в переводе Фета в 1881 г. «Мир как неволя и как проект освобождения»²⁶, мыслитель подчеркивал, что последнее возможно только во всеобщем воскрешении и регуляции, избавляющих мир от смертности и слепоты.

Причины особой бережности Федорова по отношению к Фету становятся понятны из воспоминаний Н.Н. Черногоубова, исследователя и собирателя наследия поэта, записанных издательницей Н.И. Дорофеевой в 1913 г. в период подготовки сборника «Вселенское дело» (вып. 1), посвященного памяти философа воскрешения. Вот как она передает его рассказ в письме одному из составителей книги, бывшему священнику, религиозному мыслителю и публицисту И.П. Брихничеву:

«Познакомился я, говорит, с Н.Ф. вот при каких обстоятельствах. Я очень

²² См.: Ивакин И.М. Воспоминания (фрагменты). С. 203.

²³ См. об этом: Переписка А.А. Фета с Вл.С. Соловьевым (1881–1892). С. 363–364.

²⁴ См.: Федоров Н.Ф. Бесчисленные невольные возвраты или единый, сознательный и добровольный возврат? // Федоров Н.Ф. Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 129 [23].

²⁵ См.: Федоров Н.Ф. Трагическое и вакхическое у Шопенгауэра и Ницше // Федоров Н.Ф. Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 159 [24].

²⁶ Федоров Н.Ф. Статьи философского содержания из III тома «Философии общего дела» // Федоров Н.Ф. Соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. С. 270 [25].

увлекался Фетом-Шеншиным, потратил почти 6 лет на соби́рание сведений из его биографии, разных фактов и пр. данных, ездил по разным городам, где был Фет, и работал в Рум<янцевском> Музее, – Федоров заметил, с каким рвением я стараюсь воспроизвести все, что касается умершего Фета, понравилось ему это, и тут завязалось это знакомство. Интересовался Николай Федор<ович> незаконнорожденностью Фета (это мое выражение, я не помню к<а>к с<каза>л Черногоубов, но эта мысль), относился к этому факту с участием, т<ак> к<ак> и сам он незаконнорожденный – он сын одного из кн. Гагариных и, кажется, крестьянки. Один раз, – расск<азывал> Ник. Федор., – кн. Гагарин повез его к графу Ростовцеву, а я, говорит, убежал из приемной» [26, с. 191].

Рассказ Черногоубова раскрывает тонкую чувствительность и ранимость натуры Федорова, казавшегося молодым его современникам «грозным старцем»²⁷, особенно, когда они, деятели Серебряного века, узнавали, что «от языка» московского библиотекаря «претерпевали и Соловьев (Вл.), и Толстой (Л.Н.)»²⁸. В одной из заметок последних лет философ рассказал о трех детских воспоминаниях, впечатавшихся в его сердце и давших толчок рождению учения о восстановлении всечеловеческого родства. Среди этих воспоминаний рядом с «черным-пречерным хлебом, которым питались крестьяне в какой-то, вероятно, голодный год», и услышанным от разумеющих добро и зло взрослых объяснением войны («люди стреляют друг в друга») встает то, что было болью всей его жизни: «Наконец, узнал я не о том, что есть и неродные, и чужие, а что сами родные – не родные, а чужие» [29, с. 161].

Этот потаенный фрагмент, обнажающий драму жизни философа общего дела, внебрачного сына князя П.И. Гагарина, не имевшего права носить ни отчество своего отца, ни родовую фамилию, прямо перекликается с тем, о чем пишет А.А. Фет в воспоминаниях о ранних годах своей жизни: «Однажды отец без дальнейших объяснений написал мне, что отныне я должен носить фамилию Фет, причем само письмо ко мне было адресовано Аф. Аф. Фету. <...> Как ни горька была мне эта неожиданная новость, но убежденный, что у отца была к тому достаточная причина, я считал вопрос до того деликатным, что ни разу не обращался за разрешением его ни к кому» [30, с. 95].

В воспоминаниях, предназначенных для печати, поэт целомудренно умалчивает о своих чувствах и ничего не объясняет читателю. Столь же целомудренно молчал и Федоров о своем происхождении, никогда не упоминал об отце, даже на допросе во время ареста по делу ишутинцев о своем происхождении умолчал: «... родился я в Тамбовской губернии, но в каком именно месте не знаю, родителей не помню» [31, с. 408]. Между тем разыскания современных биографов мыслителя неопровержимо свидетельствуют: Федоров, его старший брат Александр и сестры

²⁷ См.: Сабанеев Л.Л. Мои встречи с Ник. Фед. Федоровым // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 2004. С. 223 [27].

²⁸ См.: Брюсов В.Я. Из дневника // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 2004. С. 112 [28].

Елизавета и Юлия общались с отцом, который любил и помнил своих внебрачных детей, несмотря на то что юридически они не были признаны его родственниками. А дядя будущего философа, князь К.И. Гагарин, не просто взял на себя воспитание братьев Федоровых, но окружил их любовью и заботой, после же его смерти они ежегодно получали оговоренную в завещании денежную поддержку (Федоров эти средства отдавал родным – сестре Елизавете и ее семье)²⁹.

Как в семействе Гагариных, вопреки сословным предрассудкам и букве закона, братья и племянники П.И. Гагарина сохраняли родственное общение с незаконнорожденными его детьми, а в сохранившейся переписке последних не раз тепло упоминаются и «князь Павел Иванович», и «князь Константин Иванович», и другие родственники по гагаринской линии³⁰, так и родные Фета игнорировали эту суровую «букву». Вот как вспоминает поэт о реакции своего дяди, Петра Неофитовича Шеншина³¹, на подпись «Фет», которую юноша поставил под своим первым письмом ему после известия о том, что фактически лишен права на отцовскую фамилию:

«Я ничего не имею сказать против того, что быть может в официальных твоих бумагах тебе следует подписываться новым именем; но кто тебе дал право вводить официальные отношения в нашу взаимную кровную привязанность? Прочитавши письмо с твоей новой подписью, я порвал и истоптал его ногами; и ты не смей подписывать писем ко мне этим именем» [30, с. 95].

Этот протест против внешних сословных, юридико-экономических норм, лишаящих родных права называться родными, а сына – носить родовую фамилию, жил и в глубине сердца Федорова. Для философа общего дела само учение

²⁹ См.: Акиньшин А.Н. Родственное окружение Н.Ф. Федорова // Философ общего дела: Материалы международных научных чтений памяти Н.Ф. Федорова. М.: ГБУК г. Москвы «ЦБС ЮЗАО», 2022 С. 8–29 [32].

³⁰ См.: Письма Александра Павловича Федорова к сестре Юлии (предисл., публ. и коммент. А.Н. Акиньшина) // «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова и Федоровиана XX–XXI вв. М.: ГБУК г. Москвы «ОКЦ ЮЗАО», 2025. С. 16–46 [33]; Письма Елизаветы Павловны Полтавцевой к сестре Юлии (предисл., публ. и коммент. А.Н. Акиньшина) // «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова и Федоровиана XX–XXI вв. М.: ГБУК г. Москвы «ОКЦ ЮЗАО», 2025.С. 47–69 [34].

³¹ Вот еще одно совпадение, ставящее в символическую параллель биографии А.А. Фета и Н.Ф. Федорова. Дядя, который был Фету «близким и дорогим человеком, нежно его любящим, помогавшим ему деньгами во время учения», неожиданно умирает в 1844 г., а средства, которые он обещал оставить племяннику, «загадочным образом» исчезают (см.: Маймин Е.А. Афанасий Афанасьевич Фет. М.: Просвещение, 1989. С. 31 [35]). Так же скоропостижно весной 1851 г. умрет дядя Федорова Константин Иванович Гагарин, в имении которого в с. Белоречье жили братья Александр и Николай Федоровы после законной женитьбы отца на родовой дворянке Л. Выродовой. На его деньги они учились сначала в Шацком уездном училище, затем – в Тамбовской гимназии и наконец – в Ришельевском лицее в Одессе. Дядя Федорова упомянул братьев Федоровых в своем завещании, но Николай Федорович, как уже было сказано выше, отдавал ежегодно переводимую сумму родным и добывал себе заработок сначала учительским, а затем библиотечным трудом. Главное же было в реакции на эти утраты. Смерть дяди становится потрясением для поэта, а у Федорова она высекает пророческую искру учения о долге живущих перед умершими, исполнение которого станет упразднением смерти.

о человеке зиждется на сыновстве, на пуповинной, онтологической связи между рожденными и родившими: «Всякое знакомство начинается взаимным заявлением о своих отцах и матерях. Мы не можем даже обойти такого заявления, если хотим назвать себя по имени и отчеству; а называя фамилию, мы переносимся иногда в глубокую древность; называя себя по национальности и даже просто человеком, мы тоже определяем лишь свой род, свое происхождение. То, что считалось и считается еще пустою формою (именование по отчеству), приобретает все большее и большее значение. Генеалогия, которая до сего времени была самую презренною, самую безжизненною наукою, оживляется, из юридической она делается наукою естественною» [16, с. 282].

Родственную связь, объединяющую «сынов и дочерей человеческих» с их отцами и предками, философ понимал религиозно, возводя ее к той совершенной, неслиянно-нераздельной, исполненной безграничной любви связи Отца, Сына и Св. Духа, которая составляет сущность Божественного Троиинства и в которой имплицитно содержится указание на воскресительный долг. Такое понимание Троицы развивал он в том предисловии, которое было «сообщено» им «Соловьёву, и Толстому, и Страхову» в конце 1881 г.: «...учение о христианской Троице относится ко всему роду человеческого, ибо обнимает все живущее (сынов и дочерей) и все умершее (отцов и матерей) и последнее (умерших) обращает в предмет дела для первых (т.е. живущих). Долг воскрешения объединяет все семьи в общем деле всего рода человеческого, тогда как между семьями рождения существует рознь, потому что нет общего долга, нет и общего дела» [16, с. 100].

И Фет, и Федоров горячо любили Россию и русскую историю, сознавали себя глубинно причастными к ней и выражали эту причастность философским и поэтическим словом. Для русского дворянства связь с родной землей крепилась и службой Отечеству, и генеалогическими традициями, возводившими древние дворянские роды к князю Рюрику (род Гагариных) и к тем прародителям, которые верой и правдой служили Московскому Царю (род Шеншиных). Незаконорожденность отторгала от этой причастности, превращала «сына человеческого» в люмпенизированного индивида, выталкивала в атомарность, которая в русской религиозно-философской традиции, начиная со славянофилов А.С. Хомякова и К.С. Аксакова и заканчивая Достоевским, была синонимом духовной гибели личности.

Е.А. Маймин, исследователь русской философской лирики и автор книги о Фете, так описывает переживания поэта, связанные с утратой права носить фамилию Шеншин:

«Он всегда ощущал себя дворянином, коренным русским, неразделимо связанным с Россией, с русской землей. И вот теперь, вдруг, ни в чем и никак не изменившись внутренне, в существе своем, он сделался разночинцем, более того – иностранцем и в документах обязан был ставить подпись: “К сему иностранец Афанасий Фет приложил”».

Это означало полный переворот в его жизни. Он стал человеком социально

отверженным, как бы изъятый из своей среды. По крайней мере, таким он теперь сам себя чувствовал. Он не мог уже с твердостью рассчитывать на отцовское наследство. Ему не на кого было больше надеяться, кроме как на самого себя. В нем уже не могло быть спокойного сознания прочности своего места на земле. Что-то важное точно оторвалось от него. И это оставалось в памяти, об этом приходилось постоянно думать. Чем больше скрывал он эту свою боль от других, тем больше и сильнее сам ее ощущал» [35, с. 19].

Боль Фета, тщательно им скрываемая от других, была внятна Федорову. Мы не знаем, рассказывал ли философу сам поэт об обстоятельствах своей биографии, делился ли потрясением, которое испытал, когда получил письмо от отца о том, что для социума, в котором выстраивается его жизнь, он больше не Шеншин. Как бы то ни было, Федоров знал о незаконнорожденности Фета и должен был особенным образом смотреть на его настойчивые усилия вернуть себе дворянское достоинство и родовую фамилию, которым было отдано почти сорок лет жизни. В оптике восстановления родства они виделись священным стремлением соединить звенья распавшейся цепи времен, представляли как «течение встречное» в человечестве, бездумно, безответственно, безлюбивно отрекающимся от родства, как протест против современной цивилизации, очарованной идеей прогресса, стремящейся вперед и только вперед, презирующей прошедшее и готовой продать душу за новизну, против ситуации «случайного семейства», так остро очерченной Достоевским в «Дневнике писателя» и двух своих последних романах, близких по своей проблематике Федорову³², против бесстыдного права сына заявить своему отцу: «Отец, скажи мне: для чего я должен любить тебя? Отец, докажи мне, что я должен любить тебя?»³³, о котором словоблудствует в «Братьях Карамазовых» «нанятая совесть» адвокат Фетюкович. Возвращение родовой фамилии – символ того возвращения сердец сынов к отцам, которое для Федорова, как и для последнего пророка Ветхого Завета Малахии, становится единственной возможностью избежать эсхатологической катастрофы («чтобы Я, говорит Господь, пришедши, не поразил земли проклятием» (Мал. 4, 6)).

Н.Ф. Федоров воспринимал разрыв родственных связей, манифестируемый и гражданским юридизмом, и хамитизмом «блудных сынов», рвущих эти связи, рушащих святыню семьи уже по собственному самостному произволению, как катастрофу, как проявление той взаимоистребительной, падшей истории, что

³² См. подробнее: Гачева А.Г. Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров: Встречи в русской культуре. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 153–287 [36]; Гачева А.Г. «Восстановление родства»: роман Ф.М. Достоевского «Подросток» как пролог к диалогу Н.Ф. Федорова и Ф.М. Достоевского // Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения / отв. ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 309–337 [37].

³³ См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 15. Л.: Наука, 1976. С. 171 [38].

началась с утраты райского состояния и ныне движет к катастрофическому финалу – к грядущей «сциентифичной битве», в которой народы, забывшие о своем источном родстве, о своем происхождении от единого корня Адамова, будут неистово истреблять друг друга, уничтожая землю, данную им в наследство Небесным Отцом.

Афанасий Фет восстанавливает свое родовое имя и дворянское достоинство через многолетнюю военную службу и неустанный труд на земле. Свое первое имение Степановку в Орловской губернии («200 десятин голой, безлесной, безводной земли»³⁴), которое поэт приобрел в 1860 г., он превратил в цветущее хозяйство, настоящий рай на земле, и в своей публицистике неоднократно подчеркивал ответственность человека перед землей, необходимость солидарности дворян и крестьян в развитии земледельческого труда, обеспечивающего крепость государства³⁵. А затем воскрешает образы отца, матери, дяди, братьев, сестер в воспоминаниях, над которым работает в конце жизни. Федоров восстанавливает родство и утверждает свое сыновство через идею воскрешения, в которой должны соединиться все люди, преодолевая небратство, ибо все рожденные, законно или внебрачно, в конце концов теряют своих отцов в смерти, становятся сиротами, «сынами умерших отцов», постыдно превращаясь в «сынов, живущих по смерти отцов, как будто ничего особенного, ничего ужасного не произошло»³⁶.

В одной из заметок, размышляя о судьбе воскресительного проекта, Федоров включает Л.Н. Толстого, В.С. Соловьева и А.А. Фета в число людей, не просто знавших о нем, но и на него откликавшихся и даже способствовавших – прямо или косвенно – его продвижению в мир: «В этом эпизоде принимал некоторое участие и гр. Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, А.А. Фет (непрямо)» [15, с. 15]. Если обратиться к контексту заметки, то станет ясно, что философ имеет в виду не столько те случаи, когда Соловьев с одушевленностью молодости читал студентам Петербургского университета лекции о смысле и назначении христианства, сетуя Федорову, что «воскресение не как идея, а как факт не воспринимается ими»³⁷, а Толстой в 1884 г. излагал в Московском психологическом обществе учение о воскрешении, парируя вопросы о том, «как же уместятся на земле воскрешенные поколения», словами: «Царство знания и управления не ограничено землей»³⁸, но и в не меньшей степени содержание творчества своих собеседников, давшее импульс развитию федоровской проектики.

³⁴ См.: Тургенев И.С. Письмо П.В. Анненкову. 7(19) июня 1861 // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 4. М.: Наука, 1987. С. 340 [39].

³⁵ См.: Фет А.А. Наши корни. Публицистика / подгот. текста и сост. Г.Д. Аслановой; коммент. Г.Д. Аслановой и В.И. Щербакова. СПб.: Росток; М.: Посев 2013. 478 с. [40].

³⁶ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве... С. 258.

³⁷ См.: Федоров Н.Ф. Статьи и заметки о Ф.М. Достоевском, Л.Н. Толстом, В.С. Соловьеве. С. 48.

³⁸ Там же. С. 46.

Именно поэтому Федоров говорит о Толстом как о писателе, имеющем «особое значение для учения “Объединение живущих сынов для воскрешения умерших отцов”»³⁹. Автобиографическая трилогия Толстого рассматривается мыслителем как художественная апология евангельского «Будьте как дети» и одновременно как плач об «утрате детства», тем самым прямо работая на учение о воскрешении, основой которого служит «незнание чуждости, сознание всеобщего родства, сыновства и братства»⁴⁰. Подчеркивая значимость ранних произведений Толстого для утверждения воскрешения отцов «как цели и смысла жизни», философ обращает внимание на то, что повесть «Детство» написана в один год (1851 г.) с явлением Федорову его воскресительной идеи. А далее ставит в полемическую параллель эволюцию мирозерцания Толстого и становление учения всеобщего дела: «Крайнему развитию анализа у Толстого соответствовало развитие синтеза в учении объединения для воскрешения. Неуважению к уму у Толстого соответствовало в авторе “Воскрешения” уважение к уму такое, как и к вере в смысле дела, осуществления. Предпочтение Толстого к бессознательной жизни пред сознательной, тогда как расширение сознания на все миры, превращение всей природы в жизнь сознательную есть прямое выражение воскрешения» [15, с. 16].

В этом контексте «непрямое» участие Фета в судьбе учения о воскрешении можно гипотетически трактовать как художественное творчество, в котором Федоров улавливал важные для себя и для формулировки воскресительных идей смыслы, в том числе и те, которые – как бы от противного – оттачивали его мысль, заставляли ее работать в нужном русле.

Поэзия Фета 1881–1892 гг. пронизана мотивами, роднящими его с Федоровым. Поэт пишет о хрупкости человеческого существования, о безжалостности уходящего времени, в котором исчезают лица, события, судьбы, об остром переживании смерти и аксиологии бессмертия. Да, с одной стороны путь преодоления трагизма смертного бытия у Фета традиционен: он настраивает на смирение и стоическое принятие пределов реальности (стихотворения «Учись у них – у дуба, у березы...», «Смерти»), призывает обрести свободу в мечтах и поэтическом творчестве («Все, все мое, что есть и прежде было...», «Одним толчком согнать ладью живую...»). Но, с другой стороны, в его поздней поэзии присутствует то, что Федоров называл воскресительной памятью и что делает лирику Фета поистине духовным мостом в двадцатый век.

Исследователи и публикаторы наследия А.А. Фета обратили внимание на то, что во всех четырех прижизненных выпусках «Вечерних огней» (1883–1891 гг.) шедевры фетовской лирики соседствуют с «некрологами»,

³⁹ См.: Федоров Н.Ф. Статьи и заметки о Ф.М. Достоевском, Л.Н. Толстом, В.С. Соловьеве. С. 15.

⁴⁰ Там же.

листочками поэтической памяти об ушедших. Тем самым книги стихов запечатлевают не только личность поэта в динамике ее душевных состояний, калейдоскопе эмоций, работе мысли и воображения, но и образы тех, кто был духовно близок ему в его жизни, с кем он беседовал, спорил, кто оставил глубокий след в его сердце и памяти. Появление некрологов и стихов, обращенных к конкретным лицам, ученые справедливо связывают с внутренней потребностью Фета сохранить, защитить от забвения через поэтическое слово⁴¹ образы своих земных спутников, большинство которых не имело никаких шансов на культурное бессмертие.

Поздняя лирика Фета, в представлении Федорова, во всей полноте проявила возможности искусства как символического воскрешения, сохраняющего в вечности поэтического текста дорогих сердцу людей и все, что соединено с ними в жизни. В программном стихотворении «Окна в решетках и сумрачны лица...», открывающем первый выпуск «Вечерних огней» (1883 г.), утверждается ценностный выбор поэта – не вперед, а назад по ленте времени, туда, где прошедшее с надеждой и терпением ожидает спасения от настоящего:

Что ж там мелькнуло красою нетленной?
Ах! то цветок мой весенний, любимый,
Как уцелел ты, засохший, смиренный,
Тут, под ногами толпы нелюдимой?

Радость сияла, чиста безупречно,
В час, как тебя обронила невеста.
Нет; не покину тебя бессердечно,
Здесь, у меня на груди тебе место [42, с. 7].

Список литературы

1. Булгаков С.Н. Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип // Булгаков С.Н. Соч.: в 2 т. Т. 2: Избранные статьи. М.: Наука, 1993. С. 15–45.
2. Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 139–288.
3. Ильин В.Н. Арфа Давида: Религиозные мотивы русской литературы. СПб.: Русский Мир, 2009. 550 с.
4. Тахо-Годи Е.А. Русская литература и философия: проблемы изучения и предварительные итоги // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 10–41. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-10-41>
5. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 512 с. (Серия «Российские Прописки»).

⁴¹ Кошелев В.А., Петрова Г.В. О поэтических сборниках Фета «Вечерние огни» // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. Т. 5: Вечерние огни. Стихотворения и поэмы 1864–1892 гг., не вошедшие в сборники. Кн. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 283 [41].

6. Никольский Б. А.А. Фет // Философские течения русской поэзии. СПб.: Типография М. Меркушева, 1896. С. 239–267.
7. Фет А.А. Как нежишь ты, серебряная ночь... // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. Т. 5: Вечерние огни. Стихотворения и поэмы 1864–1892 гг., не вошедшие в сборники. Кн. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 56.
8. Переписка А.А. Фета с Н.Н. Страховым. 1877–1892 / вступ. ст., публ. и коммент. Н.П. Генераловой // Литературное наследство. Т. 103, кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 233–550.
9. Переписка Фета с Вл. Соловьевым (1881–1892) / публ. Г.В. Петровой // А.А. Фет. Материалы и исследования. II. СПб.: Контраст, 2013. С. 359–427.
10. Семенова С.Г. Философ будущего века: Николай Федоров. М.: Пашков дом, 2004. 584 с.
11. Петерсон Н.П. Письмо к издателю «Русского Архива». По поводу отзыва Ф.М. Достоевского о Н.Ф. Федорове // Русский архив. 1904. № 6. С. 300–301.
12. Толстой Л.Н. Исповедь // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 23. М.: ГИХЛ, 1957. С. 30–62.
13. Панкратов А.С. Философ-праведник // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 2004. С. 352–362.
14. Толстой Л.Н. Дневник 1881 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 49. М.: ГИХЛ, 1952. С. 25–58.
15. Федоров Н.Ф. Статьи и заметки о Ф.М. Достоевском, Л.Н. Толстом, В.С. Соловьеве // Федоров Н.Ф. Соч.: в 4 т. Т. IV. М.: Традиция, 1999. С. 3–100.
16. Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве... // Федоров Н.Ф. Соч.: в 4 т. Т. I. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 35–308.
17. Соловьев В.С. Два письма Н.Ф. Федорову // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 2004. С. 100–102.
18. Соловьев В.С. Жизненный смысл христианства (Философский комментарий на учение о логосе ап. Иоанна Богослова). М.: Унив. тип., 1883. 16 с.
19. Фет А.А. Письмо Н.Ф. Федорову // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 2004. С. 103.
20. А.А. Фет – Н.Ф. Федорову // Федоров Н.Ф. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Традиция, 1999. С. 633.
21. Из «Записок» И.М. Ивакина // Октябрь. 1996. № 9. С. 148–157.
22. Ивакин И.М. Воспоминания (фрагменты) // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. С. 182–218.
23. Федоров Н.Ф. Бесчисленные невольные возвраты или единый, сознательный и добровольный возврат? // Федоров Н.Ф. Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 129–131.
24. Федоров Н.Ф. Трагическое и вакхическое у Шопенгауэра и Ницше // Федоров Н.Ф. Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 159–160.
25. Федоров Н.Ф. Статьи философского содержания из III тома «Философии общего дела» // Федоров Н.Ф. Соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. С. 251–390.
26. Письмо Н.И. Дорощевой И.П. Брехничеву // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 2. СПб.: РХГА, 2008. С. 190–193.
27. Сабанеев Л.Л. Мои встречи с Ник. Фед. Федоровым // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 2004. С. 222–226.
28. Брюсов В.Я. Из дневника // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 2004. С. 112.
29. Федоров Н.Ф. Необходимое дополнение // Федоров Н.Ф. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Традиция, 1999. С. 161.
30. Фет А.А. Ранние годы моей жизни. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1893. 548 с.
31. Богданов В.В. Следственное дело учителя Богородицкого уездного училища Николая Федорова // «Служитель духа вечной памяти». Николай Федорович Федоров (к 180-летию со дня рождения). Сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 2. М.: Пашков дом, 2010. С. 403–431.

32. Акиншин А.Н. Родственное окружение Н.Ф. Федорова // *Философ общего дела: материалы международных научных чтений памяти Н.Ф. Федорова*. М.: ГБУК г. Москвы «ЦБС ЮЗАО», 2022. С. 8–29.
33. Письма Александра Павловича Федорова к сестре Юлии / предисл., публ. и коммент. А.Н. Акиншина // «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова и Федоровиана XX–XXI вв. М.: ГБУК г. Москвы «ОКЦ ЮЗАО», 2025. С. 16–46.
34. Письма Елизаветы Павловны Полтавцевой к сестре Юлии / предисл., публ. и коммент. А.Н. Акиншина // «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова и Федоровиана XX–XXI вв. М.: ГБУК г. Москвы «ОКЦ ЮЗАО», 2025. С. 47–69.
35. Маймин Е.А. Афанасий Афанасьевич Фет. М.: Просвещение, 1989. 159 с.
36. Гачева А.Г. Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров: Встречи в русской культуре. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 576 с.
37. Гачева А.Г. «Восстановление родства»: роман «Подросток» как пролог к диалогу Н.Ф. Федорова и Ф.М. Достоевского // *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*. 2021. № 4(16). С. 58–87. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-4-58-87>
38. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // *Полн. собр. соч.*: в 30 т. Т. 15. Л.: Наука, 1976. С. 3–197.
39. Тургенев И.С. Письмо П.В. Анненкову. 7(19) июня 1861 // *Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем*: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 4. М.: Наука, 1987. С. 339–340.
40. Фет А.А. Наши корни. Публицистика / подгот. текста и сост. Г.Д. Аслановой; коммент. Г.Д. Аслановой и В.И. Щербакова. СПб.; М.: Росток, Посев, 2013. 478 с.
41. Кошелев В.А., Петрова Г.В. О поэтических сборниках Фета «Вечерние огни» // *Фет А.А. Соч. и письма*: в 20 т. Т. 5: Вечерние огни. Стихотворения и поэмы 1864–1892 гг., не вошедшие в сборники. Кн. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 264–286.
42. Фет А.А. «Окна в решетках и сумрачны лица...» // *Фет А.А. Соч. и письма*: в 20 т. Т. 5: Вечерние огни. Стихотворения и поэмы 1864–1892 гг., не вошедшие в сборники. Кн. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 7.

References

(Sources)

Collected Works

1. Bulgakov, S.N. Ivan Karamazov (v romane Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy») kak filosofskiy tip [Ivan Karamazov (in Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov") as a philosophical type], in Bulgakov, S.N. *Sochineniya v 2 t., t. 2: Izbrannye stat'i* [Works in 2 vols., vol. 2: Selected articles]. Moscow: Nauka, 1993, pp. 15–45.
2. Dostoevskiy, F.M. Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazov], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 15* [Complete Works in 30 vols., vol. 15]. Leningrad: Nauka, 1976, pp. 3–197.
3. Fedorov, N.F. Beschislennye nevol'nye vozvraty ili edinyy, soznatel'nyy i dobrovol'nyy vozvrat? [Countless involuntary returns or a single, conscious and voluntary return?], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 129–131.
4. Fedorov, N.F. Neobkhodimoe dopolnenie [Necessary addition], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 4* [Works in 4 vols., vol. 4]. Moscow: Traditsiya, 1999, p. 161.
5. Fedorov, N.F. Stat'i filosofskogo soderzhaniya iz III toma «Filosofii obshchego dela» [Philosophical articles from volume III of The Philosophy of Common Cause], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 3* [Works in 4 vols., vol. 3]. Moscow: Traditsiya, 1997, pp. 251–390.

6. Fedorov, N.F. Stat'i i zametki o F.M. Dostoevskom, L.N. Tolstom, V.S. Solov'evе [Articles and notes about F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy, V.S. Solovyov], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 4* [Works in 4 vols., vol. 4]. Moscow: Traditsiya, 1999, pp. 3–100.
7. Fedorov, N.F. Tragicheskoe i vakkhicheskoe u Shopengauera i Nitsshe [Tragic and Bacchanalian in Schopenhauer and Nietzsche], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 159–160.
8. Fedorov, N.F. Vopros o bratstve, ili rodstve... [The question of brotherhood, or kinship...], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 1* [Collected Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 35–308.
9. A.A. Fet – N.F. Fedorovu [A.A. Fet. Letter to N.F. Fedorov], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 4* [Works in 4 vols., vol. 4]. Moscow: Traditsiya, 1999, p. 633.
10. Fet, A.A. «Okna v reshetkakh i sumrachny litsa...» [“The windows are barred and the faces are gloomy...”], in Fet, A.A. *Sochineniya i pis'ma v 20 t., t. 5, kn. 1* [Works and Letters in 20 vols., vol. 5, book 1]. Moscow; Saint-Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2014, p. 7.
11. Fet, A.A. Kak nezhish' ty, serebryanaya noch'... [How you caress me, silver night...], in Fet, A.A. *Sochineniya i pis'ma v 20 t., t. 5, kn. 1* [Works and Letters in 20 vols., vol. 5, book 1]. Moscow; Saint-Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2014, p. 56.
12. Solov'ev, V.S. Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya [Philosophical principles of integral knowledge], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 139–288.
13. Tolstoy, L.N. Ispoved' [The Confession], in Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochineniy v 90 t., t. 23* [Complete Works in 90 vols., vol. 23]. Moscow: GIKhL, 1957, pp. 30–62.
14. Tolstoy, L.N. Dnevnik 1881 g. [The diaries of 1881], in Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochineniy v 90 t., t. 49* [Complete Works in 90 vols., vol. 49]. Moscow: GIKhL, 1952, pp. 25–58.
15. Turgenev, I.S. Pis'mo P.V. Annenkovu. 7(19) iyunya 1861 [Letter to P.V. Annenkov], in Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 t. Pis'ma: v 18 t., t. 4* [Complete Works in 30 vols. Letters in 18 vols., vol. 4]. Moscow: Nauka, 1987, pp. 339–340.

Individual Works

16. Bryusov, V.Ya. Iz dnevnika [From the diary], in N.F. Fedorov: *pro et contra: v 2 kn., kn. 1* [N.F. Fedorov: pro et contra: in 2 books, book 1]. Saint-Petersburg: RKHG, 2004, p. 112.
17. Fet, A.A. *Nashi korni. Publitsistika* [Our roots. Journalism]. Saint-Petersburg: Moscow: Ros-tok, Posev, 2013. 478 p.
18. Fet, A.A. *Rannie gody moey zhizni* [The early years of my life]. Moscow: Tovarishestvo tip. A.I. Mamontova, 1893. 548 p.
19. Fet, A.A. Pis'mo N.F. Fedorovu [Letter to N.F. Fedorov], in N.F. Fedorov: *pro et contra: v 2 kn., kn. 1* [N.F. Fedorov: pro et contra: in 2 books, book 1]. Saint-Petersburg: RKHG, 2004, p. 103.
20. Iz «Zapisok» I.M. Ivakina [From the “Notes” of I.M. Ivakin], in *Okt'yabr'*, 1996, no. 9, pp. 148–157.
21. Ivakin, I.M. Vospominaniya (fragmenty) [Memories (fragments)], in N.F. Fedorov: *pro et contra: v 2 kn., kn. 1* [N.F. Fedorov: pro et contra: in 2 books, book 1]. Saint-Petersburg: RKHG, 2004, pp. 182–218.
22. Nikol'skiy, B. A.A. Fet [Athanasius Fet], in *Filosofskie techeniya russkoy poezii* [Philosophical trends of Russian poetry]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. Merkusheva, 1896, pp. 239–267.
23. Pankratov, A.S. Filosof-pravednik [The Righteous Philosopher], in N.F. Fedorov: *pro et contra: v 2 kn., kn. 1* [N.F. Fedorov: pro et contra: in 2 books, book 1]. Saint-Petersburg: RKHG, 2004, pp. 352–362.
24. Perepiska Feta s Vl. Solov'evym (1881–1892) [Fet's correspondence with Vladimir Solovyov (1881–1892)], in Fet A.A. *Materialy i issledovaniya. II* [Materials and research. Vol. 2]. Saint-Petersburg: Kontrast, 2013, pp. 359–427.

25. Perepiska A.A. Feta s N.N. Strakhovym. 1877–1892 [Correspondence of A.A. Fet with N.N. Strakhov. 1877–1892], in *Literaturnoe nasledstvo. T. 103, kn. 2* [Literary heritage. Vol. 103, book 2]. Moscow: IMLI RAN, 2011, pp. 233–550.

26. Peterson, N.P. Pis'mo k izdatel'yu «Russkogo Arkhiva». Po povodu otzyva F.M. Dostoevskogo o N.F. Fedorove [A letter to the publisher of the Russian Archive. Regarding F.M. Dostoevsky's review of N.F. Fedorov], in *Russkiy arkhiv*, 1904, no. 6, pp. 300–301.

27. Pis'ma Aleksandra Pavlovicha Fedorova k sestre Yulii [Alexander Pavlovich Fedorov's letters to his sister Julia], in «*Filosofiya obshchego dela*» N.F. Fedorova i Fedoroviana XX–XXI vv. [“Philosophy of a common cause” by N.F. Fedorov and Fedorovian of the XX–XXI centuries]. Moscow: OKTs YuZAO, 2025, pp. 16–46.

28. Pis'ma Elizavety Pavlovny Poltavtsevoy k sestre Yulii [Elizaveta Pavlovna Poltavtseva's letters to his sister Julia], in «*Filosofiya obshchego dela*» N.F. Fedorova i Fedoroviana XX–XXI vv. [“Philosophy of a common cause” by N.F. Fedorov and Fedorovian of the XX–XXI centuries]. Moscow: OKTs YuZAO, 2025, pp. 47–69.

29. Pis'mo N.I. Dorofeevoy I.P. Brikhnichev [Letter from N.I. Dorofeeva to I.P. Brikhnichev], in *N.F. Fedorov: pro et contra: v 2 kn., kn. 2* [N.F. Fedorov: pro et contra: in 2 books, book 1]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2008, pp. 190–193.

30. Sabaneev, L.L. Moi vstrechi s Nik. Fed. Fedorovym [My meetings with Nick. Fed. Fedorov], in *N.F. Fedorov: pro et contra: v 2 kn., kn. 1* [N.F. Fedorov: pro et contra: in 2 books, book 1]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2004, pp. 222–226.

31. Solov'ev, V.S. Dva pis'ma N.F. Fedorovu [Two letters to N.F. Fedorov], in *N.F. Fedorov: pro et contra: v 2 kn., kn. 1* [N.F. Fedorov: pro et contra: in 2 books, book 1]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2004, pp. 100–102.

32. Solov'ev, V.S. *Zhiznennyy smysl khristianstva (Filosofskiy kommentariy na uchenie o logose ap. Ioanna Bogoslova)* [The Vital Meaning of Christianity (Philosophical Commentary on the teaching of the Logos of the Apostle John the Theologian)]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1883. 16 p.

(Articles from Scientific Journals)

33. Gacheva, A.G. «Vosstanovlenie rodstva»: roman «Podrostok» kak prolog k dialogu N.F. Fedorova i F.M. Dostoevskogo [“Restoring the Kinship”: the Novel The Adolescent as a Prologue to the Dialogue Between Nikolay Fedorov and Fyodor Dostoevsky], in *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological journal], 2021, no. 4(16), pp. 58–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-4-58-87>

34. Takho-Godi, E.A. Russkaya literatura i filosofiya: problemy izucheniya i predvaritel'nye itogi [Russian Literature and Philosophy: Problems of Study and Preliminary Results], in *Studia Litterarum*, 2021, vol. 6, no. 4, pp. 10–41. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-10-41>

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

35. Akin'shin, A.N. Rodstvennoe okruzhenie N.F. Fedorova [Related environment of N.F. Fedorov], in *Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh chteniy pamyati N.F. Fedorova «Filosof obshchego dela»* [Materials of the international scientific readings in memory of N.F. Fedorov “The Philosopher of Common Cause”]. Moscow: TsBS YuZAO, 2022, pp. 8–29.

36. Bogdanov, V.V. Sledstvennoe delo uchitelya Bogoroditskogo uездnogo uchilishcha Nikolaya Fedorova [The investigative case of Nikolai Fedorov, a teacher at the Bogoroditsky District School], in *Sbornik nauchnykh statey «Sluzhitel' dukha vечноy pamyati». Nikolay Fedorovich Fedorov: v 2 ch., ch. 2* [Collection of scientific articles «Servant of the Spirit of Eternal Memory». Nikolai Fyodorovich Fyodorov: in 2 parts, part 2]. Moscow: Pashkov dom, 2010, pp. 403–431.

37. Koshelev, V.A., Petrova, G.V. O poeticheskikh sbornikakh Feta «Vechernie ogni» [About Fet's poetry collections "Evening Lights"], in Fet, A.A. *Sochineniya i pis'ma v 20 t., t. 5, kn. 1* [Works and Letters in 20 vols., vol. 5, book 1]. Moscow; Saint-Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2014, pp. 264–286.

(Monographs)

38. Gacheva, A.G. *F.M. Dostoevskiy i N.F. Fedorov: Vstrechi v russkoy kul'ture* [F.M. Dostoevsky and N.F. Fedorov: Meetings in Russian culture]. Moscow: IMLI RAS, 2008. 576 p.

39. Il'in, V.N. *Arfa Davida: Religioznye motivy russkoy literatury* [David's Harp: Religious Motifs in Russian Literature]. Saint-Petersburg: Russkiy Mir, 2009. 550 p.

40. Maymin, E.A. *Afanasiy Afanas'evich Fet* [Afanasy Afanasievich Fet]. Moscow: Prosveshchenie, 1989. 159 p.

41. Semenova, S.G. *Filosof budushchego veka: Nikolay Fedorov* [The philosopher of the next century: Nikolai Fedorov]. Moscow: Pashkov dom, 2004. 584 p.

42. Veselovskiy, A.N. *V.A. Zhukovskiy. Poeziya chuvstva i «serdechnogo voobrazheniya»* [V.A. Zhukovsky. Poetry of Feeling and "Heart Imagination"]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 512 p.

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)1:60.5

Наталья Петровна Генералова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: generalovanatalia@gmail.com, ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-3427-5590>

В поисках единомышленников (из переписки А.А. Фета с П.П. Цитовичем)

Аннотация. Рассматриваются взгляды А.А. Фета на проблемы русского пореформенного общественного устройства на материале с впервые вводимой в научный оборот переписки поэта с известным публицистом П.П. Цитовичем, который вступил в полемику сначала с защитником общинного землевладения А.С. Посниковым, а затем с революционным народником Н.К. Михайловским, поддержавшим Посникова. Убеденный сторонник частного землевладения, Фет на основе собственного фермерского опыта откликнулся на полемику Цитовича и Михайловского и написал Цитовичу остающееся неизвестным письмо в поддержку его брошюры «Ответ на письма к ученым людям». Получив ответ, Фет обратился к Цитовичу с пространным письмом, в котором высказал свои взгляды на неурядицы сельской жизни после реформы 1861 г., которые ранее он изложил в статье «Наша интеллигенция», оставшейся неопубликованной. Предложив эту статью на суд ближайших друзей – Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова, автор получил совет отказаться от передачи ее в печать, однако продолжил свои рассуждения в статье «Общинное владение», которая тоже не была напечатана. Рассматриваются причины неопубликования статей в периодической печати и попытки Фета найти единомышленника в лице профессора Новороссийского университета П.П. Цитовича. Высказывается предположение, что письмо Фета к Цитовичу, которое сохранилось в копии, сделанной в Воробьевке, могло остаться неотправленным, а дальнейшее общение с адресатом прерванным.

Ключевые слова: публицистика А.А. Фета, общинное землевладение, народничество, консерватизм, реформа 1861 г., позитивизм

Natalja Petrovna Generalova

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, leading researcher, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: generalovanatalia@gmail.com

Searching for Soulmates (Based on the correspondence of A.A. Fet and P.P. Tsitovich)

Abstract. The present paper examines the unpublished correspondence of Afanasiy Fet and Petr Tsitovich. The latter was a prominent political writer who polemicized with A.S. Posnikov and N.K. Mikhailovsky, the authoritative exponents of communal land ownership. Afanasiy Fet, an experienced landowner and a vigorous supporter of private land ownership, joined the heated discussion by sending a private letter to Tsitovich. The letter addresses crucial issues in post-reform agrarian economy, the main subject of which Fet had already treated in his unpublished paper under the title of “Our Intelligentsia”. Fet contemplated the idea of sending

his letter to one of the Russian newspapers. Leo Tolstoi and Nikolay Strakhov, who were familiar with the correspondence, advised the poet against it. Fet, on the contrary, started delved deeper into the subject in yet another unpublished work ("Communal Land Ownership"). This study aims to answer the question of why the above-mentioned essays failed to go into print. An attempt is being made to reconstruct the epistolary contacts between Fet and Tsitovich, as well as to analyze the nature of the extraordinary ideological alliance that emerged between them.

Key words: Afanasiy Fet's publicism, communal land ownership, populism (narodnichestvo), conservatism, reform of 1861, positivism

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.4.078-091

4 (16) мая 1879 г. старинная приятельница Фета Софья Владимировна Энгельгардт в письме к нему спрашивала: «Скажите, читали ли вы брошюрку Цитовича "Ответ ученым людям". Я хотела, во всяком случае, вам ее послать, но б-е издание разобрано, и нет средства ее купить. Как он отделал нигилистов! Не только ему прощаешь цинизм выражений, но думаешь невольно, что иначе нельзя было сказать» [1, с. 88]. Имя писательницы С.В. Энгельгардт (рожд. Новосильцева, 1828–1894), писавшей под псевдонимом «Ольга N.», не принадлежало к числу имен первого ряда, однако ее повести и рассказы печатались в русской периодике начиная с 1853 г., вызывая порой положительные, порой отрицательные отклики. С.В. Энгельгардт была близка к кругу сотрудников «Москвитянина», выступала как переводчица с русского языка на французский (в частности, А.С. Пушкина), была автором мемуаров. С Фетом она познакомилась около 1857 г., уже после выхода его в отставку с военной службы и женитьбы на М.П. Боткиной, и стала горячей его поклонницей, хотя с его стихами была знакома с юности благодаря брату Юрию, однокурснику Фета по Московскому университету. Сохранившаяся часть переписки свидетельствует, что дружеские чувства обоих корреспондентов сохранились до конца дней. В письмах к Энгельгардт Фет высказывался по всем волновавшим его вопросам. К сожалению, его письма сохранились в весьма незначительной части, всего 33 письма, причем все они дошли до нас в не всегда аутентичных копиях С.Г. Шпета, лишь одно письмо, находившееся в коллекции М.С. Лесмана, сохранилось в оригинале (ныне оно передано вдовой Лесмана Н.Г. Князевой в дар в Рукописный отдел ИРЛИ). В то же время в РО ИРЛИ сохранилось более 120 писем С.В. Энгельгардт к Фету, опубликованных в «Ежегодниках Рукописного отдела Пушкинского Дома» на 1994, 1995 и 1997 гг., а также в одном из курских сборников¹.

Очевидно, именно благодаря указанию С.В. Энгельгардт Фет, всегда прислушивавшийся к мнениям своей многолетней корреспондентки, ознакомился с

¹ «...Я так давно привык к вашим дружеским письмам...» (34 письма С.В. Энгельгардт к А.А. Фету) / публ. Н.П. Генераловой // А.А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества / отв. ред. Г.Е. Голле. Курск: КГПУ, 1994. С. 174–234 [2].

брошюрой Цитовича и горячо откликнулся на ее содержание. Более того, соглашаясь в основных пунктах со статьей, поэт был готов приехать в Одессу, чтобы лично познакомиться с автором брошюры, однако встреча не состоялась.

О причинах, сорвавших встречу, Фет сообщал Н.Н. Страхову в письме от 12 ноября ст. ст. 1879 г.: «Были мы с женой в прелестном Крыму и собирались в Одессу, куда меня отчасти привлекал Цитович. Буря на море нас не пустила, и я написал Цитовичу письмо наугад. — Он написал мне прелюбезный ответ, — и скажу, по его брошюре я ждал в нем оригинала, но в письме нашел изумительно елейного, оригинального человека. Это чистый нигилист наизнанку. Он сам говорит, что бурса породила в нем как бы искупление за свои грехи в виде Чернышевского, Добролюбова и т.д.» [3, с. 294]. В своем письме Цитович действительно признавался: «...я тоже ... вырос на гречневой каше бурсы: бурса как будто искупает свои грехи пред русским обществом!» [4, л. 2]. Любопытно, что и Фет, и Цитович откликнулись на выход в свет романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», причем во многом их оценки перекликались, правда, статья Фета, написанная совместно с В.П. Боткиным в 1863 г., была напечатана лишь в 1936 г.²

Отправленное Фетом «наугад» крымское письмо, к сожалению, остается неизвестным, но, судя по сохранившемуся ответу Цитовича, названному «прелюбезным», Фет поддержал автора брошюры и высказался за продолжение диалога. Поэт даже приглашал своего заочного знакомого погостить в Воробьевке.

Отвечая на не дошедшее до нас письмо Фета, Цитович писал из Одессы 20 октября ст. ст. 1879 г.: «...Ваше письмо дорого для меня не по имени автора, а по той верности, с которою в нем (письме) определено всё Credo моей литературной полемики» [4, л. 2].

Кем же оказался Цитович и с кем он вел литературную полемику, на которую откликнулся Фет? Петр Павлович Цитович (1843–1913) был заметной фигурой в общественной жизни пореформенной России. Происходивший из семьи сельского священника Черниговской губернии, он окончил юридический факультет Харьковского университета, в 1873 г. получил степень доктора гражданского права и достиг значительного положения в университетских кругах, побывав попеременно профессором Харьковского, Новороссийского, Киевского и Санкт-Петербургского университетов, занимал должность обер-прокурора в Сенате, был членом Совета министров финансов, окончил свои дни тайным советником, одно время исполнял обязанности редактора официальной газеты «Берег» и в то же время играл своеобразную роль в журнальных баталиях своего времени, выпуская периодически отдельные брошюры достаточно скандального

² См.: Неизданная статья А.А. Фета о романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» / вступ. ст. Ю. Стеклова; публ. и коммент. Г. Волкова // Литературное наследство. 1936. Т. 25–26. С. 479–544 [5]. Включена в собрание сочинений и писем Фета (см.: Фет А.А. Сочинения и письма: в 20 т. / тексты и коммент. подгот.: Н.П. Генералова, А.Ю. Сорочан, М.В. Строганов, А.В. Успенская, Л.И. Черемисинова. СПб.: Фолио-Пресс, 2006. Т. 3. С. 195–259 [6]). Статью о романе Чернышевского Цитович опубликовал в виде первой брошюры в созданной им серии «Хрестоматия нового слова» (см.: Цитович П. Что делали в романе «Что делать?». Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1879. 50 с. [7]).

свойства, в которых выступал с позиций консерватизма и непримиримого врага левого крыла народничества.

В 1876 г. судьба свела его с другим ученым, назначенным на должность доцента кафедры политической экономии Новороссийского университета Одессы, А.С. Посниковым, защитившим в 1875 г. в Московском университете магистерскую диссертацию по первому тому своего труда «Общинное землевладение». Позиции Цитовича и Посникова по означенному вопросу оказались диаметрально противоположными, и Цитович напечатал разгромную рецензию на сочинение Посникова под названием «Новые приемы защиты общинного землевладения» (издана в виде брошюры в Одессе в 1878 г.). На защиту Посникова выступил известный публицист-народник Н.К. Михайловский в своих «Письмах к ученым людям», где в первом же письме прямо обратился к Цитовичу, обвинив его в непонимании новейших тенденций в науке и недооценке революционной публицистики. В ответ на грубый и задиристый тон рецензии Цитовича на труд Посникова Михайловский в не менее резкой форме критиковал его брошюру, которая к тому же стала пользоваться популярностью (за 1878 и 1879 гг. она была издана восемь раз). Откликаясь на нападки Михайловского, Цитович в своем «Ответе на письма к ученым людям» выводил «генеалогию» публициста-народника от Писарева, называя автора «Писем к ученым людям» его духовным сыном³.

«Новое» поколение интеллигенции, предложившей «новые» принципы, Цитович отсчитывал от «отцов», то есть крепостников, для которых все было «общим»: «...крепостное право вдруг исчезает, а с ним исчезают все крепостные удобства и разные вольности беспредельного общинного владения женой, рабом, волом, ослом и всем прочим, елика суть ближнего твоего» [9, с. 10–11]. Среди «живых» источников «новой» науки, к которым призывал обратиться Михайловский, Цитович указывает на «Материю и силу» Бюхнера, одного из столпов русских нигилистов. Новые люди, по Цитовичу, навредили русскому естествознанию примешиванием к нему социологии и использованием теории Дарвина применительно к человеческому обществу. Рассматривал Цитович и так называемый «рабочий вопрос», позаимствованный новыми людьми из публицистики Запада, где действительно существовала «борьба труда и капитала». Но в России, утверждал он, нет ни того ни другого: «...между тем они уже борются, — любопытная борьба двух нулей!»⁴. Затронул в своей брошюре автор и «женский вопрос», обвинив «новых» людей в развращении русской женщины: «Сколько, в самом деле, грязи, пошлости, цинизма пущено в обращение как выводы, сделанные за счет теории полового подбора! Можно подумать, что Дарвин не английский джентльмен, а какая-то старая посредница»⁵.

³ См.: Цитович П. Ответ на письма к ученым людям. 3-е изд., испр. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1878. С. 7 [8].

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Там же. С. 27–28.

Нелицеприятной критике подверг Цитович в своей брошюре приверженность ряда публицистов «общинному землевладению», в котором усматривалось коренное отличие русского общественного устройства от европейского. Очевидно, эта часть брошюры Цитовича более всего привлекла внимание Фета, неустанныго поборника частной поземельной собственности.

Мы не знаем, какое издание «Ответа» Цитовича удалось прочитать Фету, но это не имеет существенного значения. Вопрос об общинном землевладении был одним из тех, к которым он возвращался не раз и не два. В упомянутом письме к Н.Н. Страхову от 12 ноября ст. ст. 1879 г. Фет писал: «Если Вы сами некомпетентны в юридическ<их> понятиях: права, собств<енности>, владения и их философских признаках, то приготовьте мне для свидания такого человека; так как я написал коротенькую статейку об общ<инном> владении, которую желаю проверить *ad unguem* (со всей тщательностью, букв.: до ногтя, *лат.* – *Н.Г.*). Статья едва на ½ листа печатн<ого>; но это зеница моего ока. Это ключ всей современной и будущей нашей позиции» [3, с. 294]. Отметим любопытную деталь: Фет говорит о «философских признаках» юридических понятий не потому, что Страхов был философом, но прежде всего потому, что философский смысл тех или иных конкретных явлений всегда интересовал поэта и присутствовал практически во всех его публицистических статьях, являясь своеобразным маркером его стиля.

Таким образом, к 12 ноября 1879 г. статья Фета об общинном землевладении под заглавием «Общинное владенье» была завершена, или почти завершена, поскольку сохранившийся автограф не имеет окончания⁶. Однако в печати она не появилась. По всей видимости, Страхов не смог исполнить просьбу Фета и не нашел компетентного человека, с кем поэт мог бы обсудить положения своей статьи прежде, чем отдать ее в печать. Во всяком случае, в известной части переписки Страхова и Фета об этом речи нет.

История появления статьи «Общинное владенье» побуждает вернуться к истории непубликации еще одной статьи Фета, написанной во второй половине 1878 г., а именно к обширной статье «Наша интеллигенция», также оставшейся в рукописи.

Судьбу этой статьи можно с уверенностью назвать трагической. В сущности, в ней Фет подводил итоги своих наблюдений и размышлений о плачевном состоянии русской пореформенной деревни и даже шире – жизни русского по-

⁶ НИОР РГБ. Ф. 315. Карт. 2. № 11. Впервые опубликована Г.Д. Аслановой и В.И. Щербаковым (см.: Фет А. Общинное владенье / публ. Г.Д. Аслановой, В.И. Щербакова // XV Фетовские чтения: А.А. Фет и русская литература. Курск; Орел: КГПУ, 2000. С. 13–18 [9]); перепечатана: Фет А.А. Наши корни. Публицистика / подгот. текстов и сост. Г.Д. Аслановой; коммент. Г.Д. Аслановой и В.И. Щербакова. СПб.: Росток; М.: Посев, 2013. С. 164–168 [10].

реформенного общества. Имея за плечами богатый, почти двадцатилетний хозяйственный опыт фермера, исполняя параллельно в течение ряда лет обязанности мирового судьи, Фет постоянно размышлял и обобщал факты, с которыми ему приходилось сталкиваться. Еще в начале 1860-х гг., через два года после приобретения Степановки в Орловской губернии и начала своей хозяйственной деятельности, он делился своим фермерским опытом с читателями⁷. Писал он статьи и о своей работе в качестве мирового судьи. Публицистические выступления Фета привлекали внимание читателей и вызывали как одобрение ближайшего его окружения, так и критику со стороны оппонентов. Но со статьей «Наша интеллигенция» вышло иначе.

Причин, по которым Фет обратился к жанру «большой» публицистики, было несколько. Прежде всего, его, как и многих других, волновала общая ситуация, сложившаяся в обществе к концу 1870-х гг. После выстрела Веры Засулич в январе 1878 г. в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова и оправдания ее введенным судебной реформой 1864 г. судом присяжных идеологическая борьба между сторонниками реформ и консерваторами резко обострилась. Как писал П.Л. Лавров, началась «открытая война между революционерами и правительством. Вооруженное сопротивление в Одессе (30 января), попытка убить Котляревского (23 февраля), убийство Гейкинга (25 мая) ... убийство Мезенцова (4 августа) и кн. Кропоткина (6 февраля) 1879 г. последовали быстро одно за другим в промежуток времени немногим более года» [13, с. 46]. Помимо газетных новостей Фет со всех сторон получал от знакомых сведения о беспорядках и стычках с полицией. «Ведь никто не смел показаться на улицу», – писала ему 4(16) мая 1879 г. С.В. Энгельгардт об обстановке, царившей в крупных городах [1, с. 88]. Да и в провинции было немногим лучше. Продавший в 1877 г. Степановку и купивший осенью того же года гораздо более обустроенное имение Воробьевка в Курской губернии, Фет, вытесненный к началу 1860-х гг. из литературы волной демократической журналистики, получил наконец возможность вернуться к литературному творчеству, которое было фактически прервано почти на два десятилетия. Разумеется, он обдумывал, с чего начать новую жизнь, хотя и приобретенное имение требовало сил на обустройство.

Характерно, что возвращение Фета в литературу началось с философии. Именно в это время поэт интенсивно берется за переводы и начинает, по совету Страхова, переводить главный труд А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление». Затем следует полный перевод «Фауста» Гёте. До конца дней Фетом будет переведено множество произведений, в особенности из латинской поэзии. Эти переводы могли бы составить целую библиотечку. Но прежде он, очевидно,

⁷ См.: Фет А. Заметки о вольнонаемном труде // Русский вестник. 1862. Т. 38, № 3. С. 358–379; Фет А. Заметки о вольнонаемном труде // Там же. Т. 39, № 5. С. 219–273 [11]; Фет А. Из деревни // Русский вестник. 1863. Т. 43, № 1. С. 438–470; Фет А. Из деревни // Русский вестник. Т. 44, № 3. С. 299–350 [12].

задумал подытожить свои наблюдения над ходом реформ, произошедших после отмены крепостного права.

С новой статьей Фет познакомил близких ему Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова. Первоначальное название статьи – «О современном умственном состоянии и его отношении к нашему умственному благосостоянию» – подчеркивало обобщающий характер публицистического труда, который сам Фет в одном из писем к Толстому назвал «трактатом». Обсуждение, судя по переписке с Толстым и Страховым, было достаточно откровенным и нелицеприятным, что побудило автора коренным образом переделать статью, разделив ее на семнадцать глав и дав ей новое название. Однако и в переделанном виде статья не удовлетворила строгих критиков.

Вот что писал Страхов Фету 31 декабря ст. ст. 1879 г. из Ясной Поляны, где он гостил у Толстого: «Вчера кончил Вашу статью, глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич, и спешу известить Вас о результате. Я читал ее со вниманием и с немалым удовольствием; читали мы и вместе со Львом Николаевичем; зная Вас, живо припоминая Ваш голос и тон, мы, конечно, вполне могли оценить прекрасные мысли и остроумные выражения, которыми наполнена Ваша статья; но, несмотря на все это, я решаюсь назвать ее чрезмерно-неудачною» [3, с. 260]. Причины неудачи Страхов усмотрел в том, что тон статьи «двоится»: «С одной стороны, Вы впадаете в отвлеченность, в философские выводы и прибегаете к самым трудным научным терминам; с другой – Вы ничего не доказываете, не соблюдаете никакого порядка (кроме внутренней связи мыслей), шутите и шалите, словом, держите тон фельетонный» [3, с. 261]. Признавая за Фетом «несравненный дар яркого и краткого изложения», Страхов усмотрел в самом тоне изложения как будто желание кому-то подражать и решительно не советовал отдавать статью в печать. К его мнению целиком присоединился и Толстой⁸. Прислушавшись к мнению людей, которых глубоко любил и уважал, Фет отказался от печатанья статьи. «Осуждение моей статьи и Страховым и Вами, – писал он Толстому 2 января ст. ст. 1879 г., – только обрадовало меня уверенностью в действительной дружбе подобных Вам людей. Этого мало: оно показало, что Вы не считаете меня человеком, способным принимать вещи наизнанку. Жаль не за покойницу статью и не ради меня, а ради той непроглядной лакейской нелепицы, в которой мы беспомощно осуждены доживать наиболее сознательные годы нашей жизни» [14, с. 39]. Статья «Наша интеллигенция» была впервые опубликована по автографу лишь в 2000 г. в журнале «Вопросы философии»⁹.

⁸ См.: Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями: в 2 т. Т. 2 / сост., примеч. С.А. Розановой. М.: Худож. лит., 1978. С. 38 [14].

⁹ См.: Фет А.А. Наша интеллигенция / публ. Г.Д. Аслановой и Н.Н. Трубниковой // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 129–170 [15]. Перепечатана в сборнике публицистики Фета: Фет А.А. Наши корни. Публицистика. С. 95–163.

Между тем затронутые Фетом темы касались самых острых проблем общественного устройства (в том числе, существования общины как пережитка крепостничества, необходимости философского подхода к вопросам общественного миропорядка, разоблачения социалистических утопий и т.д.). Как пишет современный исследователь М.А. Шинков, «мы видим, что в социалистических утопиях Фет подозревал и отвергал именно то, в чем его обвиняли оппоненты: он видел в удушении свободы труда признаки рабства, которое приведет к деградации личности человека и уничтожению человечества. В собственности же публицист находил основы свободного развития личности и предпосылку появления в России новой социальной группы – свободных сельских хозяев. Эта новая часть российского общества и должна была привести страну к прогрессу посредством свободного труда, основанного на договорных отношениях» [16, с. 74].

Было бы, однако, неверным считать, что Фет «не предпринимал попыток напечатать “Нашу интеллигенцию” и позднее к ней не возвращался»¹⁰. Напротив, уже в следующей статье, о которой шла речь выше («Общинное владенье»), он вновь возвращается к одному из поднятых вопросов. Более подробно и обоснованно он вернется к означенным темам в статье 1882 г. «Наши корни», подписанной псевдонимом «Деревенский житель»¹¹, в большой статье «На распутье» (1884 г.) и в других работах, публиковавшихся, как правило, в газете «Московские ведомости». Любопытно, что «Наши корни» и «На распутье» печатались Фетом в виде отдельных брошюр. Возможно, здесь он учел пример П.П. Цитовича, который таким образом избегал необходимости согласовывать свою позицию с редакторами журналов и газет. Так, в своем «Ответе на письма к ученым людям» Цитович прямо писал: «Ответ на письма публикую отдельной брошюрой. Это прежде всего потому, что “наше сословие” не распоряжается органами периодической прессы. Кроме того, форма летучей брошюры имеет то удобство, что нет надобности соотноситься с чужими интересами и вкусами» [8, с. 1].

Неприятие статьи «Наша интеллигенция» Страховым и Толстым было, очевидно, связано с тем, что оба они не были столь кровно заинтересованы в обсуждении конкретных проблем сельского хозяйства, поскольку центр их интересов лежал в иной плоскости. Страхов горячо поддерживал духовные искания Л.Н. Толстого, обратившегося в эти годы к пересмотру христианского учения, поискам путей осуществления христианского идеала нравственной чистоты, что побуждало его отказываться от традиционных взглядов на собственность, семейную жизнь, образование. Страхов был целиком погружен в споры

¹⁰ См.: Фет А.А. Наши корни. Публицистика. С. 415.

¹¹ См.: Деревенский житель [Фет А.А.] // Русский вестник. 1882. Т. 157, № 2. С. 484–538 [17].

с позитивизмом, расцветавшим пышным цветом на русской почве. Его философские взгляды были близки Фету, и оба они плодотворно сотрудничали при переводе трудов Шопенгауэра. Не найдя поддержки в ближайшем окружении, Фет продолжал искать выход своему общественному темпераменту и упорно искал союзников.

Разумеется, были в его окружении люди, с которыми он вел долгую переписку и находил понимание. К их числу принадлежали упомянутая С.В. Энгельгардт; старинный приятель, шталмейстер двора И.П. Новосильцов, ставший не только другом, но и пропагандистом публицистических статей Фета, вплоть до государя императора; позднее – известный деятель крестьянской реформы Н.П. Семенов¹²; наконец, саратовский помещик Д.А. Столыпин¹³ и др. Далеко не по всем вопросам взгляды Фета совпадали с его единомышленниками, в том числе по вопросу об общинном землевладении, однако он упорно продолжал убеждать своих друзей в пространных письмах и устных беседах, в которых постоянно нуждался.

В этом смысле особенно примечательно письмо Фета к П.П. Цитовичу, написанное вскоре по получении от него упомянутого выше письма, датированного 20 октября 1879 г.¹⁴ Письмо это было известно давно, однако адресат был установлен лишь недавно И.А. Кузьминой, указавшей на связь фетовского письма с указанным письмом Цитовича¹⁵. На обложке архивной единицы в Научно-исследовательском отделе рукописей оно значится как письмо Фета «к Петру Павловичу [фамилия не установлена] о своей статье по социологическим вопросам [1890?]. Список, современный документу, рукой неустановленного лица. 4 лл.»¹⁶. Казалось бы, снятая копия свидетельствует о том, что письмо было отправлено по назначению, однако ответ Цитовича, готового, судя по первому письму, к продолжению диалога, неизвестен, как неизвестен и оригинал письма Фета. Тем не менее это письмо, скорее напоминающее конспект будущей статьи, представляет собой чрезвычайный интерес. Вероятно поэтому Фет и попросил снять с него копию.

¹² См.: Переписка Фета с Н.П. Семеновым (1884–1892) / публ. Н.П. Генераловой // А.А. Фет: Материалы и исследования. СПб.: Контраст, 2013. Вып. 2. С. 558–690 [18]. См. также: Генералова Н.П. 25 лет спустя: Итоги Крестьянской реформы 1861 года в переписке А.А. Фета с Н.П. Семеновым // Афанасий Фет и русская литература: XIX Фетовские чтения. Курск: КГУ, 2005. С. 66–90 [19].

¹³ См.: Черемисинова Л.И. А.А. Фет и Д.А. Столыпин // Литературное краеведение Поволжья: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1997. Вып. 1. С. 59–67 [20]; Черемисинова Л.И. А.А. Фет и Д.А. Столыпин: диалог о крестьянском землевладении (по материалам неопубликованных писем) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 62–66 [21].

¹⁴ См.: Фет А.А. Письмо к Цитовичу П.П. // НИОР РГБ. Ф. 315. Карт. 5. № 12. Л. 1–4 [22].

¹⁵ Приношу сердечную благодарность за это И.А. Кузьминой, как и за подсказку, что копия письма, скорее всего, сделана рукой управляющего имениями Фета А.И. Иостом.

¹⁶ См.: НИОР РГБ. Ф. 315. Карт. 12. № 40.

Как обычно, в личном письме поэт позволяет себе более откровенные высказывания, чем в текстах, предназначенных к печати. Еще более раскованно рассуждал в своем письме Цитович, называя интеллигенцию «паразитами, клоунами и паяцами»¹⁷, ниже он называет ее представителей «ушкуйниками, уестествителями»¹⁸. Считая массовое разорение мелкопоместных помещиков «подлинным процессом вымирания изношенной породы», он с горечью пишет: «Некоторые из них дошли буквально до положения бродячих нищих или пенсионеров богадельни»¹⁹. На что Фет возражает, что помещики «ежедневно сходят с своих десятин, и идут <в> маркеры, на паперти с рукой, по большим дорогам с предводительскими свидетельствами о дворянстве и в ушкуйники, уступая места крестьянам и купцам. – И слава Богу»²⁰. Для него главное не в том, кто владеет землей, а в том, кто умеет с нею обращаться. И здесь самое важное – всеобщее равенство перед законом: «Хочешь держать землю, держи на общих основаниях и плати что следует, иначе ее продадут тому, кто будет платить то, что следует, а если задолжаешь, опять-таки продадут тому, кто не будет должать, а ты не умеешь быть капиталистом, ступай в работники, пока, наученный опытом, не обратишься снова в собственника» (Л. 3 об.). В отличие от Цитовича, направлявшего острие своей критики против безнравственности новых людей, Фет смотрит гораздо глубже и ищет реальные пути к улучшению ситуации. Если Цитович видит все беды в рудиментах крепостничества, Фет и в крепостничестве усматривает положительные моменты, которые прикрепляли к земле как помещика, так и крестьянина: «Крепостной значит крепкий земле, а не другом<у> человеку. Поэтому противуречиво оставлять человека крепким земле и поставить его в положение свободного и полноправного человека» (Л. 2 об.). Отыскивая способы сохранения плодородной земли и благоустроенного хозяйства, Фет всегда выступал за неделимость земельных наделов и имущества: «Нельзя паровой локомотив делить между 4-мя сыновьями; – не уничтожив паровика. – Надо отдать одному, способному выработать в нем три части братьям. – А мы делим паровик и получаем стоимость металла в лом. – Нельзя специально трудиться без капитала. Быть астрономом без обсерватории, быть пахарем без лошади и вола, держать скот без удобрения. Все это математически невозможно. – Ergo – вести должен тот, у кого это есть, а не всякий капитальный (то есть капиталист. – Н.Г.) или нищий, нравственный или нет, способный или нет. Это непроизводитель-

¹⁷ См.: Цитович П.П. Письмо к А.А. Фету // НИОР РГБ. Ф. 315. Карт. 12. № 40. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 1 об.

²⁰ См.: Фет А.А. Письмо к Цитовичу П.П. // НИОР РГБ. Ф. 315. Карт. 5. № 12. Л. 2 об. (Далее ссылки на листы указанной единицы хранения даются в тексте в круглых скобках.)

ная трата и труда и капитала и гибель последнего, составляющего цель хозяйства ...» (Л. 2 об.–3). Таким образом, делясь со своим корреспондентом мыслями о возможных способах исправления сложившегося положения дел, Фет формулировал положения своей точки зрения на ход реформ, вопрос, который, кажется, не слишком интересовал Цитовича.

В конце письма к Цитовичу содержалась просьба и повторное приглашение в Воробьевку: «Напишите, что Вы думаете об этой мысли, и, если есть где прореха, укажите хоть намеком, я пойму. Душевно буду рад встретить Вас у себя, где живу постоянно и где летом отдохнуть хорошо. – Буду ждать Вашего критического взгляда и замечания, что же делать иначе, чем я делаю. У меня дело идет насколько можно при таком сумбуре. Да напишите, если стоит, то можно ли провести мою мысль в публику» (Л. 4). Фет, несомненно, рассчитывал обсудить с ним целый ряд вопросов, которые ему пришлось впоследствии решать самому. Судя по всему, Цитович либо отказался обсуждать предложения Фета, либо высказался против публикации его статьи, которая, по идее, должна была быть приложена к письму.

Неисключено, что Фет передумал отсылать дошедшее до нас в копии письмо. Недаром он писал 4 ноября 1879 г. Л.Н. Толстому: «Не успел я побывать в Одессе и потому затеял переписку с известным Цитовичем, отвечавшим любезным и замечательным письмом. Это совершенное подобие Чернышевских, Добролюбовых и т.д. Та же семинарская бесшабашность, тот же натиск, только с гораздо более солидным образованием и в противоположную сторону. Он сам говорит, что бурса в его лице представляет как бы искупление своих грехов. Личность и оригинальная и интересная. Не знаю, можно ли его любить, как невольно любишь елейную фигуру Страхова, но не замечать его нельзя» [14, с. 85–86].

Более резко высказался о брошюре Цитовича Ф.М. Достоевский, прочитав «Ответ на письма к ученым людям»: «Дело его правое, но такого дурака я еще и не видывал. Вот не посылай дурака защищать правое дело. Измарал! Теперь на эту тему и писать более нельзя» [34, с. 45].

Перечитав брошюру Цитовича, Фет мог заметить, что в ней отсутствует глубокий анализ, но в изобилии присутствуют хлесткие фразы, направленные лично против своего оппонента и ему подобных. Очень может быть, что он понял, что Цитович, далекий от понимания истоков хозяйственного разлада в русской пореформенной деревне, не сможет поддержать его и понять глубокое значение предлагаемых способов борьбы с пореформенными неурядицами. Таким образом, не найдя в очередной раз единомышленника, Фет отказался от печатания и даже, может быть, от завершения своей статьи «Общинное владенье», но не отказался от борьбы. Напротив, после убийства 1 марта 1881 г. Александра II и воцарения Александра III он с новой силой обратился к публицистике, выступая по самым разным проблемам – от способов разведения лошадей и борьбы с голодом и болезнями до постановки капитальных вопросов укрепления благосостояния русского государства.

Список литературы

1. Письма С.В. Энгельгардт к А.А. Фету. Ч. II (1874–1884) / публ. Н.П. Генераловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 70–120.
2. «...Я так давно привык к вашим дружеским письмам...» (34 письма С.В. Энгельгардт к А.А. Фету) / публ. Н.П. Генераловой // А.А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества / отв. ред. Г.Е. Голле. Курск: КГПУ, 1994. С. 174–234.
3. Переписка <А.А. Фета> с Н.Н. Страховым. 1877–1892 / вступ. ст., публ. и коммент. Н.П. Генераловой // Литературное наследство. 2011. Т. 103: в 2 кн. А.А. Фет и его литературное окружение. Кн. 2. С. 233–547.
4. Цитович П.П. Письмо к А.А. Фету // НИОР РГБ. Ф. 315. Карт. 12. № 40. 2 л.
5. Неизданная статья А.А. Фета о романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» / вступ. ст. Ю. Стеклова; публ. и коммент. Г. Волкова // Литературное наследство. 1936. Т. 25–26. С. 479–544.
6. Фет А.А. Сочинения и письма: в 20 т. / тексты и коммент. подгот.: Н.П. Генералова, А.Ю. Сорочан, М.В. Строганов, А.В. Успенская, Л.И. Черемисинова. Т. 3. СПб.: Фолио-Пресс, 2006. 518 с.
7. Цитович П. Что делали в романе «Что делать?». Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1879. 50 с.
8. Цитович П. Ответ на письма к ученым людям. 3-е изд., испр. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1878. 37 с.
9. Фет А. Общинное владенье / публ. Г.Д. Аслановой, В.И. Щербакова // XV Фетовские чтения: А.А. Фет и русская литература. Курск; Орел: КГПУ, 2000. С. 13–18.
10. Фет А.А. Наши корни. Публицистика / подгот. текстов и сост. Г.Д. Аслановой; коммент. Г.Д. Аслановой и В.И. Щербакова. СПб.: Росток; М.: Посев, 2013. 480 с.
11. Фет А. Заметки о вольнонаемном труде // Русский вестник. 1862. Т. 38, № 3. С. 358–379; Т. 39, № 5. С. 219–273.
12. Фет А. Из деревни // Русский вестник. 1863. Т. 43, № 1. С. 438–470; Т. 44, № 3. С. 299–350.
13. Лавров П.Л. И.С. Тургенев и развитие русского общества // И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.; Л.: Academia, 1930. С. 16–88.
14. Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями: в 2 т. Т. 2 / сост., примеч. С.А. Розановой. М.: Худож. лит., 1978. 479 с.
15. Фет А.А. Наша интеллигенция / публ. Г.Д. Аслановой и Н.Н. Трубниковой // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 129–170.
16. Шинков М.А. Взгляд Фета на пореформенную деревню (по черновым материалам к статье «Наша интеллигенция») // Тургеневский ежегодник 2011–2012 годы / сост. и ред. Л.В. Дмитрихина, Л.А. Балыкова. Орел: Александр Воробьев, 2013. С. 70–74.
17. Деревенский житель [Фет А.А.] // Русский вестник. 1882. Т. 157, № 2. С. 484–538.
18. Переписка Фета с Н.П. Семеновым (1884–1892) / публ. Н.П. Генераловой // А.А. Фет: Материалы и исследования. СПб.: Контраст, 2013. Вып. 2. С. 558–690.
19. Генералова Н.П. 25 лет спустя: Итоги Крестьянской реформы 1861 года в переписке А.А. Фета с Н.П. Семеновым // Афанасий Фет и русская литература: XIX Фетовские чтения. Курск: КГУ, 2005. С. 66–90.
20. Черемисинова Л.И. А.А. Фет и Д.А. Столыпин // Литературное краеведение Поволжья: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1997. Вып. 1. С. 59–67.
21. Черемисинова Л.И. А.А. Фет и Д.А. Столыпин: диалог о крестьянском землевладении (по материалам неопубликованных писем) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 62–66.
22. Фет А.А. Письмо к Цитовичу П.П. // НИОР РГБ. Ф. 315. Карт. 5. № 12. 4 л.
23. Письмо к А.Г. Достоевской от 7 ноября 1878 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т., Т. 30, кн. 1. Л.: Наука, 1988. 455 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 30, kn. 1* [Collected Writings in 30 vols., vol. 30, book 1]. Leningrad: Nauka, 1988. 455 p.
2. Fet, A.A. *Sochineniya i pis'ma v 20 t., t. 3* [Collected Writings and Letters in 20 vols., vol. 3]. Saint-Petersburg: Folio-Press, 2006. 518 p.
3. Fet, A.A. *Nashi korni. Publitsistika* [Our Roots: Selected Essays]. Saint-Petersburg: Rostok; Moscow: Posev, 2013. 480 p.
4. Tolstoy, L.N. *Perepiska s russkimi pisatelyami v 2 t., t. 2* [Correspondence with Russian Writers in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1978. 479 p.

Individual Works

5. Fet, A. Iz derevni [Letters from the Village], in *Russkiy vestnik*, 1863, vol. 43, no. 1, pp. 438–470; vol. 44, no. 3, pp. 299–350.
6. Fet, A.A. Nasha intelligentsiya [Our Intelligentsia], in *Voprosy filosofii*, 2000, no. 1, pp. 129–170.
7. Fet, A. Obshchinnoe vladen'e [Communal land ownership], in *XV Fetovskie chteniya: A.A. Fet i russkaya literatura* [Afanasij Fet and Russian Literature]. Kursk; Orel: KGPU, 2000, pp. 13–18.
8. Fet, A.A. Pis'mo k Tsitovichu P.P. [Letter to P.P. Tsitovich], in *NIOR RGB*, fond 315, cart. 5, no. 12, 4 ff.
9. Derevenskiy zhitel' [Fet, A.A.], in *Russkiy vestnik*, 1882, vol. 157, no. 2, pp. 484–538.
10. Fet, A. Zametki o vol'nonaemnom trude [Reflections on the hired labor], in *Russkiy vestnik*, 1862, vol. 38, no. 3, pp. 358–379; vol. 39, no. 5, pp. 219–273.
11. Lavrov, P.L. I.S. Turgenev i razvitie russkogo obshchestva [I.S. Turgenev in the Russian social context], in *I.S. Turgenev v vospominaniyakh revolyutsionerov-semidesyatnikov* [I.S. Turgenev as reflected in the memoirs of the Russian revolutionaries of the 1870s]. Moscow; Leningrad: Academia, 1930, pp. 16–88.
12. Tsitovich, P. *Chto delali v romane «Chto delat'?»* [“What is to be Done?”: An Inquiry into the Novel]. Odessa: Tipografiya G. Ul'rikha, 1879. 50 p.
13. Tsitovich, P. *Otvet na pis'ma k uchenym lyudyam* [Revisiting the letters addressed to the learned men]. Odessa: Tipografiya G. Ul'rikha, 1878. 37 p.
14. Tsitovich, P.P. Pis'mo k A.A. Fetu [Letter to A.A. Fet], in *NIOR RGB*, fond 315, cart. 12, no. 40, 2 ff.

(Articles from Scientific Journals)

15. Cheremisinova, L.I. A.A. Fet i D.A. Stolypin: dialog o krest'yanskom zemlevladdenii (po materialam neopublikovannykh pisem) [A.A. Fet and D.A. Stolypin: Reflections on the Land Ownership (An Archival Study)], in *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2023, vol. 23, issue 1, pp. 62–66.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

16. Cheremisinova, L.I. A.A. Fet i D.A. Stolypin [A.A. Fet and D.A. Stolypin], in *Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov «Literaturnoe kraevedenie Povolzh'ya»* [Interuniversity Proceedings “The Volga Region’s Literary Life”]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo pedagogicheskogo instituta, 1997, issue 1, pp. 59–67.
17. Generalova, N.P. 25 let spustya: Itogi Krest'yanskoy reformy 1861 goda v perepiske A.A. Feta s N.P. Semenovym [Emancipation reform of 1861 as reflected in the correspondence

of A.A. Fet and N.P. Semenov], in *Afanasij Fet i russkaya literatura: XIX Fetovskie chteniya* [Afanasij Fet and Russian Literature]. Kursk: KGU, 2005, pp. 66–90.

18. Generalova, N.P. Perepiska Feta s N.P. Semenovym (1884–1892) [The Correspondence of Fet and N.P. Semenov (1884–1892)], in *A.A. Fet: Materialy i issledovaniya* [Afanasij Fet: Archives & Research Papers]. Saint-Petersburg: Kontrast, 2013, vol. 2, pp. 558–690.

19. Generalova, N.P. Perepiska <A.A. Feta> s N.N. Strakhovym (1877–1892) [The correspondence of A.A. Fet and N.N. Strakhov (1877–1892)], in *Literaturnoe nasledstvo*, 2011, vol. 103, book 2, pp. 233–547.

20. Generalova, N.P. Pis'ma S.V. Engel'gardt k A.A. Fetu. Ch. II (1874–1884) [The Correspondence of Sofia Engelgardt and A. Fet. Part II (1874–1884)], in *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1995 god* [The Yearbook of the Manuscript Department of Pushkinskij Dom for 1995]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1999, pp. 70–120.

21. Generalova, N.P. «...Ya tak davno privyk k vashim družeskim pis'mam...» (34 pis'ma S.V. Engel'gardt k A.A. Fetu) [“...I have long since become habituated to your intimate letters...” (The correspondence of S.V. Engelgardt and A.A. Fet in 34 letters)], in *A.A. Fet: Problemy izucheniya zhizni i tvorchestva* [Afanasij Fet: A Study on his Life and Writings]. Kursk: KGPU, 1994, pp. 174–234.

22. Shinkov, M.A. Vzgl'yad Feta na poreformennuyu derevnyu (po chernovym materialam k stat'e «Nasha intelligentsiya») [Afanasij Fet and his reflections on the Russian post-reform agrarian economy], in *Turgenevskiy ezhegodnik 2011–2012 gody* [The Turgenev Yearbook 2011–2012]. Orel: Aleksandr Vorob'ev, 2013, pp. 70–74.

23. Steklov, Yu., Volkov, G. Neizdannaya stat'ya A.A. Feta o romane N.G. Chernyshevskogo «Chto delat'?» [An Unpublished Essay by Afanasij Fet on Nikolay Chernyshevsky's Novel “What is to be Done?”], in *Literaturnoe nasledstvo*, 1936, vol. 25–26, pp. 479–544.

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Валентина Александровна Лукина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: valentina_step18@mail.ru, ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-9085-1065>

Гоголь и Фет: из истории «желтой тетради» и литературного юбилея поэта 1889 г.

Аннотация. Статья посвящена 50-летию юбилею литературной деятельности А.А. Фета, который отмечался широкой общественностью в январе 1889 г. Детально рассматриваются обстоятельства, побудившие Фета выбрать в качестве исторического основания юбилея не свой печатный дебют, ознаменовавшийся выходом сборника «Лирический Пантеон» в 1840 г., а другое символическое событие: знакомство Н.В. Гоголя с так называемой «желтой тетрадью» его юношеских стихов и полученное от писателя «благословение». Особо выделяются: интенсивная работа над воспоминаниями, которая велась поэтом с лета 1887 г.; перечитывание им весной 1888 г. произведений Гоголя, прежде всего «Выбранных мест из переписки с друзьями»; аналогичные юбилеи Я. Полонского (1887 г.) и А. Майкова (1888 г.), основания которых, вопреки традиционным представлениям, имеют много общего с фетовскими. На примере эпизода с «желтой тетрадью», с опорой на новонайденные печатные и рукописные источники (в частности, неопубликованную переписку Г.П. Данилевского с Фетом и с А.С. Сувориным) вновь поднимается вопрос о генезисе последней мемуарной книги поэта «Ранние годы моей жизни» (1893 г.) и хронологии работы над ней. Высказывается предположение о том, что некоторые главы книги, посвященные началу поэтической деятельности Фета, были задуманы или черне написаны еще в предъюбилейные дни.

Ключевые слова: литературный юбилей как общественно-культурное явление, мемуарная проза А. Фета, творческая история книги воспоминаний «Ранние годы моей жизни», биография Фета

Valentina Aleksandrovna Lukina

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences, PhD in Russian Literature, Senior Researcher, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: valentina_step18@mail.ru

Gogol and Fet: “Yellow Notebook” and the Anniversary of the Poet’s Literary Career (1889)

Abstract. This paper examines the 50th anniversary of Afanasy Fet’s literary career (1889). The study reconstructs the context of Fet’s decision to date his anniversary from his acquaintance with Gogol, rather than from the publication of his first collection, “Lyrical Pantheon” (1840). The analysis considers several key circumstances: Fet’s intensive work on his memoirs; his engagement with Gogol’s “Selected Passages from Correspondence with Friends”; and a comparison with the anniversaries of his contemporaries, Yakov Polonsky and Apollon Maykov. The newly found correspondence of Grigoriy Danilevsky and Alexey Suvorin makes it possible to put the “yellow notebook” story into wider perspective. Other materials used in the study help to clarify the chronology of Fet’s memoirs

"Early Years of my Life" (1893). Furthermore, the paper argues that several chapters of this memoir were conceived or written long before the anniversary.

Key words: anniversary of literary career as a historical phenomenon, Afanasiy Fet's memoirs, origin of A. Fet's "Early Years of my Life", biography of A. Fet, Gogol and Fet

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.4.092-107

В 1889 г., на протяжении двух дней 28 и 29 января, в Москве торжественно отмечалось 50-летие литературной деятельности А.А. Фета. Как известно, в печати поэт дебютировал поздней осенью 1840 г., когда увидел свет его небольшой стихотворный сборник «Лирический Пантеон», вышедший в Москве за подписью «А.Ф.». Однако не это значимое для поэта событие и, соответственно, не 1840 г. осмыслялись Фетом как отправная точка творческого пути. Рождение своей Музы поэт символически относил к декабрю 1838 или январю 1839 г., неразрывно связывая его с именем Н.В. Гоголя.

Вопрос о том, что считать началом своего служения искусству, встал перед Фетом почти за год до юбилея. Не исключено, что задуматься об этом поэта невольно побудила интенсивная работа над «Моими воспоминаниями», в которую он был погружен с лета 1887 г., стараясь, по собственному признанию, «оглянуться, по возможности беспристрастно, на далекий и трудный путь» своей «долголетней жизни»¹. Хотя основное повествование в книге начинается с более позднего периода – начала 1850-х гг., ознаменовавшегося сближением с И.С. Тургеневым и петербургскими литераторами, тем не менее в ходе работы над мемуарами Фет неизбежно возвращался к размышлениям о собственном детстве и юности. К тем же мыслям его подталкивали друзья и знакомые, прежде всего Л.Н. Толстой, мнением которого поэт чрезвычайно дорожил. Так, в письме к Фету от 16 сентября 1887 г. Н.Н. Страхов вопрошал: «Писал я Вам о совете Льва Николаевича? Он думает, что в Ваших "Воспоминаниях" всего любопытнее могут быть воспоминания о Вашем детстве и о том быте, среди которого Вы росли. Вы знаете, что он вообще не ласково смотрит на литературу и литераторов. "Да это уже так избито!", – говорил он. Живые сферы он предпочитает отвлеченным людям, каковы Тургенев и всякие писатели» [2, с. 442]. Данное обстоятельство в немалой степени затрудняет точную датировку возникновения замысла, а также начала работы над «Ранними годами моей жизни», поскольку нельзя исключать, что отдельные эпизоды, вошедшие впоследствии в состав книги, могли быть вчерне набросаны еще в пору работы над «Моими воспоминаниями». О «расплывчатых» временных границах между двумя мемуарными книгами Фета убедительно пишет Л.И. Черемиси-

¹ См.: Фет А. Из моих воспоминаний // Русский вестник. 1888. № 8. С. 3 [1].

нова, особо отмечая, что в строгом смысле слова «Мои воспоминания» начинаются «отнюдь не описанием случившегося с автором в 1853 г., а с рассказа об отдельных событиях 40-х гг.»².

Немаловажно также, что летом 1887 г., практически одновременно с работой над воспоминаниями, шла подготовка очередного (третьего) выпуска «Вечерних огней» (1888 г.), который, несомненно, осмыслялся Фетом как итоговый. Недаром именно этот сборник поэт впервые снабдил развернутым предисловием, где открыто заявил о неизменности своих эстетических принципов на протяжении всех «пятидесяти лет»³. Характерно, что некоторые исследователи склонны считать третий сборник «Вечерних огней» «юбилейным», имея в виду, что он «знаменовал приближающийся (и через год отпразднованный) полувековой “юбилей поэзии Фета”»⁴. Однако это все же не совсем так. Ни летом, ни осенью 1887 г., когда было завершено предисловие к «Вечерним огням» и книга поступила в цензуру, ни о каком «официальном» юбилее Фет еще не помышлял. Как и годом ранее, когда 27 декабря 1886 г. он писал великому князю Константину Константиновичу: «...муза моя, во все время *пятидесятилетней* деятельности, никогда не оставалась без сторонних, добрых, но нередко беспощадно придирчивых пестунов ...» (Курсив наш. – В.Л.) [6, с. 595]. Во всех приведенных случаях речь шла, скорее, о внутреннем ощущении своего литературного 50-летия, вне зависимости от привязки к какому-то конкретному знаковому событию.

Не последнюю роль в размышлениях Фета об основаниях собственного юбилея, очевидно, сыграли аналогичные торжества Я.П. Полонского и А.Н. Майкова, один за другим прогремевшие в апреле 1887 и 1888 гг. соответственно. Неслучайно накануне майковского 50-летия, с размахом отмечавшегося в Петербурге, даже Полонский, давний знакомый и товарищ Фета по Московскому университету, в письме к другу от 3 марта 1888 г. не смог сдержать искреннего недоумения: «Не понимаю, как это могло случиться, что ты позднее его (Майкова. – В.Л.) вступил на поэтическое поприще. – Помню, что, когда я впервые читал стихи твои, – о Майкове не было еще ни слуху, ни духу. – Кажется, что я и ты стали печататься в одно и то же время – но юбилей мой (прошлогодний) подогнали к тому времени, когда я, еще бывши рязанским гимназистом, написал стихи по случаю приезда В<еликого> К<нязя> Наследника Алекс<андра> Николаевича, которые без моего ведома и были напечатаны в одном из журналов, издаваемых для военно-учебных заведений» [7, с. 632].

Не один Полонский интуитивно ощущал, что юбилей Фета давно назрел. Известие о готовящихся торжествах в честь творческого 50-летия Майкова по-

² См.: Черемисинова Л.И. Проза А.А. Фета. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. С. 342–343 [3].

³ См.: Фет А.А. Предисловие [к третьему выпуску «Вечерних огней»] // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. Т. 5, кн. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 193 [4].

⁴ См.: Кошелев В.А., Петрова Г.В. О поэтических сборниках Фета «Вечерние огни» // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. Т. 5, кн. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 276 [5].

будило задаться тем же вопросом Н.Н. Страхова. Еще 20 февраля 1888 г. он спрашивал у Фета: «А Ваш (имеется в виду юбилей. – В.Л.) когда? Ведь уже, верно, скоро? Не сообщите ли Вы мне каких соображений по этому предмету?» [2, с. 452]. Показательно в данном отношении также признание старинной приятельницы Фета С.В. Энгельгардт, высказанное в письме от 2 августа того же года: «Давно и не раз я думала о Вашем юбилее и была бы очень рада, если б мне пришлось в нем как-нибудь участвовать. Кому, коли не Вам, русские женщины обязаны поднести венок ...» [8, с. 225].

Изначально сама мысль о юбилее показалась Фету едва ли уместной, о чем он искренне заявил в письме к Полонскому от 10 марта 1888 г.: «Что же касается до моего юбилея, то я об нем и не помышляю. Это с грехом пополам возможно в Питере, но в Москве чересчур карикатурно. Здесь приличнее справлять юбилей банщика или дворника, чем поэта» [7, с. 634]. Тем не менее через пару месяцев настойчивость Полонского, вновь и вновь возвращавшегося к теме фетовского юбилея, возымела свое действие и заставила поэта дать прямой ответ на вопрос друга, прозвучавший в письме от 7 мая 1888 г.: «Вот никак не могу сообщить, когда именно – пролетит над тобой пятидесятый лебедь!» [7, с. 644].

По-видимому, как раз на излете весны 1888 г. Фет окончательно определился, от какого именно события следует отсчитывать начало его восхождения на Парнас. Самое раннее высказывание по этому поводу содержится в известном письме к Полонскому от 23 мая 1888 г.: «Что касается моего юбилея, то, как я писал на днях Н.Н. Страхову, основание к пятидесятилетнему поминанию моей музыки с полным правом наступит в декабре этого года или в январе 1889 г., когда желтая тетрадь моих стихов, одобренных Гоголем, стала ходить по рукам университетских товарищей, и несколько стихотворений из нее перешли в "Лирический пантеон", напечатанный в сороковом году» [7, с. 647]. Из приведенных слов поэта следует, что первым, кому он несколькими днями ранее сообщил об истории с Гоголем и «желтой тетрадью», стал Страхов. Однако текст этого письма, к сожалению, не сохранился или неизвестен. Несомненно одно: именно «благословение» Гоголя рассматривалось Фетом как символическое начало своего становления как поэта, а значит, и как «историческое» основание литературного юбилея.

Очевидно, идею фетовского юбилея Полонский с еще большим энтузиазмом поддержал во время их личного свидания, состоявшегося в Воробьевке 3–5 июня 1888 г. Полонский возглавлял майковский юбилейный комитет, и Фет мог узнать от своего приятеля все подробности только что прошедшего торжества, включая и те, которые не попали на страницы периодической печати. В таком контексте вполне допустимо предположение современных исследователей, согласно которому Фет «изменил свой взгляд» на необходимость проведе-

ния юбилея «под влиянием впечатления от торжеств, связанных с юбилеем литературной деятельности А.Н. Майкова»⁵, хотя эта точка зрения представляется все же несколько упрощенной.

Как воспринимать фетовский юбилей? Интерпретационный камертон в свое время задал один из первых биографов Фета Г.П. Блок в книге «Рождение поэта» (1924 г.): «После того, как сверстники Полонский и Майков торжественно справили пятидесятилетние юбилеи, Фет стал подумывать о своем. Ему об этом напоминали. Он был “по-прежнему смиренный, забытый, брошенный в тени”. Годы были большие, здоровье непрочное. Соблазняла возможность при помощи юбилея осуществить беспокойные камергерские мечты. При таких условиях желание придвинуть это празднество было вполне естественно. Те, кто привыкли содержать Фета в разряде людей “нехороших”, осудят его, должно быть, за это» [10, с. 101]. Более прямолинейно данная точка зрения выражена М.С. Макеевым в новейшей биографии «Афанасий Фет» (2020 г.): «Можно предположить, что желание Фета отпраздновать полувековой юбилей творческой деятельности было вызвано некоторой завистью или соперничеством: в 1887 и 1888 годах юбилеи отметили его соратники Полонский и Майков. Дата вступления Фета на литературную стезю была выбрана искусственно» [11, с. 394]. Встречаются и совсем уж вульгарные толкования: «Помещик Шеншин вдруг решил отпраздновать юбилей поэта Фета. Ожидать пятидесятилетия со дня выхода первой книги не хотелось, дату же пробуждения музыки можно было определить произвольно, по собственному усмотрению»⁶.

Между тем очевидно, что не менее «искусственно» и «произвольно» были выбраны основания для юбилеев обоих «соратников», с которыми обычно сопоставляют поэта, – Полонского и Майкова, однако это составляет тему отдельного исследования. Заметим лишь, что до сих пор никому не приходило в голову обвинять Полонского в подтасовке даты юбилея, равно как в стяжательстве и корыстолюбии за назначение ему императором пенсии в 2500 рублей в год. Столь же абсурдными показались бы аналогичные обвинения по адресу Майкова, также удостоившегося к юбилею монаршей милости в виде удвоения пенсии и чина тайного советника.

Итак, в мае 1888 г. Фет окончательно определился со временем и обстоятельствами своего «вступления на Парнас». Вскоре последовал приезд в Воробьевку Полонского, и именно после этой долгожданной встречи мысль о юбилее и о связанной с ним надежде на получение камергерства начинает все более отчетливо звучать в письмах поэта к различным корреспондентам. Так, 23 июня 1888 г. Фет пишет о своих чаяниях великому князю Константину Константиновичу⁷, 7 июля – графу

⁵ См., например: Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова (1870–1896): в 2 т. Т. 2, кн. 1 / изд. подгот.: Л.В. Гладкова, Т.Г. Никифорова, В.А. Фатеев, В.Ю. Шведов. СПб.: Пушкинский Дом, 2023. С. 574, примеч. 1 [9].

⁶ См.: Сухих И.Н. Шеншин и Фет: жизнь и стихи. СПб.: СПбГУ, 2009. С. 25 [12].

⁷ См.: Переписка с великим князем Константином Константиновичем (К.Р.) 1886–1892. С. 694–696.

А.В. Олсуфьеву⁸, 25 июля – С.В. Энгельгардт⁹. Предполагаемая дата юбилея – декабрь 1888 или январь 1889 г. – при этом остается неизменной.

Лишь однажды, по-видимому в переписке с Н.Н. Страховым, поднимался вопрос о возможном выборе иного символического события в качестве наиболее приемлемого обоснования юбилея. Речь шла о написанных Фетом приветственных стихах ко дню приезда в Москву Марии Александровны, высоконазначенной невесты наследника престола Александра Николаевича, будущего императора Александра II. Этот эпизод зафиксирован в «Ранних годах моей жизни» и был памятен Фету еще и тем, что после долгой разлуки юный поэт неожиданно увиделся со своим дядей со стороны матери, Эрнстом Беккером, состоявшим адъютантом при родном брате великой княжны Александре Гессенском. По этому поводу Фет вспоминал: «Между прочим, вероятно из любезности ко мне и к моему дяде, Аполлон (Григорьев. – В.Л.) характеризовал меня как поэта. "Вот бы, – сказал дядя, обращаясь ко мне, – тебе следовало высказать свое дарование в приветственном стихотворении, которое я нашел бы возможным представить при посредстве принца августейшей невесте". / Через день затем стихотворение было написано, тщательно переписано, и я ко времени завтрака отправился в Кремль в помещение дяди, который через час представил меня принцу, благожелательно принявшему мое стихотворение» [14, с. 197]. К сожалению, текст стихотворения Фета по случаю приезда в Москву Марии Александровны до сих пор остается неизвестным. Очевидно одно: как раз об этом эпизоде идет речь в письме Страхова поэту от 15 июля 1888 г., из которого следует, что память подвела Фета и Мария Александровна прибыла в Москву уже не в статусе невесты, а в статусе супруги Александра Николаевича: «Теперь о делах. По справке оказалось, что "Марья Александровна уже Великой Княжной и Цесаревной посетила Москву впервые в 1841 году и приехала туда с мужем 26 мая". По всем приметам мы будем праздновать Ваш юбилей в 1890 году (Намек на год выхода «Лирического Пантеона». – В.Л.)» [2, с. 461]. Бросается в глаза сходство со стихотворением Полонского, написанным к приезду наследника в Рязань, – также, вероятно, отголосок встречи двух поэтов в Воробьевке.

Знаменательно также, что именно в мае 1888 г., когда впервые были сформулированы основания для юбилея, Фет перечитывал Гоголя. Вернее, в силу слабости зрения, ему по вечерам перечитывали произведения автора «Мертвых душ»¹⁰. Письма к целому ряду корреспондентов за весну и лето этого года пестрят высказываниями о Гоголе, порой весьма острыми и полемичными, по которым можно заключить, что среди заново прочитанных произведений были не только «Мертвые души», но и «Тарас Бульба», «Выбранные места из переписки с друзьями», а также «Старосветские помещики». Вполне обоснованным

⁸ См.: Фет А. Стихотворения. Проза. Письма. М.: Сов. Россия, 1988. С. 405–406 [13].

⁹ Там же. С. 394.

¹⁰ См.: Генералова Н.П., Сорочан А.Ю., Строганов М.В., Успенская А.В., Черемисинова Л.И. Комментарии // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. Т. 3. СПб.: Фолио-Пресс, 2006. С. 403 [15].

представляется предположение, согласно которому непосредственно с перечитыванием последней повести связывается, например, появление сюжета автобиографического рассказа Фета «Вне моды»¹¹, опубликованного в скором времени в первом номере «Нивы» за 1889 г. Современные комментаторы этого рассказа справедливо замечают: «Важно отметить, что Фет испытывал потребность в обращении к творчеству Гоголя в это время, в перечитывании и новом осмыслении его»¹².

На еще один существенный аспект в связи с перечитыванием Гоголя в «предъюбилейный» период впервые обратила внимание Л. Пильд. Затрагивая вопрос соотносительности даты юбилея с хлопотами Фета о присвоении ему звания камергера, исследовательница предложила несколько иную, впрочем, также далеко не бесспорную трактовку позиции поэта, в которой многие склонны видеть лишь «болезненную экзальтированность», «непомерное тщеславие» и «гипертрофированное желание быть облаканными “высочайшими милостями”»¹³. Особого интереса заслуживает, в частности, наблюдение о прямой связи эпистолярных высказываний Фета на эту тему с чтением им в 1888 г. «Выбранных мест из переписки с друзьями», и прежде всего главы X «О лиризме наших поэтов».

Речь идет о следующем пассаже из письма Фета к великому князю Константину Константиновичу от 23 июня 1888 г.: «Только в стихийном чувстве всенародной преданности державной власти я нахожу разгадку той непосредственной связи, которую я чувствую между Вами и между прежними русскими поэтами, о которых говорит Гоголь в своей “Переписке с друзьями”. Вот, быть может, причина, почему я чувствую у Вас настоящую поэтическую жилку» [6, с. 695]. Стоит отметить, что Фет говорит здесь все же не о своем «желании преодолеть “изолированность” от литературной жизни», как утверждает Л. Пильд, но о самом К.Р., а также о тех четырех стихотворениях, которые великий князь ранее прислал на суд поэту и которые были непосредственно вдохновлены чтением фетовских стихов¹⁴. При этом два присланных стихотворения были посвящены членам императорской семьи; одно из них – «На балконе цветущей весною...», обращенное к императрице Марии Федоровне, – Фет оценил особо высоко.

Как справедливо отмечено М.И. Трепалиной¹⁵, в процитированном выше фрагменте Фет отсылает к той части главы X «Выбранных мест...», где автор рассуждает о двух источниках «высокого лиризма» русских поэтов: «...два предмета

¹¹ См.: Генералова Н.П., Сорочан А.Ю., Строганов М.В., Успенская А.В., Черемисинова Л.И. Комментарии // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. Т. 3. С. 404.

¹² Там же. С. 403–404.

¹³ См.: Пильд Л. Table-talk Полонского и юбилей Фета [Электронное издание] // Статьи на случай: сборник к 50-летию Р.Г. Лейбова. Тарту: ОГИ, 2013. С. 3–4. Режим доступа: https://www.ruthenia.ru/leibov_50/Pild.pdf (дата обращения 1.09.2025) [16].

¹⁴ См.: Переписка с великим князем Константином Константиновичем (К.Р.) 1886–1892. С. 689.

¹⁵ Там же. С. 697, примеч. 12.

вызывали у наших поэтов этот лиризм, близкий к библейскому» [17, с. 250]. Первым источником Гоголь считал саму Россию; вторым – «любовь к царю», при этом особо подчеркивал, что именно «поэты наши прозревали значение высшее монарха, слыша, что он неминуемо должен, наконец, сделаться весь одна *любовь*, и таким образом станет видно всем, почему государь есть образ божий, как это признает, покуда чутьем, вся земля наша»¹⁶. Настаивая, что почти все крупные русские поэты, «со времен Ломоносова и Державина» и до Пушкина включительно, посвящали царям гимны и оды, придавшие нашей поэзии уникальное «величественно-царственное» звучание, писатель далее заключает: «Только тот, кто наделен мелочным остроумием, способным на одни мгновенные, легкие соображения, увидит здесь лесть и желание получить что-нибудь ...» [17, с. 251]. Несомненно, эта мысль Гоголя также не могла не найти у Фета горячего сочувствия, так как была созвучна его собственным размышлениям о державной власти и миссии поэта. Отметим попутно, что внимание Фета именно к десятой главе «Выбранных мест...» явно не носило случайный характер, о чем убедительно свидетельствует, например, его письмо к К.Р. от 30 декабря 1887 г.¹⁷ Все это заставляет нас задаться другим, не менее важным вопросом: не могло ли столь интенсивное перечитывание текстов Гоголя весной 1888 г. само по себе невольно всколыхнуть в памяти университетские воспоминания о давнем эпизоде с «желтой тетрадью»?

Наиболее широко данный эпизод известен по рассказу Фета в «Ранних годах моей жизни» (1893 г.), вышедших уже после смерти поэта, хотя начальные главы книги, включая интересующий нас фрагмент, были напечатаны в журнале «Русская школа» еще в 1891 г. (№ 3, с. 47–48). Важно подчеркнуть, что обе публикации – как журнальная, так и отдельная – не содержат каких-либо существенных разночтений и увидели свет *после* юбилейных дней 1889 г. Напомним, что в главе XVI книги Фет рассказывает о том, как, уже будучи студентом Московского университета, он под воздействием И.И. Введенского впервые осознал в себе поэтическое призвание, написав сатиру на соперника Введенского, за которую удостоился от приятеля неожиданной для себя похвалы: «Вы несомненный поэт, и вам надо писать». С этого момента Фет, по собственным словам, был буквально охвачен «страстью к стихотворству»: «И вот жребий был брошен» [14, с. 136]. Для записи своих новых произведений он даже завел особую «желтую тетрадь», которая все более и более увеличивалась в объеме. Дальнейшие события описаны в «Ранних годах...» следующим образом: «...однажды я решился отправиться к Погодину за приговором моему эстетическому стремлению.

– Я вашу тетрадку, почтеннейший, передам Гоголю, – сказал Погодин, – он в этом случае лучший судья.

¹⁶ См.: Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. С. 251, 255 [17].

¹⁷ См.: Переписка с великим князем Константином Константиновичем (К.Р.) 1886–1892. С. 658.

Через неделю я получил от Погодина тетрадку обратно со словами: “Гоголь сказал, это несомненное дарование”» [14, с. 141].

Нельзя не заметить, что в эпизоде с Гоголем мемуарист нигде не указывает точного времени, когда происходило то или иное событие. Это отражало сознательную авторскую установку, сформулированную Фетом еще в самом начале «Моих воспоминаний» (1890 г.): «Находясь, можно сказать, в природной вражде с хронологией, я буду выставлять годы событий только для соблюдения известной последовательности, нимало не отвечая за точность указаний, в которых руководствуюсь более соображением, чем памятью» [18, с. 1]. Сопоставив рассказ из «Ранних годов...» со сведениями из упоминавшегося выше письма поэта Лонскому от 23 мая 1888 г., еще Г.П. Блок обратил внимание на то, что история с «желтой тетрадью» не могла произойти в декабре 1838 или январе 1839 г., так как в указанный период Гоголя в России не было: с весны 1837 г. писатель находился за границей и лишь 26 сентября 1839 г. вместе с Погодиным вернулся в Москву. Блок был также первым, кто предложил три временных промежутка, когда стихи Фета могли быть показаны Гоголю¹⁸. Впоследствии они лишь незначительно были скорректированы гоголеведами¹⁹: между 26 сентября и 26 октября 1839 г. (т.е. до отъезда Гоголя в Петербург); между 21 декабря 1839 г. и 11 января 1840 г. (т.е. до отъезда Погодина в Петербург); и наконец, между 19–20 февраля и 18 мая 1840 г., когда Гоголь вновь уехал за границу. Сам Блок наиболее правдоподобным считал второе предположение, руководствуясь тем, что «год забывается легко – время года, особенно такое характерное (Рождество, Новый год), запоминается лучше, и тут Фет едва ли впал в ошибку. Даты он перемешивал неизменно, но обстановку событий хранил в памяти твердо»²⁰. Точка зрения Блока утвердилась среди фетоведов как основная. Не затрагивая вопрос о датировке эпизода с Гоголем и «желтой тетрадью», отметим главное: в достоверности рассказа Фета сомневаться не приходится.

До сих пор считалось, что эпизод с «желтой тетрадью» впервые появился в печати именно в составе второй мемуарной книги Фета. Так, например, указанный эпизод отсутствует в биографическом очерке о Фете, который помещен во всех трех изданиях хрестоматии Н.В. Гербеля «Русские поэты в биографиях и образцах», вышедших к 1889 г.²¹

Между тем 21 января 1889 г., в преддверии юбилея, на страницах петербургского «Нового времени» вышел анонимный биографический очерк о поэте, в котором фигурирует не только эпизод с Гоголем, но и другие подробности, до

¹⁸ См.: Блок Г. Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. С. 100.

¹⁹ См.: Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя: в 7 т. Т. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 434 [19].

²⁰ См.: Блок Г. Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. С. 100.

²¹ См., например: Русские поэты в биографиях и образцах / сост. Н.В. Гербель. СПб., 1873. С. 507–509 [20].

того времени в печати неизвестные: «...в 1838 году, поступив из приготовительного заведения М.П. Погодина в университет, Аф. Аф. Фет, – по приглашению одного из товарищей, известного впоследствии переводчика с английского И.И. Введенского, – написал стихотворную сатиру на соперника Введенского. Последний, прочитав сатиру, с обычной своей безапелляционной резкостью, сказал 18-тилетнему юноше, что он поэт и ему следует писать. Это слово было искрою, упавшей на горячий материал. Плодами первых вспышек оказались стихотворения, собранные в так называвшуюся “желтую тетрадь”, ходившую по рукам словесников первого курса, среди которых она заслужила в некоторой степени одобрение. Тем не менее, не доверяя такому суду, Афанасий Афанасьевич представил тетрадь своему бывшему наставнику М.П. Погодину, который обещал передать ее проживавшему у него Гоголю и затем сообщить суждение последнего. Можно себе представить восторг юного стихотворца, когда Гоголь возвратил, в январе 1839 года, тетрадь со словами: “это несомненное дарование”» [21, с. 3].

Нетрудно заметить, что приведенный фрагмент из «Нового времени» полностью перекликается с содержанием главы XVI «Ранних годов моей жизни». Полностью совпадает и ставший хрестоматийным гоголевский вердикт, вынесенный по прочтении фетовской «желтой тетради»: «это несомненное дарование».

Газетный очерк содержит в себе еще один эпизод из детства поэта, который также зафиксирован только в книге воспоминаний: «Еще шести- или семилетним мальчиком Афанасий Афанасьевич, по ночам, бегал в смежную с детской спальню матери и, не зная сам грамоте, просил ее записывать стихотворные свои переводы немецких детских басен». Именно в «Ранних годах...», в главе II, Фет практически слово в слово повторяет этот рассказ, а также приводит пример одной из первых переведенных им басен, коей оказалась *Die Biene und die Taube* И.Б. Михаэлиса²².

Не менее примечательно, что с рассказа о «желтой тетради» и Гоголе начинаются также и другие юбилейные очерки, помещенные в московских газетах в 1889 г.²³ Все эти публикации, правда, вышли неделей позднее, в первый юбилейный день 28 января, и, по-видимому, напрямую восходят к очерку «Нового времени» или же имеют общий с ним источник. Возникает закономерный вопрос: откуда анонимному автору «Нового времени» стали известны подробности о детстве и юности Фета? Не подлежит сомнению, что они могли быть получены только от самого поэта. Можно предположить, что эти сведения были доставлены в газету Н.Н. Страховым, который был в курсе не только истории с Гоголем

²² См.: Лукина В.А. О первом переводе Фета // Материалы Междунар. науч. конф. «Стихи имеют свои права...». СПб.: Росток, 2020. С. 75–79 [22].

²³ См.: [Б. п.] А.А. Фет (по поводу пятидесятилетия его литературной деятельности) // Новости дня. 1889, 28 янв. № 1999. С. 2 [23]; З. А.А. Фет. 1839–1889 // Московские ведомости. 1889, 28 янв. № 28. С. 3 [24] (в сильно сокращенном виде).

и «желтой тетрадь» (достаточно вспомнить об утраченном письме Фета, отправленном в 20-х числах мая 1888 г.), но также внимательно следил за продвижением работы поэта над воспоминаниями. Он же устраивал и публикацию «Моих воспоминаний» в «Русском вестнике». Доподлинно известно, что Страхов печатался в «Новом времени». Неделей спустя, 28 января 1889 г., в газете появилась его статья под заглавием «Юбилей поэзии Фета»²⁴, написанная по инициативе графини С.А. Толстой²⁵. Статья вышла за подписью «Н. Страхов» и не содержала никаких биографических подробностей, однако это не противоречит высказанному нами предположению, так как все необходимые сведения уже были ранее сообщены читателям «Нового времени» в анонимном очерке.

Существовал и еще один канал, через который уникальные биографические сведения могли попасть на страницы «Нового времени». На это косвенно указывают обстоятельства, связанные с публикацией в газете заметки о несчастном случае, который 1 января 1889 г. произошел с супругой Фета, Марьей Петровной. Уже 9 января «Новое время» известило своих читателей: «А.А. Фет (Шеншин), как нам сообщают из Москвы, сильно простудился и не мог в первый день нового года выехать на семейный обед (к Д.П. Боткину. – В.Л.), с которого его жена вечером того же дня возвратилась с левою рукою, переломленною наехавшим на ее сани извозчиком. К 28-му января, к пятидесятилетию юбилею лирической музыки А.А. Фета, его ждали в Петербург; теперь вряд ли он приедет сюда. В последнее время он трудился над подстрочным переводом остроумнейшего из римских писателей – Марциала. Ему теперь 69-й год (родился 23-го ноября 1820 г.)»²⁶.

Обстоятельства появления данной заметки на страницах суворинской газеты раскрывает письмо Г.П. Данилевского Фету от 10 января 1889 г., из которого следует, что именно редактор «Правительственного вестника» стал инициатором ее появления в «Новом времени»: «Я сообщил известия из Вашего письма Суворину, и он вчера довел их до сведения миллионов Ваших почитателей, через “Новое время”. Россия так мало знает (сравнительно с чужими краями, живущими душою в душу с своими поэтами) о родных бардах, что всякая весть о них должна быть дорога читателям» (РГБ. Ф. 315. К. 7. № 48. Л. 7–7 об.). Сохранилась и соответствующая немногословная записка Данилевского от 8 января 1889 г., адресованная А.С. Суворину: «Посылаю Вам, Алексей Сергеевич, выдержку из письма Фета ко мне, только что мною полученного» (РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. № 1154. Л. 232). Очевидно, именно эта выдержка (текст ее утрачен) легла в основу заметки о Фете, которую издатель «Нового времени» немедленно пустил в печать.

Из обширной переписки Суворина и Данилевского становится известно, что подобная практика была в ходу и что Данилевский нередко предоставлял «Новому времени» материалы, которые по разным причинам не

²⁴ См.: Страхов Н. Юбилей поэзии Фета // Новое время. 1889, 28 янв. № 4640. С. 2 [25].

²⁵ См.: Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова (1870–1896): в 2 т. Т. 2. С. 573–574.

²⁶ Новое время. 1889. 9 янв. № 4621. С. 3.

могли быть напечатаны в официальном «Правительственном вестнике». Особую важность в этом отношении приобретает следующий фрагмент из уже упоминавшегося письма Данилевского Фету от 10 января 1889 г.: «...в ожидании Вашего юбилея, прошу Вас прислать мне заранее краткие указания, где именно напечатаны более полные сведения о Вашей биографии, и, если найдете возможным, дополните их в письме указанием на последние, изданные, Ваши труды, в том числе на издания Ваших переводов. Я напечатаю перед юбилеем Вашим статью о Вашей жизни и о Вашей поэзии в "Правит^{ельствен}ном вестнике" – весьма скупом вообще на подобные обозрения. Но Вы – тот же генерал-адъютант, адмирал и действительный тайный советник в родной поэзии у Государя, как и другие его слуги – в армии, флоте и на гражданской службе» (РГБ. Ф. 315. К. 7. № 48. Л. 7 об.).

Ответное письмо Фета неизвестно. Тем не менее не приходится сомневаться, что оно было в скором времени отправлено и содержало, среди прочего, биографическую заметку, выписанную, по распоряжению поэта, из хрестоматии Гербеля личным секретарем поэта Е.В. Федоровой. Именно эта заметка, по-видимому, легла в основу пространной юбилейной статьи Данилевского о Фете, вышедшей в «Правительственном вестнике» 26 января 1889 г.²⁷, прежде всего той ее части, в которой сообщались основные вехи жизни поэта. Рукопись заметки с пометой «Из Гербеля», внесенной рукой Данилевского, хранится ныне в фонде поэта в ОР РГБ (Ф. 315. К. 14. № 38). Попытка ознакомиться с ней оказалась, к сожалению, неудачной, так как при нашем запросе указанной единицы хранения не оказалось на месте.

Еще одним источником, на который опирался Данилевский при общей характеристике поэзии Фета, послужила статья-рецензия А.П. Милюкова, ранее напечатанная в «Правительственном вестнике». Статья эта была помещена в газете еще в 1886 г., причем без указания имени автора (в соответствии с тогдашним газетным обычаем, согласно которому рецензии помещались без подписи)²⁸. Авторство раскрыл сам Данилевский, прямо назвав имя Милюкова в тексте юбилейной статьи о Фете 1889 г.

Вместе с тем в статье Данилевского обнаруживаются сведения, которых не было ни в одном из имевшихся в его распоряжении источников. Так, характеризуя начало литературной деятельности поэта, автор неожиданно заметил: «В 1839 году, т.е. когда ему не было девятнадцати лет, он уже выпустил в свет небольшой сборник своих стихотворений под заглавием "Лирический Пантеон. А. Ф.", 1840» [26, с. 2]. К приведенному фрагменту было сделано особое примечание, где Данилевский предусмотрительно пояснял: «Этот сборник был издан в 1839 году, но помечен – 1840 годом» [26, с. 2]. Установлено, однако, что цензурное

²⁷ См.: [Данилевский Г.П.] А.А. Фет–Шеншин (по поводу пятидесятилетия его литературной деятельности) // Правительственный вестник. 1889, 26 янв. № 21. С. 2–3 [26].

²⁸ См.: [Милюков А.П.] Сочинения и переводы А. Фета // Правительственный вестник. 1886, 19 февр. № 41. С. 2; 20 февр. № 42. С. 2 [27].

разрешение на «Лирический Пантеон» было выдано только 20 сентября 1840 г., а из печати сборник вышел уже во второй половине ноября. Аналогичные данные приведены во всех изданиях хрестоматии Гербеля. Откуда же Данилевский мог почерпнуть свои сведения? Ответ на этот вопрос находим в том же очерке «Нового времени» от 21 января 1889 г., где после эпизода с «желтой тетрадью» и Гоголем следовало продолжение: «В том же году (т.е. в 1839-м. – В.Л.) тетрадь эта сдана была в типографию Селивановского, а в конце года поступила в продажу, под именем “Лирический Пантеон” – А. Ф. Таким образом, первое издание стихотворений Афанасия Афанасьевича Фета вышло в Москве ... в 1839 году, под заглавием: “Лирический Пантеон” – А. Ф., но с пометкою 1840 годом» [20, с. 3].

Хотя сам эпизод с «желтой тетрадью» и Гоголем в «Правительственном вестнике» отсутствует, отголосок его можно усмотреть в характеристике «Лирического Пантеона», о котором сказано следующее: «Эти первые опыты, несмотря на строгость тогдашней критики, были встречены весьма сочувственно, и у юного автора было признано присутствие *несомненного дарования*» (Курсив наш. – В.Л.) [26, с. 2]. Можно предположить, что, откликаясь на просьбу Данилевского, Фет действительно сообщил редактору «Правительственного вестника» дополнительные подробности о своем детстве и юности, а тот, в свою очередь, передал их затем Суворину для помещения в «Новом времени», как это уже произошло однажды с заметкой от 8 января 1889 г.

Как бы то ни было, содержание биографического очерка, напечатанного в «Новом времени» в предъюбилейные дни, еще раз возвращает нас к проблеме, уже затронутой в начале статьи, а именно к вопросу о хронологии работы Фета над последней книгой воспоминаний. За исходную точку, как правило, условно принимается время, когда началось печатание «Моих воспоминаний», т.е. конец 1889 – начало 1890 г.²⁹ Вместе с тем очевидно, что отдельные фрагменты, вошедшие впоследствии в состав «Ранних годов моей жизни», задумывались и создавались Фетом, по крайней мере вчерне, задолго до этого времени. Одним из них и был памятный эпизод с «желтой тетрадью».

Список литературы

1. Фет А. Из моих воспоминаний // Русский вестник. 1888. Т. 197, № 8. С. 3–56.
2. Переписка с Н.Н. Страховым (1877–1892) / вступ. ст., публ. и коммент. Н.П. Генераловой // Лит. наследство. 2011. Т. 103, кн. 2. С. 233–547.
3. Черемисинова Л.И. Проза А.А. Фета. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. 376 с.
4. Фет А.А. Предисловие [к третьему выпуску «Вечерних огней»] // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. Т. 5, кн. 1. С. 193–196.
5. Кошелев В.А., Петрова Г.В. О поэтических сборниках Фета «Вечерние огни» // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. Т. 5, кн. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 264–286.
6. Переписка с великим князем Константином Константиновичем (К. Р.) 1886–1892 / публ. и коммент. Ю.П. Благовоиной и М.И. Трепалиной // Лит. наследство. 2011. Т. 103, кн. 2. С. 551–978.

²⁹ См.: Черемисинова Л.И. Проза А.А. Фета. С. 337.

7. Переписка с Я.П. Полонским. 1846–1892 / публ. и коммент. Т.Г. Динесман и М.И. Трепалиной // Лит. наследство. 2008. Т. 103, кн. 1. С. 541–986.
8. «...Я так давно привык к вашим дружеским письмам...» (34 письма С.В. Энгельгардт к А.А. Фету) / публ. Н.П. Генераловой // А.А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск: КГПУ, 1994. С. 174–234.
9. Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова (1870–1896): в 2 т. Т. 2., кн. 1 / изд. подгот.: Л.В. Гладкова, Т.Г. Никифорова, В.А. Фатеев, В.Ю. Шведов. СПб.: Пушкинский Дом, 2023. 667 с.
10. Блок Г. Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. Л.: Время, 1924. 112 с.
11. Макеев М.С. Афанасий Фет. М.: Молодая гвардия, 2020. 443 с.
12. Сухих И.Н. Шеншин и Фет: жизнь и стихи. СПб.: СПбГУ, 2009. 51 с.
13. Фет А. Стихотворения. Проза. Письма. М.: Сов. Россия, 1988. 464 с.
14. Фет А. Ранние годы моей жизни. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1893. 548+VI с.
15. Генералова Н.П., Сорочан А.Ю., Строганов М.В., Успенская А.В., Черемисинова Л.И. Комментарии // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. Т. 3. СПб.: Фолио-Пресс, 2006. С. 329–516.
16. Пильд Л. Table-talk Полонского и юбилей Фета [Электронный ресурс] // Статьи на случай: сборник к 50-летию Р.Г. Лейбова. Тарту: ОГИ, 2013. Режим доступа: https://www.ruthenia.ru/leibov_50/Pild.pdf (дата обращения 1.09.2025).
17. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 213–418.
18. Фет А. Мои воспоминания. 1848–1889: в 2 ч. Ч. 1. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1890. 452 с.
19. Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя: в 7 т. Т. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 672 с.
20. Русские поэты в биографиях и образцах / сост. Н.В. Гербель. СПб., 1873. 656+VIII с.
21. [Б. п.] А.А. Фет // Новое время. 1889, 21 янв. № 4633. С. 3.
22. Лукина В.А. О первом переводе Фета // Материалы Междунар. науч. конф. «Стихи имеют свои права...». СПб.: Росток, 2020. С. 75–79.
23. [Б. п.] А.А. Фет (по поводу пятидесятилетия его литературной деятельности) // Новости дня. 1889, 28 янв. № 1999. С. 2.
24. Z. А.А. Фет. 1839–1889 // Московские ведомости. 1889, 28 янв. № 28. С. 3.
25. Страхов Н. Юбилей поэзии Фета // Новое время. 1889, 28 янв. № 4640. С. 2.
26. [Данилевский Г.П.] А.А. Фет–Шеншин (По поводу пятидесятилетия его литературной деятельности) // Правительственный вестник. 1889. 26 янв. № 21. С. 2–3.
27. [Милюков А.П.] Сочинения и переводы А. Фета // Правительственный вестник. 1886, 19 февр. № 41. С. 2; 20 февр. № 42. С. 2.

References

(Sources)

Collected Works

1. Fet, A.A. *Sochineniya i pis'ma v 20 t., t. 3* [Collected Writings and Letters in 20 vols., vol. 3]. Saint-Petersburg: Folio-Press, 2006. 518 p.
2. Fet, A.A. Predislovie (k tret'emu vypusku «Vechernikh ogney») [Preface (to the third issue of "Evening Lights")], in Fet, A.A. *Sochineniya i pis'ma v 20 t., t. 5, kn. 1* [Collected Writings and Letters in 20 vols., vol. 5, book 1]. Moscow; Saint-Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2014. 695 p.
3. Fet, A. *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma* [Selected Poems, Prose & Letters]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1988. 464 p.
4. Gladkova, L.V., Nikiforova, T.G., Fateev, V.A., Shvedov, V.Yu. *Perepiska L.N. Tolstogo i N.N. Strakhova (1870–1896) v 2 t., t. 2, kn. 1* [The correspondence of L. Tolstoy and N. Strakhov (1870–1896) in 2 vols., vol. 2, book 1]. Saint-Petersburg: Pushkinskiy Dom, 2023. 667 p.

5. Gogol', N.V. Vybrannye mesta iz perepiski s druž'yami [Selected Passages from Correspondence with Friends], in Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochineniy v 14 t., t. 8* [Complete Writings in 14 vols., vol. 8]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1952. 815 p.

Individual Works

6. Fet, A. Iz moikh vospominaniy [Fragments from "My reminiscences"], in *Russkiy vestnik*, 1888, vol. 197, no. 8, pp. 3–56.

7. Fet, A. *Moi vospominaniya. 1848–1889 v 2 ch., ch. 1* [My reminiscences. 1848–1889 in 2 part, part 2]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i K^o, 1890. 452 p.

8. Fet, A. *Rannie gody moey zhizni* [Early Years of my Life]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova, 1893. 548+VI p.

9. Gerbel', N.V. (ed.). *Russkie poety v biografyakh i obraztsakh* [Russian Poets: Biographical Anthology]. Saint-Petersburg, 1873. 656+VIII p.

10. [Danilevskiy, G.P.] A.A. Fet–Shenshin (Po povodu pyatidesyatiletia ego literaturnoy deyatel'nosti) [A. Fet–Shenshin: The 50th anniversary of his literary career], in *Pravitel'stvennyy vestnik*, 1889, 26 Jan., no. 21, pp. 2–3.

11. [Milyukov, A.P.] Sochineniya i perevody A. Feta [Writings and Translations by A. Fet], in *Pravitel'stvennyy vestnik*, 1886, 19 Feb., no. 41, p. 2; 20 Feb., no. 42, p. 2.

12. [S. a.] A.A. Fet, in *Novoe vremya*, 1889, 21 Jan., no. 4633, p. 3.

13. [S. a.] A.A. Fet (Po povodu pyatidesyatiletia ego literaturnoy deyatel'nosti) [A. Fet: The 50th anniversary of his literary career], in *Novosti dnya*, 1889, 28 Jan., no. 1999, p. 2.

14. Strakhov, N. Yubiley poezii Feta [The anniversary of Fet's poetry], in *Novoe vremya*, 1889, 28 Jan., no. 4640, p. 2.

15. Z. A.A. Fet. 1839–1889, in *Moskovskie vedomosti*, 1889, 28 Jan., no. 28, p. 3.

(Articles from Scientific Journals)

16. Dinesman, T.G., Trepalina, M.I. Perepiska s Ya.P. Polonskim. 1846–1892 [The correspondence of A. Fet and Ya.P. Polonsky. 1846–1892], in *Literaturnoe nasledstvo*, 2008, vol. 103, book 1, pp. 541–986.

17. Generalova, N.P. Perepiska s N.N. Strakhovym (1877–1892) [The correspondence of A. Fet and N.N. Strakhov], in *Literaturnoe nasledstvo*, 2011, vol. 103, book 2, pp. 233–547.

18. Trepalina, M.I., Blagovolina, Yu.P. Perepiska s velikim knyazem Konstantinom Konstantinovichem (K.R.) 1886–1892 [The correspondence of A. Fet and Great Prince Konstantin Konstantinovich (K.R.)], in *Literaturnoe nasledstvo*, 2011, vol. 103, book 2, pp. 551–978.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

19. Generalova, N.P. «...Ya tak davno privyk k vashim družeskim pis'mam...» (34 pis'ma S.V. Engel'gardt k A.A. Fetu) ["...I have long since become habituated to your intimate letters..." (The correspondence of S.V. Engelgardt and A.A. Fet in 34 letters)], in *A.A. Fet: Problemy izucheniya zhizni i tvorchestva* [A. Fet: A Study on his Life and Writings]. Kursk: KGPU, 1994, pp. 174–234.

20. Koshelev, V.A., Petrova, G.V. O poeticheskikh sbornikakh Feta «Vechernie ogni» [Reflections on Fet's "Evening Lights"], in Fet, A.A. *Sochineniya i pis'ma v 20 t., t. 5, kn. 1* [Collected Writings and Letters in 20 vols., vol. 5, book 1]. Moscow; Saint-Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2014, pp. 264–286.

21. Lukina, V.A. O pervom perevode Feta [Fet and his first translation from the German], in *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Stikhi imeyut svoi prava...»* [International Conference in memoriam of A. Fet]. Saint-Petersburg: Rostok, 2020, pp. 75–79.

(Monographs)

22. Blok, G. *Rozhdenie poeta: Povest' o molodosti Feta. Po neopublikovannym materialam* [The Birth of a Poet. A. Fet in his childhood: A Study based on archival materials]. Leningrad: Vremya, 1924. 112 p.
23. Cheremisinova, L.I. *Proza A.A. Feta* [A. Fet as a Prose Writer]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2008. 376 p.
24. Makeev, M.S. *Afanasiiy Fet* [The biography of Afanasij Fet]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2020. 443 p.
25. Sukhikh, I.N. *Shenshin i Fet: zhizn' i stikhi* [Shenshin and Fet: Life and Poems]. Saint-Petersburg: SPbGU, 2009. 51 p.
26. Vinogradov, I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolya v 7 t., t. 3* [N. Gogol's Life and Works, in 7 vols., vol. 3]. Moscow: IMLI RAN, 2017. 672 p.

(Electronic Resources)

27. Pil'd, L. Table-talk Polonskogo i yubiley Feta [Polonsky's table-talk and the anniversary of Fet's literary career], in *Stat'i na sluchay: sbornik k 50-letiyu R.G. Leybova* [Occasional Papers: A Festschrift for R.G. Leybov]. Tartu: OGI, 2013. Available at: https://www.ruthenia.ru/leibov_50/Pild.pdf [Date of access: 1.09.2025].

УДК 82-141

ББК 83.3(2=411.2)5

Татьяна Александровна Кошемчук

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков и культуры речи, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: koshemchukt@mail.ru

Добро и зло в поэзии А. Фета и этический идеал В. Соловьёва

Аннотация. Выявляется и анализируется философская проблема добра и зла в творчестве А.А. Фета. Хотя поэт традиционно воспринимается как представитель направления «чистого искусства», в настоящее время актуально исследование мировоззренческой составляющей его творчества. Тем не менее этические воззрения Фета остаются почти не изученными. Они рассматриваются на материале лирики 1850–80-х гг. и статей поэта этого периода. Центральным объектом исследования является стихотворение «Добро и зло» (1884 г.), уникальное своей попыткой выразить сущность основных этических категорий средствами лирики. Историко-культурный анализ текста стихотворения позволяет сделать заключение: в процессе освоения и критического осмысления философских тенденций его эпохи (этики Шопенгауэра и немецкого идеализма, нравственных исканий Л. Толстого, этической концепции В. Соловьёва) поэт-мыслитель сумел выработать собственную уникальную позицию в отношении добра и зла. На основе анализа художественных образов стихотворения делается предположение о сходстве адресата фетовского послания с обликом молодого Соловьёва. По итогам исследования предлагаются выводы о значении этической проблематики для Фета и о глубинном созвучии фетовского и соловьёвского подходов к добру и злу.

Ключевые слова: русская философская лирика, философская поэзия Фета, мотивы добра и зла в русской поэзии, философия А. Шопенгауэра, этика В. Соловьёва, идея оправдания добра

Tatjana Alexandrovna Koshemchuk

Saint-Petersburg State Agrarian University, Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Culture of Speech, Dr. Hab. (Philology), Russia, St. Petersburg, e-mail: koshemchukt@mail.ru

Good and evil in the poetry of A. Fet and the ethical ideal of V. Solovyov

Abstract. This article identifies and analyzes the philosophical problem of good and evil in the works of A.A. Fet. Although the poet is traditionally perceived as a representative of the “pure art” trend, it is now important to study the ideological dimension of his writing; nevertheless, his ethical views remain under-researched. The article examines them through an analysis of his lyric poetry from the 1850s to the 1880s. The central object of the study is the poem “Good and Evil” (1884), unique in its attempt to express the essence of the main ethical categories by means of lyrics. The historical and cultural analysis of the text allows to conclude that through the process of assimilating and critically reworking the philosophical trends of his era (Schopenhauer's ethics and German idealism, L. Tolstoy's

moral quest, V. Solovyov's ethical concept), the poet-thinker developing his own unique position on good and evil. Based on the analysis of the artistic images of the poem, it is suggested that the addressee of Fet's message bears a resemblance to the young Solovyov. The study concludes by highlighting the significance of ethical issues for Fet and about a profound harmony between his and Solovyov's approaches to good and evil.

Key words: Russian philosophical poetry, philosophical poetry of Fet, motives of Good and Evil in Russian poetry, philosophy of A. Schopenhauer, ethics of V. Solovyov, the idea of justification of goodness

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.4.108-121

В 1884 году А. Фет пишет стихотворение, в котором призывает «различать добро и зло»¹ и публикует его во втором выпуске «Вечерних огней» (1885 г.). Оно по своей тематике, обозначенной в названии «Добро и зло», кажется нехарактерным для поэта, ведь по давней и прочной традиции Фет считается чистым лириком, поэтом красоты, природы и любви. Эта традиция, как будет показано ниже, во многом воздействовала на интерпретацию стихотворения. Сложившаяся еще при жизни Фета, она проявляется в большинстве посвященных ему исследований. Среди них тем не менее можно отметить и те, которые акцентируют в поэзии Фета философские, религиозные, метафизические и мистические мотивы. Фет как поэт мысли в настоящее время представлен в антологии «А.А. Фет: pro et contra»², которая целиком посвящена мировоззрению поэта и представляет Фета как автора не менее сотни стихотворений, содержащих философские или религиозные мотивы. Англоязычные авторы, пишущие о русской литературе, видят в Фете именно поэта «чистого искусства». Они нередко опираются на известный на западе труд *History of Russian Literature: from Its Beginning to 1900* Д.П. Святополка-Мирского³ и, говоря о Фете, следуют не только его оценкам личности Фета (резко негативным) и его творчества, но и выбору главного стихотворения, характеризующего все творчество поэта. Этот единственный текст, который целиком приводит Мирский в главе о Фете, – «Буря на небе вечернем...». Именно его подробно разбирает, например, М. Вахтель в кембриджской истории русской поэзии⁴ и вслед за Мирским оценивает фетовские стихи как мыслительно скудные. Автор оксфордской «Истории русской поэзии» также не видит в стихах Фета глубины: «His themes seem to

¹ См.: Фет А.А. Добро и зло // Фет А.А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959. С. 104 [1].

² См.: «А.А. Фет: pro et contra». 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). 960 с. [2].

³ См.: Святополк-Мирский Д.П. Фет // История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2014. С. 357–362 [3].

⁴ См.: Wachtel M. The Cambridge Introduction to Russian Poetry. New York: Cambridge University Press, 2004. С. 113 [4].

be less important than his impressionistic style» («Его темы кажутся менее значимыми, чем его импрессионистский стиль») [5, с. 140].

Этот подход в настоящее время представляется преодоленным. Но значимость философской проблематики Фета по-прежнему оценена недостаточно. Так, исследователями поэзии Фета почти не уделялось внимание этической теме в лирике поэта-мыслителя. Однако этот аспект его творчества позволяет углубить понимание Фета как философа. В стихотворении «Добро и зло» лирик, исповедующий культ красоты, предстает философом-этиком, размышляющим о сущности добра и зла, – это уникальная и заслуживающая рассмотрения ситуация.

Действительно, в русской философской лирике XIX века нет других, столь подробных развернутых поэтических высказываний о добре и зле. Этические мотивы звучали у предшественников Фета (например, у Пушкина, Лермонтова, Баратынского) лишь в контексте других лирических тем. Также и у Фета можно отметить десяток стихотворений разных лет, начиная с 1850-х гг., включающих в себя тему добра и зла. Итог своих нравственных исканий он подводит в стихотворении «Ничтожество» (1880 г.): «Я все ищу *добра*, но нахожу лишь *зло*» [6, с. 101]. Здесь выражена постигнутая поэтом горькая истина – господство зла и ошибочность надежд на добро.

Безотрадность этой итоговой позиции Фета была неприемлема для его преданного друга, молодого философа Вл. Соловьёва, мировоззрение которого определялось глубокой интуицией добра. Его труды всего периода (1880-е и начало 1890-х гг.), когда философа и поэта связывала тесная дружба, одушевляла именно вера в силу добра. Тем не менее у Соловьёва не получилось передать свою убежденность в конечном торжестве добра старшему скептическому и ироническому другу, в мироощущении которого сказывалась не менее глубокая интуиция зла и его непобедимости в мире. Потому в стихах Соловьёва, посвященных смерти Фета (1892 г.), звучит загадочная для их автора, не стираемая временем тема непримиренности со смертью: «...почему же с этою могилой / Меня не может время *примирить?*» («Памяти А.А. Фета», 1897 г.) [7, с. 107]. Вероятно, причина в том, что его любовь к старшему другу и гениальному поэту (Соловьёв первый так оценил Фета, отвергаемого современниками) не могла преодолеть трагизм мироощущения Фета, при всей силе и убедительности главной интенции философа-этика – к «*оправданию добра*», которая в будущем реализуется в его главном произведении. Но... к Фету Соловьёв приблизился в последние годы жизни, когда опыт метафизического зла стал основанием для изменения его взглядов. Собственная мировоззренческая драма заставила Соловьёва допустить: зло есть «действительная сила, посредством соблазнов владеющая нашим миром...» («Три разговора», 1899 г.) [8, с. 636]⁵. Именно эта мысль о господстве зла в мире просматривается в фетов-

⁵ Об этом этапе как о глубоком метафизическом кризисе и об отказе от идеи добра как итога исторического процесса см.: Душин О.Э. Шеллинг и Соловьёв о проблеме зла // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 1(45). С. 26–28 [9]. О понимании природы зла поздним Соловьёвым

ском «...нахожу лишь зло». А в одной из граней зла, названных в «Трех разговорах», Соловьев будет особенно близок Фету – зло общественное, сопротивляющееся добру. Злоба толпы – тема, звучащая у Фета, как и у других поэтов XIX в., но, пожалуй, с более острым драматизмом, с глубоким презрением к буйной и развратной толпе, которой противостоит ненавидимый ею поэт («Сонет», 1866 г.). В этом русле почти словами Фета и даже возможным отголоском его жизненной борьбы позднее, в «Трех разговорах», у В. Соловьева прозвучит: «Есть зло общественное – оно в том, что людская толпа, индивидуально поработившая злу, противится спасительным усилиям немногих лучших людей и одолевает их...» [8, с. 727].

Фет и Соловьев сходятся еще в одной грани трактовки зла, восходящей к общему источнику – к православной аскетической традиции. О постижении зла внутреннего в христианстве Фет писал в послесловии к переводу «Мира как воли и представления» Шопенгауэра (1880 г.), причем его мысли отнюдь не созвучны с шопенгауэровскими: христианство, как «религия откровенная», «...имеет дело главным образом с духовной стороной человека, с сердцем, из коего исходят помышления злые»⁶. В душе человека Фет видит настоящее, «губительное, исконное зло, которое встает беспощадным князем мира сего»⁷. Фет в своих размышлениях о зле мира использует библейский образ грехопадения: «Вкусив на опыте от древа познания добра и зла во внешнем мире, человек путем внутреннего опыта познает это добро и зло в своей душе» [11, с. 80]. Причем подобные идеи Фета нашли выражение в поэтической форме уже в 1850-е годы, задолго до Шопенгауэра и Соловьева. В стихотворении «В пору мечты, любви, свободы...» (1855 г.) он писал о своем осознании того, «...как живуща, как ядовита / Эдема старая змея!», и о постижении действий злого духа в душе: «И духа злобы над душою / Я слышу тяжкое крыло» [12, с. 268]. Это поэтическое признание Фета говорит о глубине его понимания религиозных основ жизни и о близости к мистическому восприятию зла, которое характерно для православной традиции.

Стихотворение «Добро и зло» (1884 г.) уникально в фетовской лирике. Это строго продуманное высказывание поэта-философа. Для понимания выраженной в нем этической концепции важны некоторые жизненные факты. В 1880 г. Фетом завершён перевод «Мира как воли и представления» Шопенгауэра. С 1881 года знакомство Фета с Соловьёвым⁸ перерастает в переписку и

см.: Ненашев М.И. Поздний Соловьёв: перемена в понимании природы зла и безусловной достоверности // Соловьёвские исследования. 2008. Вып. 18. С. 95–112 [10].

⁶ «Послесловие А. Фета к его переводу Шопенгауэра» цитируется по изданию: Фет А.А. Послесловие А. Фета к его переводу Шопенгауэра // А.А. Фет: pro et contra: антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). С. 82 [11].

⁷ Там же.

⁸ См. о знакомстве Фета с Соловьёвым в середине 1870-х гг.: Переписка Фета с Вл.С. Соловьёвым (1881–1892) / публ. Г.В. Петровой // А.А. Фет: Материалы и исследования. Вып. 2. СПб.: Контраст, 2013. С. 362 [13].

постоянное общение. Причем оно отмечено, скорее, воздействием Фета на Соловьева, нежели обратным⁹. В 1881 году Фет читает подаренную Соловьевым «Критику отвлеченных начал» и, выражая свое «восхищение» книгой, особенно выделяет в ней «ее критическую сторону»¹⁰, а значит, и критику Соловьева в адрес Шопенгауэра и его этического учения¹¹. В конце 70-х и начале 80-х гг. происходит драматический поворот в очень значимых для Фета отношениях с Толстым: Фет не принял толстовских религиозных и этических исканий. Наступило охлаждение, драматически переживаемое Фетом. Толстой потерял интерес к бывшему другу. В итоге можно сказать, что обстоятельства жизни к 1884 году вовсе не подталкивали Фета к созданию стихотворения на этическую тему, но, скорее, могли оттолкнуть от нее. Так что осмысление добра и зла без внешней мотивации потребовало для себя итоговой выраженности – своего рода лирического самоотчета. Поэтому вряд ли стоит искать в стихотворении «Добро и зло» «воздействий» или «влияний», будь то Шопенгауэра или Канта, Толстого или Соловьева. Но, быть может, сам облик В. Соловьева отразился в поэтическом творении Фета, в образности стихотворения.

Что сказано об этом произведении Фета критиками? Б.В. Никольский в статье «Основные элементы лирики Фета» (1912 г.) рассуждает об оправдании зла у Фета, о допустимости примирения со злом, если в зле есть красота, о поэтическом изобличении древнего искusstеля. Но в стихотворении Фета нет ни оправдания зла, ни примирения с ним, ни обличения искusstеля. Все это привнесено самим Никольским, равно как и опорные понятия вывода (красота, свобода, художник): «...добро и зло – для человека, красота – для художника», «в обоих царствах с различными законами нужно оставаться свободным»¹². Исследователи нередко вкладывают в стихи поэта те мысли, которые волнуют их самих, отступая от поэтической мысли автора, причем не только в оттенках смысла, но даже и в основной поэтической идее.

Подобные же вольные интерпретации характерны и для исследования Д.С. Дарского «Радость земли» (1916 г.). Он в кратком фрагменте о «Добре и

⁹ См., например: Коковина Н.З., Силакова Д.В. «Фетовский» мир в письмах Владимира Соловьева // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. Вып. 4(51). С. 119 [14].

¹⁰ См.: Письмо Фета к Соловьеву 14 марта 1881 года // Переписка Фета с Вл.С. Соловьевым (1881–1892) / публ. Г.В. Петровой. С. 374.

¹¹ О критике В. Соловьевым учения Шопенгауэра в «Критике отвлеченных начал», о бессознательной воле как одной из «разнообразных односторонностей, имевших место в истории философии» см.: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 180–183 [15].

¹² См.: Никольский Б.В. Основные элементы лирики Фета // А.А. Фет: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). С. 856 [16].

зле» тоже говорит о красоте как «мистической сущности», которая «выше моральных оценок, выше добра и зла»¹³. И делает вывод: «Здесь последний предел, до которого доходил Фет в своем обожествлении поэтического дара» [17, с. 857]. Но Фет вообще не говорит здесь о красоте и о поэзии. Он говорит о познании добра и зла. И этого не воспринимают критики, видящие в поэте певца чистого искусства.

Н.Н. Страхов в письме Фету, давая высокую оценку его произведению, усматривает в нем «...гегелизм и мистику во всю высоту»¹⁴. Современный исследователь Фета философ Л.А. Калинин комментирует этот тезис Страхова, и пишет, что Фет, «видимо, "гегелизмом и мистикой" своего творения был бы озадачен: ни того ни другого он не имел в виду...» [19, с. 859]. Сам же философ доказывает, что хотя мысль «Где есть добро, там есть и зло» (он приводит цитату из ранней редакции) действительно несет в себе гегельянство, но первые две строфы придают стихотворению кантианский характер. Хочется добавить: Фет не менее чем «гегелизмом и мистикой» был бы «озадачен» и своим «кантианством». У Калиникова мы найдем не анализ фетовских мыслей, а рассуждения философа-кантианца о Боге и о том, например, что «различением добра и зла мы не равны Богу, а много сложнее его»¹⁵. В статье Н.В. Цепелевой речь идет именно о фетовском понимании добра и зла, которое, однако, трактуется как христианское: «Перед нами предстаёт христианская концепция мира и человека, в контексте которой рассматривается проблема добра и зла» [20, с. 52]. Это заключение основано на таких аргументах, как использование Фетом, например, образа солнца, который, с точки зрения автора, является «указанием на христианскую концепцию мира»¹⁶.

Приведенные интерпретации показывают: гораздо труднее, чем может показаться, прочитать стихотворение поэта-мыслителя, отрешившись от собственных взглядов, то есть в сгущенном метафорическом тексте выявить скрытый смысл, «переведя» его с языка художественных образов на понятийный уровень словесного выражения. И здесь важна интенция исследователя – стремление к пониманию мысли поэта и ее оттенков, данных в образах, в скрытых и явных аллюзиях, ощутимых в подтексте стихотворения, но главное – выраженных не с помощью образов, но непосредственно и открыто. Так, Фет формулирует тему

¹³ См.: Дарский Д.С. «Радость земли». Исследование лирики Фета // А.А. Фет: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). С. 857 [17].

¹⁴ Письмо Н.Н. Страхова Фету 24–28 сентября 1884 г. цитируется по: Переписка с Н.Н. Страховым. 1877–1892 / вступ. ст., публ. и коммент. Н.П. Генераловой // А.А. Фет и его литературное окружение. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 381 [18].

¹⁵ См.: Калинин Л.А. А. Шопенгауэр и И. Кант в философско-поэтическом мировоззрении А.А. Фета // А.А. Фет: pro et contra: антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). С. 860 [19].

¹⁶ См.: Цепелева Н.В. «Добро и зло как прах могильный...»: образ художественной реальности в стихотворении А.А. Фета // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 1. С. 50 [20].

стихотворения в его названии как добро и зло, но мысль критика порой устремляется к теме искусства, следуя сложившейся традиции.

Стихотворение «Добро и зло» несет в себе строго продуманную концепцию в трех ее частях. Первые 8 строк – преамбула, в которой выражено фетовское поэтическое двоемирие:

Два мира властвуют от века,
Два равноправных бытия:
Один объемлет человека,
Другой – душа и мысль моя.

И как в росинке чуть заметной
Весь солнца лик ты узнаешь,
Так слитно в глубине заветной
Всё мирозданье ты найдешь [1, с. 101].

Два мира у Фета – обратим на это внимание прежде всего – это не платоновские мир идей и мир вещей, не мир ложный и мир истинный. В центре внимания Фета-философа – человек, и относительно человека определяются эти миры. Это мир, *объемлющий человека*, внешний мир вокруг него, не непременно земной мир, но ВЕСЬ, включая без оговорок и возможный вовеки мир высший, мир идей – как его ни определяй. Другой мир – не просто внутренний мир *человека*, но персоналистично: мир души и мысли как мир конкретной личности, *моей души и моей мысли* (Фет не говорит о *воле*). Нужно добавить уточняющие оттенки, причем каждый дан в одном слове: это два *бытия*, то есть две реальности, ни одна из них не *представление*; это миры *равноправные*: нет истинного и мнимого; это разделение дано *от века*, изначально, от сотворения мира и человека; они *властвуют* – их бытие активно и само себя определяет. Фет утверждает и отсутствие непроходимой грани между ними: в «заветной глубине» души, малой части, можно обрести целое. Эта мысль выражена и через образную аналогию: образ – изначально доказательное средство поэтов. Так в малом (росинке) отражается большое (солнце). Еще раз: это не разделение на земное, низшее, и на божественное, высшее. Фетовское двоемирие можно было бы охарактеризовать на языке Андрея Белого как своего рода дуомонизм. Он дан с точки зрения присущего поэту-философу здравого смысла, трезвой мысли: он наблюдает мир и себя в мире как очевидное двуединое целое.

Стоит отметить, что весьма длительная история создания этого стихотворения (у него четыре ранние редакции)¹⁷ немного дает для его понимания: стихотворение сложилось сразу, и изменения касались лишь отдельных строк. Так,

¹⁷ См.: Три письма Н.Н. Страхова к А.А. Фету // А.А. Фет и его литературное окружение. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 548–550. Восстановленные редакции приведены в издании: Фет А.А. Сочинения и письма: в 20 т. Кн. 1. Вечерние огни. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 154–158 [21].

«другой» мир был охарактеризован сначала как мир познания человека: «В другом познать желаю я». Идея познания (далее – *мысль моя*) обогатилась в четвертой редакции: «Другой я сам и мысль моя», в итоге: «Другой – душа и мысль моя» [21, с. 154–158]. Эти две строфы на одном из этапов были Фетом вычеркнуты (Страхов нашел их бледными) и вновь восстановлены (опять же по совету Страхова), вероятно, как необходимое исповедание философской веры, говорящее о значимости человека, о его познавательных возможностях.

Еще один важный нюанс: интонация во втором четверостишии становится интимной и дружеской – зазвучало лирическое «ты», за которым угадывается некий адресат стихотворения. К этому «ты», герою стихотворения, обращено наставительное послание:

Не лжива юная отвага:
Согнись над роковым трудом –
И мир свои раскроет блага;
Но быть не мысли божеством.

И даже в час отдохновенья,
Подъемля потное чело,
Не бойся горького сравненья
И различай добро и зло [1, с. 104].

Здесь, во второй части, можно выявить некоторые черты адресата стихотворения. Прежде всего, это молодость. Когда Фетом были вычеркнуты первые строфы, он добавил четверостишие, впоследствии снятое, в котором идея молодости была выражена ярче: «Ты прав, когда из колыбели / Воспрянув только что вчера, / Одной ты в жизни веришь цели / И ищешь блага и добра» [21, с. 154]. Так что это молодой энтузиаст добра, ищущий лишь его, и – усердный труженик. И надо полагать, это труд умственный, за письменным столом, за который *отважно* принимается молодой мыслитель. Он в минуту отдыха *поднимает* свое чело, и он в поте лица и бесстрашно решает проблему добра и зла. Именно к этому – *не бояться* и *различать* добро и зло – призывает поэт, уверяя, что труд этот оправдан (*не лжив*) и полезен: внешний мир в ответ *раскроет свои блага*. При этом поэт высказывает молодому философу-этику и свое предостережение: «*Но быть не мысли божеством*»! Эту фразу можно прочесть так: мысль не должна стать божеством. Такое предостережение имеет смысл в качестве обращения именно к человеку мысли: не стоит обожествлять мысль. Однако эту фразу можно прочесть и иначе: трудись и при этом не думай стать божеством, не верь обещанию змея-искусителя, что познающие добро и зло станут как боги: «...вы будете как боги, знающие добро и зло...» (Быт. 3:5) – эта аллюзия прозрачна в стихотворении. Фетовское предостережение адресовано именно философу-труженику, стремящемуся лишь к благу, – и мы можем угадать в этом

образе черты молодого Соловьева, не вдохновенного мыслителя, но скрупулезного молодого философа добра и критика *отвлеченных начал*.

Так или иначе в этой части Фетом дан один из вариантов жизни человека-мыслителя на земле после грехопадения, когда предложение змия было принято. Тогда началась земная история как путь к совершенству – так это осмыслял В. Соловьев. Человек не стал как боги, он не *знает* добра и зла, но призван *различать*. Ведь без возможности «...*различить* добро от зла безусловно и во всяком единичном случае сказать да или нет жизнь была бы вовсе лишена нравственного характера и достоинства», – напишет позднее В. Соловьев в «Оправдании добра» (1897 г.) [22, с. 97]. Ему противопоставлен (после начального «Но...» пятой строфы) иной вариант пути *познания* добра и зла. Это не труд, но взлет. Об этом говорит третья часть стихотворения:

Но если на крылах гордыни
Познать дерзаешь ты как бог,
Не заноси же в мир святыни
Своих невольничьих тревог.

Пари всезрящий и всесильный,
И с незапятнанных высот
Добро и зло, как прах могильный,
В толпы людские отпадет [1, с. 104].

Человек может пожелать – *дерзновенно* и *гордо* – действительного знания, которое есть у богов, познавать не земным мышлением, но высшим. Эта интенция означена как путь гордыни, а не смиренного труда. Это путь люциферического отказа от *невольничьего* служения. На этом пути труженик мысли может стать крылатым, *всезрящим* и *всесильным* – в этой антитезе Фет противопоставляет два пути познания. Второй путь – взлет *на крылах гордыни* и *парение* в мире *святыни*, в мире *незапятнанных высот*. Это мир, не затронутый грехопадением, в отличие от мира подлунного, как раз *запятнанного* злом. Из этого представления в лирике Фета рождался целый ряд образов чистых звезд и неба. Поэт при этом не говорит ни о мире идей, ни о божественном или духовном. Он просто смотрит в высь над собой – и с безусловной очевидностью видит в небесах чистый незапятнанный мир. Здесь же, в рассуждении о добре и зле, он предостерегает адресата стихотворения, который, быть может, захочет вступить на этот путь: в мир высот не надо вносить земные рабские заботы о добре и зле. Там неуместны эти категории. Предложенные змием и принятые человеком, неизбежные в мире внешнем, они отпадут сами собой.

И здесь нужно зафиксировать особую тональность фетовской мысли. Это презрительность. Добро и зло с высшей точки зрения подобны *могильному*

праху, они падают вниз, в подлунный мир, в *людские толпы*. Этот презрительный оттенок у Фета звучит ярко, например, в стихотворениях 1866 года, несущих в себе противопоставление истинной поэзии и пошлости псевдоискусства, поэта и толпы («Сонет», «Псевдопоэту»), то есть задолго до фетовского погружения в философию. Так что можно говорить именно о созвучии с тоном мысли Шопенгауэра. Эта презрительная тональность у Шопенгауэра очевидна, например, в том фрагменте его главного труда «Мир как воля и представление», где он определяет понятия добра и зла, не намереваясь «прикрываться» этими понятиями, как и словами *истина* и *красота*, которые произносятся обычно «с физиономией вдохновенного барана» и всем «опротивели»¹⁸. Шопенгауэр утверждает относительность этих понятий: добро для него – это то, что нравится воле, зло же есть нечто обратное, то, что не нравится воле. Завершается этот фрагмент невозможностью абсолютного добра (ибо воля ненасытима), и именно в той тональности, которая будет присуща и Фету: «Вот что я считал нужным сказать о словах *доброе* и *злое*, а теперь перейдем к делу» [23, с. 339]. Но нельзя не отметить, что гордая презрительность к *толпам людским*, к *праху земному* в жизни Фета была небезосновательна: ненавидящая поэта *толпа*, *чернь*, доставила ему много тяжких переживаний на протяжении двух десятилетий его жизни.

Обнаруживая в интонациях Фета черты шопенгауэрианского превозношения и презрения к *толпе* и к различным востребованным ею «мифологиям» (религиозным учениям), подчеркнем, что эта философия не вполне удовлетворяла Фета¹⁹, отчасти и благодаря критике В. Соловьева – уже в самих определениях добра и зла. Так что фетовский призыв различать добро и зло в земных трудах – не по Шопенгауэру, но, скорее, в соловьевском духе: добро и зло есть атрибуты именно земного мира (где свершилось грехопадение). На происходящее земное, по Соловьеву, нужно смотреть «с точки зрения абсолютного»²⁰. Соловьев в «Оправдании добра» напишет то, с чем Фет согласился бы: «Бог выше противоречия между добром и злом. <...> Нельзя допустить ни того, чтобы Бог утверждал зло, ни того, чтобы Он отрицал его безусловно...» [22, с. 260]. Ограничившись указанием на то, что из зла можно извлечь большее добро, Соловьев в пределах своей этики не развивает эти мысли²¹. Но именно в этом ключевом пункте сосредоточена острая проблематичность фетовского стихотворения: Бог выше добра и зла. Эта мысль требует философского развертывания. Она, думается, и

¹⁸ См.: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. С. 337 [23].

¹⁹ См.: Калинин Л.А. А. Шопенгауэр и И. Кант в философско-поэтическом мировоззрении А.А. Фета. С. 858–860. В статье приводятся собранные автором критические высказывания Фета о Шопенгауэре и отвергается господствовавшая долгое время точка зрения о «влиянии» Шопенгауэра на фетовскую поэзию.

²⁰ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. С. 259.

²¹ Там же. С. 547.

есть то предзнание поэта или некий стоящий перед ним вопрос, из которого рождается стихотворение, – попытка абсолютного взгляда на добро и зло.

Итак, что же, по сути, сказалось у Фета? Есть два пути познания добра и зла. Один – различение добра и зла без стремления уподобиться богам. Второй – полет к высям, как раз уподобление богам и отказ от этих земных понятий. Не веря в воплощение идеальной мечты Соловьева о возможности должного – торжества добра в земной истории, Фет, не без ноты превосходства, призывал оставить эти хлопоты о мире *людских толп*. Но все же необходимость различения добра и зла в мире земном – это то, что Фет готов был признать, думается, при смягчающем воздействии соловьевского идеала.

Конечно, Фет, как и Соловьев, мог привести единственный аргумент против идеи о торжестве зла в мире – это воскресение Спасителя. По Соловьеву, «...зло явно сильнее добра, и если это явно считать единственно реальным, то должно признать мир делом злого начала» [8, с. 727]. Но есть и невидимое, и довод против «крайнего пессимизма и отчаяния» – «личное воскресение Одного»²². Так и Фет писал в предисловии к своему переводу «Фауста» Гете (1883 г.): основное учение христианства «...заключается в том, что мир во зле лежит и что только личное участие Божества способно искупить это зло» [24, с. 100]. О том же пишет Фет в пасхальном поздравительном стихотворении «В альбом» – в 1857 году, задолго до открытия Шопенгауэра и до знакомства с Соловьевым:

Победа! Безоружна злоба.

Весна! Христос встает из гроба... [25, с. 473].

Тема весеннего пробуждения природы и души завершается итогом: «Ни в смерть, ни в грустное забвенье / Сегодня верить не хочу». Но это только *сегодняшнее* утешение для поэта. И, конечно, он не удивился бы пессимистическому повороту и тем словам, которые через несколько лет после его смерти напишет его младший, почитаемый им друг: «Наступающий конец мира веет мне в лицо каким-то явственным, хотя неуловимым дуновением – как путник, приближающийся к морю, чувствует морской воздух прежде, чем увидит море» [26, с. 232].

Список литературы

1. Фет А.А. Добро и зло // Фет А.А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959. С. 101–104.
2. А.А. Фет: pro et contra: антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). 960 с.

²² См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. С. 727–728.

3. Святополк-Мирский Д.П. Фет // История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2014. С. 357–362.
4. Wachtel M. The Cambridge Introduction to Russian Poetry. New York: Cambridge University Press, 2004. 166 p.
5. Bristol E.A. History of Russian Poetry. New York: Oxford University Press, 1991. 372 p.
6. Фет А.А. Ничтожество // Фет А.А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959. С. 101.
7. Соловьев В.С. Памяти А.А. Фета // Соловьев В.С. Полн. собр. стихотворений. М.: Книга по требованию, 2021. С. 107.
8. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 635–762.
9. Душин О.Э. Шеллинг и Соловьев о проблеме зла // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 1(45). С. 15–30.
10. Ненашев М.И. Поздний Соловьев: перемена в понимании природы зла и безусловной достоверности // Соловьёвские исследования. 2008. Вып. 18. С. 95–112.
11. Фет А.А. Послесловие А. Фета к его переводу Шопенгауэра // А.А. Фет: pro et contra: антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). С. 79–84.
12. Фет А.А. «В пору мечты, любви, свободы...» // Фет А.А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959. С. 268.
13. Переписка Фета с Вл.С. Соловьёвым (1881–1892) / публ. Г.В. Петровой // А.А. Фет: Материалы и исследования. Вып. 2. СПб.: Контраст, 2013. С. 359–428.
14. Коковина Н.З., Силакова Д.В. «Фетовский» мир в письмах Владимира Соловьёва // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. Вып. 4(51). С. 117–129.
15. Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 180–183.
16. Никольский Б.В. Основные элементы лирики Фета // А.А. Фет: pro et contra: антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). С. 855–856.
17. Дарский Д.С. «Радость земли». Исследование лирики Фета // А.А. Фет: pro et contra: антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). С. 856–857.
18. Переписка с Н.Н. Страховым. 1877–1892 / вступ. ст., публ. и коммент. Н.П. Генераловой // А.А. Фет и его литературное окружение. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 233–550.
19. Калинин Л.А. А. Шопенгауэр и И. Кант в философско-поэтическом мировоззрении А.А. Фета // А.А. Фет: pro et contra: антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). С. 858–860.
20. Цепелева Н.В. «Добро и зло как прах могильный...»: образ художественной реальности в стихотворении А.А. Фета // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 1. С. 47–54.
21. Фет А.А. Вечерние огни // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. Т. 5, кн. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 154–158.
22. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 47–580.
23. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. 395 с.
24. Фет А.А. Предисловие А.А. Фета (Гете И.В. Фауст. Ч. 2) // А.А. Фет: pro et contra: антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). С. 94–112.
25. Фет А.А. В альбом // Фет А.А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959. С. 473.
26. Письма Владимира Сергеевича Соловьёва. Т. 1–4. Т. 1 / под ред. и с предисл. Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908–1923. 1908. 294 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Fet, A.A. Dobro i zlo [Good and evil], in Fet, A.A. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Collection of Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1959, pp. 101–104.
2. Fet, A.A. Nichtozhestvo [Nothingness], in Fet, A.A. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Collection of Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1959, p. 101.
3. Fet, A.A. «V poru mechty, lyubvi, svobody...» [“In the time of dreams, love, freedom...”], in Fet, A.A. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Collection of Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1959, p. 268.
4. Fet, A.A. V al'bom [To the Album], in Fet, A.A. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Collection of Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1959, p. 473.
5. Fet, A.A. Vechnie ogni [Evening Lights], in Fet, A.A. *Sochineniya i pis'ma v 20 t., t. 5, kn. 1* [Works and Letters in 20 vols., vol. 5, book 1]. Moscow; Saint-Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2014, pp. 154–158.
6. *Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva v 4 t., t. 1* [Letters of Vladimir Sergeevich Solov'ev in 4 vols., vol. 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1908–1923, 1908. 294 p.
7. Shopengauer, A. Mir kak volya i predstavlenie [The World as Will and Representation], in Shopengauer, A. *Sobranie sochineniy v 5 t., t. 1* [Collected works in 5 vols., vol. 1]. Moscow: Moskovskiy klub, 1992. 395 p.
8. Solov'ev, V.S. Pamyati A.A. Feta [In Memory of A.A. Fet], in Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Collection of Poems]. Moscow: Kniga po trebovaniyu, 2021, p. 107.
9. Solov'ev, V.S. Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vsemirnoy istorii [Three Conversations about War, Progress, and the End of World History], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 635–762.
10. Solov'ev, V.S. Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya [Justification of Goodness. Moral Philosophy], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 47–580.

Individual Works

11. Fet, A.A. Posleslovie A. Feta k ego perevodu Shopengauera [A. Fet's Afterword to his Translation of Schopenhauer], in *A.A. Fet: pro et contra, antologiya* [A.A. Fet: Pro et Contra, Anthology]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2022 (Russkiy Put'), pp. 79–84.
12. Fet, A.A. Predislovie A.A. Feta (Gete I.V. Faust. Ch. 2) [Preface by A.A. Fet (Goethe I.V. Faust. Part 2)], in *A.A. Fet: pro et contra, antologiya* [A.A. Fet: Pro et Contra, Anthology]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2022 (Russkiy Put'), pp. 94–112.

(Articles from Scientific Journals)

13. Dushin, O.E. Shelling i Solov'ev o probleme zla [Schelling and Solovyov on the Problem of Evil], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2015, issue 1(45), pp. 15–30.
14. Kokovina, N.Z., Silakova, D.V. “Fetovskiy” mir v pis'makh Vladimira Solov'eva [The “Fetovian” World in the Letters of Vladimir Solovyov], in *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2023, issue 4(51), pp. 117–129.
15. Nenashev, M.I. Pozdniy Solov'ev: peremena v ponimanii prirody zla i bezuslovnoy dostovernosti [The Late Solovyov: a Change in the Understanding of the Nature of Evil and Unconditional Certainty], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2008, issue 18, pp. 95–112.

16. Tsepeleva, N.V. «Dobro i zlo kak prakh mogil'nyy...»: obraz khudozhestvennoy real'nosti v stikhotvorenii A.A. Feta [“Good and Evil as the Dust of the Grave...”: the Image of Artistic Reality in the Poem by A.A. Fet], in *Gumanitarnyy vektor*, 2022, vol. 17, no. 1, pp. 47–54.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

17. *A.A. Fet: pro et contra, antologiya* [A.A. Fet: Pro et Contra, Anthology]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2022 (Russkiy Put'). 960 p.

18. Darskiy, D.S. «Radost' zemli». Issledovanie liriki Feta [“The Joy of the Earth”. A Study of Fet's Lyrics], in *A.A. Fet: pro et contra, antologiya* [A.A. Fet: Pro et Contra, Anthology]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2022 (Russkiy Put'), pp. 856–857.

19. Kalinnikov, L.A. A. Shopengauer i I. Kant v filosofsko-poeticheskom mirovozzrenii A.A. Feta [Schopenhauer and I. Kant in the Philosophical and Poetic Worldview of A.A. Fet], in *A.A. Fet: pro et contra, antologiya* [A.A. Fet: Pro et Contra, Anthology]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2022 (Russkiy Put'), pp. 858–860.

20. Nikol'skiy, B.V. Osnovnye elementy liriki Feta [The Main Elements of Fet's Lyrics], in *A.A. Fet: pro et contra, antologiya* [A.A. Fet: Pro et Contra, Anthology]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2022 (Russkiy Put'), pp. 855–856.

21. Perepiska s N.N. Strakhovym. 1877–1892 [Correspondence with N.N. Strakhov. 1877–1892], in *A.A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie. Kniga 2* [Fet and his Literary Entourage. Book 2]. Moscow: IMLI RAN, 2011, pp. 233–550.

22. Perepiska Feta s V.I. Solov'evym (1881–1892) [Fet's Correspondence with V.I. Solovyov (1881–1892)], in *A.A. Fet: Materialy i issledovaniya, issue 2* [A.A. Fet: Materials and Research, Issue 2]. Saint-Petersburg: Kontrast, 2013, pp. 359–428.

(Monographs)

23. Bristol, E. History of Russian Poetry. New York: Oxford University Press, 1991. 372 p.

24. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Solovyov and his Time]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2009, pp. 180–183.

25. Svyatopolk-Mirskiy, D.P. Fet, in *Istoriya russkoy literatury s drevneyshikh vremen po 1925 god* [The History of Russian Literature from Ancient Times to 1925]. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya, 2014, pp. 357–362.

26. Wachtel, M. The Cambridge Introduction to Russian Poetry. New York: Cambridge University Press, 2004. 166 p.

УДК 82(091) + 882

ББК 83.3(2 Рос=Рус)1

Светлана Алексеевна Ипатова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, научный сотрудник отдела Новой русской литературы, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: ipatovas@rambler.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4982-2916>

Фетоведы первой волны: Николай Николаевич Черногоубов (1873–1941)

Аннотация. Реконструируется биография Н.Н. Черногоубова, литературоведа, коллекционера, искусствоведа, знатока древнерусского искусства, помощника, а затем хранителя Третьяковской галереи (1902–1917); собирателя наследия А.А. Фета, исследователя его жизни и творчества; ключевой фигуры литературно-художественной жизни Серебряного века. В обширный круг личного и эпистолярного общения преданного «фетианца» (термин Б.А. Садовского) входили Вл.С. Соловьёв, Л.Н. Толстой, вел. кн. Константин Константинович (поэт «К.Р.»), Я.П. Полонский, В.Я. Брюсов, владелец издательства «Скорпион» С.А. Поляков, профессор Б.В. Никольский, родоначальник философии «Общего дела» Н.Ф. Федоров, педагог И.М. Ивакин, публицист Ю.П. Бартнев, литератор и коллекционер А.В. Жиркевич, художник Л.О. Пастернак, искусствоведы И.С. Остроухов и И.Э. Грабарь, поэт, прозаик, историк литературы Б.А. Садовской и др. — имена, кто так или иначе был связан с Фетом, памятью о нем или увлечен его творчеством. Личные встречи, общение, а также переписка Черногоубова со многими из родных и близких обусловлены поисками архивных материалов боготворимого поэта (исследователь собирался издать научную биографию Фета и открыть в Москве музей его имени). На эпистолярном и мемуарном материалах, включая архивные, предпринята попытка не только проследить формирование и судьбу фетовского собрания, но и воссоздать биографию незаурядной личности, одного из «фетишистов» (термин П.П. Перцова) на фоне бурной эпохи.

Ключевые слова: фетоведы «первой волны», эпистолярный, мемуары, издательство «Скорпион», научная биография

Svetlana Alekseevna Ipatova

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Research Fellow of the Department of New Russian Literature, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: ipatovas@rambler.ru

First-Wave Fet Scholars: Nikolai Nikolaevich Chernogubov (1873–1941)

Abstract. This article reconstructs the biography of N.N. Chernogubov – a literary scholar, collector, art historian, specialist in Old Russian art, assistant and later curator of the Tretyakov Gallery (1902–1917); a collector of A.A. Fet's heritage and a researcher of his life and work; and a key figure in the literary and artistic life of the Silver Age. The extensive personal and epistolary network of this devoted “Fetian” (a term coined by B.A. Sadovskoy) included V.I. Solovyov, L.N. Tolstoy, Grand Duke Konstantin Konstantinovich (the poet “K.R.”), Ya.P. Polonsky, V.Ya. Bryusov, the owner of the “Scorpio”

publishing house S.A. Polyakov, Professor B.V. Nikolsky, the founder of the “Common Cause” philosophy N.F. Fedorov, educator I.M. Ivakin, publicist Yu.P. Bartenev, writer and collector A.V. Zhirkevich, artist L.O. Pasternak, art historians I.S. Ostroukhov and I.E. Grabar, poet, prose writer, and literary historian B.A. Sadovskoy, among others. These individuals were all connected to Fet in some way, whether through personal ties, efforts to preserve his memory, or a deep appreciation for his work. Chernogubov's personal meetings, interactions, and correspondence with many of Fet's relatives and associates were driven by his search for archival materials related to the poet he revered (the scholar planned to publish a scholarly biography of Fet and establish a museum in his name in Moscow). Drawing on epistolary and memoir sources, including archival materials, this study attempts not only to trace the formation and fate of the Fet collection but also to reconstruct the biography of this remarkable individual, one of the “Fetishists” (a term used by P.P. Pertsov), against the backdrop of a tumultuous era.

Key words: first-wave Fet scholars, epistolary, memoirs, “Scorpio” publishing house, Scientific biography

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.4.122-149

Внушительный список фетоведов «первой волны», бесспорно, возглавляют имена известных философов Н.Н. Страхова и Вл.С. Соловьева, ближайших друзей и ценителей поэзии Фета, его помощников и корреспондентов, каждый из которых внес свой вклад в науку о поэте. Далее следуют его знакомые и корреспонденты: поэт, прозаик и публицист А.А. Голенищев-Кутузов – автор восторженной рецензии на три выпуска «Вечерних огней» (1888 г.); литератор, собеседник поэта, автор нескольких посмертных статей о нем в «Московских ведомостях» (1893 г.) и «Русском вестнике» (1894 г.) Ю.Н. Говоруха-Отрок. Одним из первых, кто обратился к изучению, систематизации и атрибуции стихотворений Фета был профессор, ученый-правовед, литературовед Б.В. Никольский – составитель и редактор наиболее полного марксовского издания стихотворений Фета в трех томах (СПб., 1901). Список был бы неполным без хрестоматийных для фетоведения имен, среди которых: блестящий знаток биографии и творчества поэта, собиратель его архива Н.Н. Черногубов; литератор В.С. Ильяхенко (псевд. «В.С. Федина»), выпустивший первую биографическую книгу о поэте «А.А. Фет (Шеншин). Материалы к характеристике» (Пг., 1915); поэт, прозаик, историк литературы Б.А. Садовской, автор многочисленных работ о Фете и книги «Ледоход» (Пг., 1916 г.); библиограф, критик, литературовед Д.С. Дарский, перу которого принадлежит тонкий анализ фетовской поэтики «“Радость земли“. Исследование лирики Фета» (М., 1916 г.); филолог Ю.А. Никольский, автор фундаментальной статьи о полувековой истории отношений двух поэтов «История одной дружбы: Фет и Полонский» (1917 г.), кроме того, готовивший в 1919 г. их обширную переписку в двух томах (издание не состоялось); писатель и филолог Г.П. Блок, автор книги «Рождение поэта. Повесть о молодости Фета: По неопубликованным материалам» (Л., 1924 г.) и составитель Летописи жизни и творчества поэта, которая в 1930-е гг. готовилась к печати, но появилась на

свет лишь после смерти ученого (Курск, 1985 г.). Некоторые из этих «влюбленных в Фета» исследователей становились предметом изучения, пополнившего науку о поэте новыми материалами¹.

В блестящем созвездии имен Черногоубов занимает скромное, но едва ли не первое место и как фетовед отмечен не столько исследовательскими достижениями, сколько своим неоценимым вкладом в дело архивных разысканий наследия поэта и планомерным копировании найденных документов, некоторые из которых оказались утрачены и остаются известны лишь в черногоубовских копиях (например, машинописи с правкой исследователя семи писем Фета Соловьеву, автографы которых неизвестны). Современным фетоведам хорошо знаком его бисерный витиеватый трудночитаемый почерк. Следует отметить, что Черногоубову и его архиву посвящена информативная статья Г.Д. Аслановой (1999 г.), положившая начало изучению первого фетовского биографа². К настоящему времени выявленные материалы позволяют дополнить и скорректировать имевшиеся ранее сведения как о самом Черногоубове, так и о предпринятых им поисках, формировании архива и его судьбе.

Николай Николаевич Черногоубов (1873–1941), московский коллекционер, искусствовед, знаток древнерусского искусства; собиратель наследия Фета и исследователь его жизни и творчества. Родился в г. Чухлома Костромской губ., потомственный дворянин, в 1893 г. поступил на филологический ф-т Московского университета (одно время учился вместе с В.Я. Брюсовым, с которым надолго сохранил дружеские отношения), вышел с третьего курса; преподавал в ряде московских училищ и гимназий. С 1902 г. помощник хранителя Третьяковской галереи; в 1913 г. становится главным хранителем и правой рукой И.Э. Грабаря (вплоть до своего отъезда в Харьковскую губ. весной 1917 г.)³. Оставленный до лучших времен в Москве собранный им ценнейший архив Фета в 1924 г. поступил в Ленинскую библиотеку. Погиб исследователь во время немецкой оккупации Киева в октябре 1941 г. Такова краткая канва его жизни.

Началом своих архивных разысканий и научного изучения боготворимого им поэта Черногоубов считал середину 1890-х гг. Вплоть до 1917 г. он фанатически собирал материалы – ездил по городам, расспрашивая людей, знавших Фета, изучал архивы, планомерно рассылал запросы к родственникам и многочисленным его адресатам. Иногда покупал, но чаще выпрашивал автографы и, если требовалось возвратить, оставлял себе копии, что, как оказалось,

¹ См., например: Влюбленные в Фета: Письма Г.П. Блока к Б.А. Садовскому (1921–1922) / вступ. ст., коммент. и публ. С.В. Шумихина // Наше наследие. 2007. № 83/84. С. 84–111; 2008. № 85. С. 76–114 [1]; Ипатова С.А. Б.А. Садовской о Фете, или Как не состоялась книга «А.А. Фет. Жизнь и творения» (1913) // А.А. Фет: Материалы и исследования. К 200-летию со дня рождения поэта (1820–2020). IV / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. СПб.: Росток, 2021. Вып. 4. С. 146–185 [2].

² См.: Асланова Г.Д. Роковое фетианство // Наше наследие. 1999. № 49. С. 55–59 [3].

³ Биография Черногоубова полна лакун и неясностей, поэтому большой удачей оказалась находка его личного дела периода сотрудничества в Третьяковской галерее, помеченного 1913 г. (ЦГАМ. Ф. 179 (Московская городская управа). Оп. 37. № 2025 [4]).

не лишено было смысла, поскольку, повторим, подлинники некоторых из них оказались впоследствии утраченными. Собранный в короткий срок богатейший материал, включая всю прижизненную иконографию, Черногоубов именова-вал музеем и неоднократно упоминал о своем желании основать в Москве музей памяти Фета, а также написать его научную биографию. О конечной цели своих поисков Черногоубов признавался 31 октября 1901 г. своему знакомому, управляющему делами вел. кн. Константина Константиновича («К.Р.») П.Е. Кеппену: «Мой план – постепенно расширяя свой музей – захватить в него и Тургенева, и Толстого, и др., чтобы было куда уйти и от “забастовок”, и от “реформ” – в то истинное “отечествоведение”, которое, конечно, не уместится в грошовые книжонки» [5, л. 10 об.].

После смерти Фета в 1892 г. и его вдовы († 1894) архив, хранившийся в имении Воробьевка (Курская губ.), отошел племянникам жены (в девичестве Боткиной) Сергею и Петру Боткиным. Е.В. Федорова (по мужу Кудрявцева), последние шесть лет жизни поэта исполнявшая обязанности его секретаря, после смерти вдовы сообщала 14 апреля <1894 г.> дочери Я.П. Полонского Наталье Яковлевне: «Относительно писем Якова Петровича скажу, что они все спрятаны в Воробьевке, и разобраны мною прошлым летом в хронологическом порядке. Воробьевка достается Боткиным Петру и Сергею, а следовательно, и все, что в ней есть, – им же. Как они распорядятся со всей перепиской Аф<анасия> Аф<анасьевича>, – не знаю. Взять же у них эти письма – не имею права. Вы бы могли лично обратиться к ним с этой просьбой» [6, л. 2–2 об.]. Позднее, посетив фетовское имение в конце июля 1894 г., Федорова написала 21 сентября литератору, коллекционеру автографов и корреспонденту Фета А.В. Жиркевичу: «Милая моя Воробьевка! <...> Грустно, что теперь Воробьевка опустела, и едва ли кто-нибудь в ней будет жить! Грустно! Грустно! Книги и бумаги Аф<анасия> Аф<анасьевича>, письма все в Воробьевке, пока остались там, как были. Да и едва ли будут разбираться. Если бы это досталось людям, любящим поэзию, интересующимся, – но, к несчастью, надо признаться, что наследники Воробьевки мало развиты, поэзии даже вовсе не любят, Афан<асия> Афан<асьевича> едва ли понимали. Да и некогда им этим заниматься. Жаль, что они не передадут все эти бумаги кому-нибудь интересующемуся этим» [7, с. 28].

Неизвестны переговоры Черногоубова с наследниками, сыновьями Дмитрия Петровича Боткина († 1889), родного брата жены Фета Марии Петровны, по завещанию получивших в собственность Воробьевку и все ее содержимое; неизвестны и условия, на которых значительная часть воробьевского архива была передана сумевшему их впечатлитель начинающему исследователю, скорее всего, безвозмездно, поскольку едва ли вчерашний студент располагал достаточными средствами на покупку бесценных бумаг Фета, весом 15 пудов (приблизительно 250 кг. – С.И.). Именно этот массив станет впоследствии ядром фетовского собрания, поступившего в 1924 г. в отдел рукописей Ленинской библиотеки

(бывш. Румянцевский музей; ныне НИОР РГБ), образовав личный фонд 315. Говоря о начальном составе черногубовской коллекции, следует упомянуть и о судебных делах мирового судьи Фета, которые исследователь вывез из мценского архива. Это 57 папок разбиравшихся им гражданских и уголовных дел на протяжении 10 лет с 1867 по 1876 г., а также дел по апелляциям⁴.

Поиски фетовских рукописей сопровождались всесторонним изучением биографии и творчества поэта; об уровне его познаний говорит тот факт, что исследователь был привлечен в качестве консультанта к подготовке первого «Полного собрания стихотворений А.А. Фета» (1901 г.), предпринятого авторитетным фетоведом, петербургским профессором римского права Б.В. Никольским⁵. В редакторском предисловии, поблагодарив Черногубова за «многие ценные указания», Никольский упомянул, что тот собирался или уже писал биографию поэта; от него «наша литература вправе ожидать образцовой биографии Фета, беспримерной по богатству материалов, их тщательному и полному изучению и совершенно исключительной любви составителя к поставленной себе задаче» [10, с. VI–VII]. Местонахождение текста фетовской биографии, составленной исследователем (в каком бы то ни было виде), неизвестно. В дневнике под датой «27 августа» 1900 г. Никольский оставил следующую запись с проницательной характеристикой Черногубова, которого маститый ученый поддерживал и на которого как фетовед имел влияние: «Показал ему в корректуре мой комплимент ему в редакторском предисловии. Развивал свою мысль о том, что Фет и Толстой разомкнувшиеся полюсы того тока, который просиял в Пушкине. Показал, что весь Толстой ни слова не прибавил к “Однажды странствуя среди долины дикой” («Странник» Пушкина; 1835. – С.И.). Словом, развивал свою теорию Фета. Вообще, я Черногубова поддерживаю: это человек, в котором Фет если не оживет, то не умрет. Это посмертный Босвель Фета⁶. Хотя глуповат он во многом кроме Фета. Его ум ужален Фетом. Он все видит около этого центра. Я даже влюбленных таких не видывал. Мне кажется, он готов по-персидски учиться, чтобы оценить переводы Фетом Гафиза с немецкого. И влюбленный видит в любимом все совершенства, а Черногубов докапывается до самых отрицательных данных – и радуется им, точно подвигам. Ему нужна достоверность, он ей радуется. Вывез из Воробьевки 15 пуд<ов> рукописей» [11, с. 414–415]. Из неопубликованной

⁴ См.: Родионова А.Е. Документальное наследие А.А. Фета в фондах отдела рукописей РГБ: история поступления документов, структура личного архивного фонда, археографический обзор // «Я к наслаждению высокому зову» (Фетовские чтения в Воробьевке): мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. 12–14 июля 2024 года. Курск: Изд. КГПУ, 2024. С. 5–6 [8].

⁵ См.: Иванова Е.В., Шумихин С.В. Никольский Борис Владимирович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Изд. Большая Росс. Энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 321–323 [9].

⁶ Шотландский писатель и мемуарист Дж. Босуэлл (Boswell), автор двухтомной биографии «Жизнь Сэмюэля Джонсона» (1791 г.), построенной на диалогах и подробном описании личных качеств поэта, знаменитого критика и лексикографа С. Джонсона.

переписки Никольского с Черногоубовым периода подготовки издания более детально выясняется мера участия последнего в этом процессе. 14 января 1900 г. Никольский из Петербурга благодарит исследователя «за любезную присылку стихотворений»; прилагает копию с неизвестного на тот момент фетовского переложения молитвы «Отче наш» и добавляет: «Ваши поправки к статье Страхова очень ценны. Не прислать ли Вам ее в корректуре, когда она будет набрана? Очень бы обязали и меня, и всех будущих читателей Фета, если бы просмотрели ее в гранках» [12, л. 8–8 об.], а 5 мая 1900 г. добавляет: «Прилагаю полное оглавление всех 3-х томов стихотворений Фета. Корректуру пришлю, как только получу сам набор биографии Фета. – Искренне благодарен Вам ... за стихотворения; но они мне были известны по рукописям автора и вошли в издание» [12, л. 5].

Черногоубов ответил статьей «К хронологии стихов Фета», опубликованной в «Северных цветах на 1902 г.»: «... благодарю Б.В. Никольского за любезные обо мне строки в его предисловии, но считаю себя вправе свободно отнестись к его редакторскому труду» [13, с. 215]. И далее на десяти страницах он приводит многочисленные недостающие в издании библиографические справки, а также исправляет «погрешности» в датировках, биографических материалах и отмечает прочие недочеты, обнаруживая глубокие познания в истории издания фетовских текстов, не всегда, впрочем, бесспорные.

Итак, Черногоубов с разрешения наследников предположительно в 1895–1896 гг. вывез архив Фета из его курского имения Воробьевка, по материалам которого опубликовал две статьи: «Происхождение А.А. Фета» (1900 г.)⁷ и «К хронологии стихов Фета» (1902 г.) – расширенную рецензию на вышедшее издание Собрания стихотворений поэта. Кроме того, сделал ряд публикаций в двух символистских альманахах «Северные цветы» (на 1901 и 1902 гг.), а именно: неизвестные стихотворения Фета; семнадцать писем Вл. Соловьева к поэту (1881–1892 гг.) и два его же к Марии Петровне; записка Н.А. Некрасова к Фету (1857 г.); фрагмент фетовской статьи «Где первоначальный источник нашего нигилизма»; а также в журнале «Русское обозрение» (1901 г.): несколько неизданных стихотворений поэта; два письма Тургенева Фету (1867 г., 1878 г.); одно – Л. Толстого (1873 г.); выборочные письма из переписки Фета и Страхова (1877–1879 гг.), обширное письмо Вл. Соловьева поэту (1892 г.); не воспроизводившееся ранее «Послесловие А. Фета к его переводу А. Шопенгауэра»⁸. К сожалению, большинство перечисленных публикаций не снабжены необходимым текстологическим и реальным комментариями.

До сих пор остаются неопубликованными несколько статей Черногоубова (скорее, подготовительных материалов к статьям в виде набросков), посвященных поэту: «О пребывании Фета в Московском ун-те»; «Об издании Фетом сборника своих стихотворений в Москве в 1850 г.»; «Переписка Фета с Тургеневым»;

⁷ См.: Черногоубов Н.Н. Происхождение А.А. Фета // Русский архив. 1900. Т. 38, № 8. С. 523–536 [14].

⁸ См.: Послесловие А. Фета к его переводу А. Шопенгауэра / сообщ. Н.Н. Черногоубов // Русское обозрение. 1901. Вып. 1. С. 274–280 [15].

«О поэме Фета “Две липки”»; «О поэме Фета “Студент”». По каким-то причинам эти материалы не были доработаны. Известно, что в 1909 г. Чернуговов намеревался целиком в виде отдельной книги выпустить в издательстве «Мусагет» письма Фета Страхову. Об этом, обсуждая портфель редакции, сообщает Андрей Белый Э. Метнеру 31 августа (13 сентября) 1909 г: «...ненапечатанные письма Фета Страхову (где есть отзывы о поэтах, писателях) обещается дать Чернуговов – первый знаток Фета и всяческий коллекционер редкостей» [16, с. 676], а позднее, около 10 (23) сентября, добавляет: «Полезный друг (Б. Садовской. – С.И.) привел к нам Чернуговова (специалиста по архивам ценностей культуры)» [16, с. 717]⁹. Неисключено, что письма Фета Страхову были получены Чернугововым от проживавших на Украине наследников – племянницы философа и ее мужа И.П. Матченко, с которым он состоял в переписке с 1900 по 1903 г.

В.Я. Брюсов, побывав у Чернуговова в апреле 1900 г., в восхищении описал его архив: «Материалы, собранные им о Фете, бесконечны: полторы тысячи подлинных писем, несколько нигде не напечатанных стихотворений, много стихов, не вошедших ни в одно из изданий, да 10 приблизительно папок с вырезками из журналов старых и новых о Фете... Кроме всего этого, все издания Фета, подписанные и анонимные... Еще почти такой же подбор материалов о Ап. Григорьеве и многое, очень многое о Тургеневе» [18, с. 101]¹⁰. Еще об одном раритете Брюсов упоминает в дневнике под датой «Май» <1900>: «Видаюсь с Чернугововым. Получил он от Сементковского (Семенковича? – С.И.) корректуру изд<ания> <18>94 г. с пометками и надписями Страхова и К.Р.» [18, с. 103]¹¹.

Насколько высоко Брюсов оценивал фетоведческие познания Чернуговова, а также свои с ним дружеские отношения, подтверждает тот факт, что 7 января 1903 г., в день, когда состоялся знаменитый доклад Брюсова о Фете по случаю 10-летия со дня смерти поэта, он послал ему приглашение: «Сегодня я таки читаю о Фете. Приходите, будет много разговоров. Едва ли это не первое публичное о Фете прение. Начало в 9 Адрес: Тверская, д. Елисеева. Литер<атурно>-худож<ественный> кружок. Ваш Валерий Брюсов» [20, л. 23]. Вероятно, Чернуговов был на этом знаковом для символистов чтении, осознавая себя частью происходящего процесса перелома в отношении к наследию своего кумира, за которым к концу XIX в. в среде символистов закрепляется восторженное представление как об учителе: «...мы, “начинающие”, – вспоминал критик и поэт П.П. Перцов, – сознательно считали себя “фетьшистами” и исповедовали “магометанский” тезис> Тургенева: «“Нет Фета, кроме Фета”»» [21, с. 97]. На материале стихотворений поэта Брюсов, выступая на вечере, стремился до-

⁹ См. также: Из переписки <Фета и Страхова>; (1877–1879) // Русское обозрение. 1901. Вып. 1. С. 71–101 (имя Чернуговова не указано) [17].

¹⁰ См. об этом также: Молодяков В. Мой Брюсов: Публикации. Статьи. Собрание. М.; СПб.: Нестор-История, 2023. С. 205–206 [19].

¹¹ Скорее всего, имелся в виду В.Н. Семенкович, этнограф, публицист, родственник Фета и распорядитель его литературного наследия; Чернуговов с 1897 г. состоял с ним в дружеской переписке.

казать, что идеи символизма существовали в русской поэзии до его возникновения и связывал представления о новом искусстве с Фетом как его предтечей. Обстоятельства этого вечера были описаны самим Брюсовым в статье «Фетовский вечер и фетовский скандал»¹², а положения доклада он развил в статье «А.А. Фет. Искусство или жизнь» (1903 г.)¹³. На чтении возникла скандальная полемика, развернувшаяся следом на страницах нескольких изданий, в которой оппоненты докладчика перешли в своих аргументах против «нового искусства» с обсуждения поэзии Фета на якобы неприглядные стороны его личности (ретроград-крепостник, эпикуреец, плохой поэт и пр.)¹⁴.

Черногоубов не только предоставлял свои материалы для публикаций, но и не считал зазорным продавать автографы различным издательствам («Весы», «Северные цветы», «Русский архив», «Скорпион»). 23 мая 1900 г. Брюсов отметил в дневнике: «Черногоубов разошелся с “Русским архивом”, вероятно, запросил слишком дорого» [18, с. 103]; под датой «Конец сентября» того же года в связи с альманахом «Северные цветы» он добавляет: «Покупали у Черногоубова разные бумаги. Но он дорожился. За стихи Фета просит 35 р. за 8 строк, за записку Пушкина 50 р.» [там же, с. 108]. В договоре по сделке на первый сборник значилось: «Я, Николай Николаевич Черногоубов, уступил книгоиздательству “Скорпион” для напечатания ... следующие вещи: 1) Записку А.С. Пушкина к А.А. Муханову февраля 1827 г. за 50 рубл<ей> (пятьдесят); 2) Два стихотворения А.А. Фета “Твоей приветливой щедротой” («Михаилу Хрущеву». – С.И.) и “Рододендрон”, неизданные, за шестьдесят рубл<ей>, а именно первое за 35 р<ублей>, а второе за 25 р<ублей>; 3) Двадцать пять писем Вл.С. Соловьева к А.А. и М.П. Фетам с платой по 100 р<ублей> за печатный лист (38 000 букв); уплата должна производиться за все двадцать пять писем, хотя бы напечатаны они были не все. Представитель книгоиздательства “Скорпион” Валерий Брюсов. 28 января 1901 года» [25, с. 63; сверено по автографу]. Оба стихотворения Фета и подборка из 19 писем Соловьева были опубликованы в альманахе «Северные цветы на 1901 год»¹⁵, что было приурочено к годовщинам смерти Соловьева († 1900) и предстоящему первому юбилею со дня смерти поэта († 1892).

Ко второму сборнику «Северные цветы» Брюсовым также был составлен договор: «Я, представитель книгоиздательства “Скорпион”, купил у Николая Николаевича Черногоубова 1) 9 листочков отрывков из Тургеневских писем, не

¹² Брюсов В.Я. Фетовский вечер и фетовский скандал // Новый путь. 1903. № 2. С. 188–192 [22].

¹³ Брюсов В. А.А. Фет. Искусство или жизнь // Брюсов В. Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М.: Книгоизд. «Скорпион», 1912. С. 18–26 [23].

¹⁴ См.: Ходасевич В. Московский литературно-художественный кружок // Воспоминания о Серебряном веке / сост., предисл. и коммент. В. Крейда. М.: Изд-во «Республика», 1993. С. 389–390 [24].

¹⁵ Письма Владимира Соловьева к А.А. Фету // Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1901. С. 146–159 [26]. В тот же год Черногоубов опубликовал еще одно письмо Соловьева Фету (от 15 июля 1892 г.) (см.: Письмо Вл. Соловьева <к Фету от 15 июля 1892 г.> // Русское обозрение. 1901. Вып. 1. С. 104–106 [27]).

напечатанных доселе, от 1859 по 1873 г. (письма Тургенева уже были напечатаны в «Моих воспоминаниях» Фета с некоторыми изменениями [46]; редакция восстановила тексты по автографам. – С.И.). 2) Стихотворение А. Фета “Перекладывают тройки”. 3) Стихотворение его же “Не толкуй об обезьяне” («Петру Ивановичу Борисову». – С.И.). 4) Отрывок о школах и университете из статьи А. Фета “Где источник”¹⁶. 5) Записка Некрасова Н.Ал. к А. Фету. 6) Стихотворение Я.П. Полонского “На Воробьевском флигеле”. Все сие, нигде не напечатанное, продано за двести рублей. 27 октября 1901 года Валерий Яковлевич Брюсов» [29, с. 63–64]. «Ник. Ник. Черногоубов, вечный, – сообщал Брюсов издателю С.А. Полякову 29 июля 1902 г., – предлагает Вам такую сделку: отдает для Сев<ерных> Цв<етов> <1>903 года вновь им отысканное стихотворение Фета (надо будет, конечно, убедиться, не подложное ли ...)» [30, с. 63]. О каком стихотворении идет речь, сказать трудно – в альманахе на 1903 год никакие фетовские материалы не печатались.

С родоначальником философии «Общего дела» Н.Ф. Федоровым Черногоубов познакомился в стенах Румянцевской библиотеки, вероятно, во второй половине 1890-х гг. И.М. Ивакин 27 апреля 1899 г. обратился к Федорову с просьбой помочь устроить бедствующего Черногоубова по цензурному ведомству¹⁷; неизвестно, принял ли участие известный философ в судьбе молодого исследователя, которому он уже был, вероятно, представлен. Б.В. Никольский, описывая в дневнике (7 ноября 1898 г.) «сочувственное» отношение вел. кн. Константина Константиновича («К.Р.») к Черногоубову, сообщает, что «ему лично в этом молодом человеке особенно симпатична и его замечательная скромность: ему известно, что Черногоубову предлагали должность в Румянцевском музее, но Черногоубов отказался, считая себя недостойным этой должности» [11, с. 227]. Так ли было на самом деле, неизвестно. Подробности знакомства фетоведа с Федоровым описывает со слов самого Черногоубова издательница Н.И. Дорофеева в письме к литератору И.П. Брихничёву от первой половины 1913 г.: «Познакомился я, говорит (Черногоубов. – С.И.), с Н<иколаем> Ф<едоровичем> вот при каких обстоятельствах. Я очень увлекался Фетом-Шеншиным, потратил почти 6 лет на соби́рание сведений из его биографии, разных фактов и пр<очих> данных, ездил по разным городам, где был Фет, и работал в Рум<янцевском> Музее, – Федоров заметил, с каким рвением я стараюсь воспроизвести все, что касается умершего Фета, понравилось ему это, и тут завязалось это знакомство. Интересовался Николай Федор<ович> незаконнорожденностью Фета ..., относился к

¹⁶ Речь идет о небольшом фрагменте статьи Фета «Где первоначальный источник нашего нигилизма» (1882 г.), затрагивающем проблему образования (см.: Деревенский житель (А. Фет). Где первоначальный источник нашего нигилизма // Северные цветы на 1902 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1902. С. 191–193 [28]).

¹⁷ См.: Письмо И.М. Ивакина к Н.Ф. Федорову от 27 апреля 1899 г. // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. / сост., подгот. текста, примеч. А.Г. Гачевой при участии С.Г. Семеновы. Т. 4. М.: Изд. Evidentis, 2005. С. 651–652 [31].

этому факту с участием, т<ак> к<ак> и сам он незаконнорожденный – он сын одного из кн. Гагариных и, кажется, крестьянки». / Всю «жизнь, говорит Черногоубов, я смотрел на Ник<олая> Фед<оровича> с раскрыт<ым> ртом ... / Всех, всякого считал своим врагом, кто не соглашался с ним <...>. Очень был нетерпимый, страшно подозрительный, невозможный, больше двух дней трудно было ужиться с ним... Не был он тихим философом, это был гневный пророк...»; в «последнее время не мог переносить Толстого, сжимал кулаки, с пеной у рта ругательски ругался ... *лицемер*» [32, с. 190–191].

Фет был знаком с Федоровым (вероятно, с осени 1881 г.), интенсивно общался с ним как в доме Л.Н. Толстого, так и в библиотеке Румянцевского музея. Одним из источников содержания этого общения являются воспоминания И.М. Ивакина, помогавшего Фету в 1887 г. в редактировании перевода «Элегий» Проперция¹⁸. Сохранились два письма Фета, адресованные Федорову (1887 г., 1892 г.). Согласно комментарию А.Г. Гачевой к письму от 6 декабря 1887 г., «А.А. Фет принадлежал к числу тех лиц из окружения Н.Ф. Федорова, которые были знакомы с его идеями. В заметке “Небольшой эпизод в истории Москвы 1892 г. или колоссальный проект” Н.Ф. Федоров указывает на то, что А.А. Фет “принимал некоторое участие” (правда “непрямо”) в учении о воскресении, однако что именно имеется в виду – знакомство с учением или его распространение, установить трудно, не имея дополнительных данных. Вопрос о том, насколько понимал и принимал Фет идеи Федорова, остается открытым. <...> ... в стихах позднего Фета есть интонации, роднящие его с Федоровым» [34, с. 524].

Весной 1902 г. Черногоубов предложил Федорову опубликовать однотомник его сочинений (*Opera omnia*) в издательстве «Скорпион», выступая в качестве посредника. Философ относился к фетоведу двойственно: с одной стороны, ценил его стремление воскресить память о поэте, с другой – не доверял, вероятно подозревая, что тот собирался издавать его наследие не бескорыстно. Черногоубов приложил немало усилий, чтобы осуществить публикацию сочинений философа, – занимался перепиской его работ, искал деньги на издание (так, он признавался Ивакину, что затраты брал на себя вел. кн. Константин Константинович, с которым фетовед был знаком). Проект не состоялся. Неисключено, справедливо полагает А.Г. Гачева, что черновик работы Федорова – проповедь «Беседа в храме кадетского корпуса по поводу циркуляра 12 августа о сокращении вооружений», написанной в 1898 г., то есть через шесть лет после смерти Фета, оказался в архиве поэта через Черногоубова, готовившего издание работ философа¹⁹. После смерти Федорова, последовавшей 15 декабря 1903 г., издатель

¹⁸ См.: Из «Записок» И.М. Ивакина / публ. и коммент. Т.Г. Никифоровой // Октябрь. 1996. № 9. С. 148–157 [33].

¹⁹ См.: Письма Н.Ф. Федорову разных лиц // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Дополнения. Комментарии к четвертому тому / сост. и подгот. текста А.Г. Гачевой; коммент. А.Г. Гачевой при участии С.Г. Семенов. М.: Традиция, 2000. С. 525 (примеч. 14 к письму Фета Федорову от 6 декабря 1887 г.) [34].

«Весов» С.А. Поляков через Брюсова заказал именно ему поминальную заметку о «Старце» для первого номера «Весов»²⁰.

Вернемся к письму Дорофеевой. В Соловьеве Черногубов, знакомый с ним лично, видел «талантливого приват-доцента», и только, считая, что успех его происходил «не от его философии», а всецело от кокетства со всеми: «он снимался всегда красивым, делал красивую прическу», усы и бороду, «был очень изящный»; он «обильно пересыпал свою речь “крепкими выражениями” — за что дамы особенно его любили...». Далее в письме Дорофеевой читаем: «Однажды я, говорит Черногубов, поехал к Фету (так! — С.И.), чтоб взять переписку из стола Соловьева с Фетом — Соловьев дал ключ, это спустя 7 лет после смерти Фета... Открываю стол и о, изумление! целая груда женских писем к Соловьеву <...> он не был ученик Федорова — с его учением он флиртовал, <как> с многими другими» [32, с. 192–193]. Скорее всего, в письме описка или опечатка, и на самом деле следует читать: «поехал к Соловьеву, чтоб взять переписку».

Деятельности Черногубова в качестве искусствоведа и хранителя Третьяковской галереи в настоящем исследовании мы не рассматриваем, но, поскольку некоторые характеристики помогают воссоздать наружность (поиски его фотографии оказались безуспешными) и психологический портрет неординарной личности, приведем некоторые из них. Искусствовед П.П. Муратов вспоминал: «Это был странный человек! ... одевался он в черное, неумело как-то и не по-европейски, сложения был сухого, роста среднего У него была очень круглая голова и лицо круглое, несколько кошачье, и кошачье тоже было нечто и в усах его, и в глазах светлых, но непроницаемых. ... Ходил тихо и неслышно» [37, с. 359–361]; ругал передвижников, отражавших «общественные тенденции». Художник и коллекционер князь С.А. Щербатов полагал, что собиранию икон, ставшему целью и содержанием жизни, Остроухов был полностью обязан Черногубову, «грязно одетому», со «злыми хитрыми и умными глазами, всегда возбужденными, пристально, подчас вкрадчиво смотрящими, сильно картавящему на особом старинно-русском языке (не без нарочитости)»; этот «ловкий, хитрый и подобострастный» человек являлся «ценнейшим наставником и руководителем Остроухова»²¹.

²⁰ Н. [Черногубов Н.Н.]. Николай Федорович Федоров // Весы. 1904. № 1. С. 54 [35]. Кроме того, Черногубов оставил небольшие воспоминания о Федорове, целиком воспроизведенные в: Письма <Н.Ф. Федорова> // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Дополнения. Комментарии к четвертому тому / сост. и подгот. текста А.Г. Гачевой; коммент. А.Г. Гачевой при участии С.Г. Семеновой. М.: Традиция, 2000. С. 428–429 (примеч. к письму Федорова Черногубову от 22 августа 1903 г.) [34]. См. также: Гачева А.Г. В.Я. Брюсов, Н.Ф. Федоров и деятели Федоровианы 1900–1920-х годов: Вопрос о смысле и целях искусства. Статья вторая: по страницам журнала «Весы» // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 2(82). С. 46–47 [36].

²¹ См.: Щербатов С., князь. Художник в ушедшей России / вступ. ст. В. Нехотина. М.: XXI век — Согласие, 2000. С. 228–237 [38].

На фоне многочисленных не очень доброжелательных отзывов о Черногоубове (П.П. Муратов, С.А. Щербатов, М.В. Нестеров и др.) следует привести восторженную характеристику, данную И.Э. Грабарем, живописцем, искусствоведом и попечителем Третьяковской галереи (с 1913 г.). Вспоминая своего сослуживца, он писал: «Николай Николаевич Черногоубов был человек особенный, не на каждом шагу встречающийся, и в истории Третьяковской галереи ему должно быть отведено видное место. Блестяще одаренный, наделенный острым, едким умом, он не щадил никого из своих многочисленных недоброжелателей и завистников. А их было много. В самом деле, Черногоубов сделал в каких-нибудь пять-шесть лет поистине головокружительную карьеру, не дававшую многим покоя. / Молодым учителем одной из московских гимназий он пришел к Остроухову, бывшему по жене в родстве с Фетом, для пополнения своих материалов по биографии и творчеству поэта, которого специально изучал <...> Остроухов полюбил его, постоянно приглашая к себе, и предложил ему в конце концов место помощника хранителя Галереи <...> был одним из первых, серьезно заинтересовавшихся древнерусской иконой и оценивших ее художественное значение. <...> ... в вопросах искусства, в деле распознавания подлинников от подделок, в вопросах художественной оценки – о материальной и говорить нечего – он разбирался, как немногие в тогдашней России. <...> С этим драгоценным человеком, источником всяких знаний и огромного опыта, судьба свела меня для проведения обширных работ по реорганизации Третьяковской галереи ...» [39, с. 248–253].

Неожиданное свидетельство о том, что Черногоубов был знаком с Фетом и чуть ли не дружен с ним, – не имеющее, однако, под собой никакого документального подтверждения, – содержится в тех же воспоминаниях Грабаря: якобы заручившись рекомендацией Остроухова, Черногоубов задался целью добыть сведения о происхождении Фета, «что ему блестяще удалось», он «поехал к нелюдимому Фету в его имение, сумел снискать его полное доверие и прожил там целое лето. Бедный старик не подозревал, с какой целью проживал у него этот милый, славный Николай Николаевич, с таким приятным, вкрадчивым голосом, пушистыми русыми усами и каскадом острот. Он бывал у Фета еще не раз, был даже в день его смерти и присутствовал на похоронах», сумел достать из гроба «таинственный конверт» с письмом матери поэта, надписанный «Вскрыть после моей смерти», и таким образом узнать разгадку: «Фет не был Шеншиным»²². Эту фантастическую версию Грабарь излагает, возможно, со слов Черногоубова, склонного к отнюдь не безобидным фантазиям. Версия со вскрытием фетовского гроба упорно циркулировала в литературной среде²³.

Поэт, критик, фетовед Борис Садовской познакомился с Черногоубовым

²² См.: Грабарь И.Э. Моя жизнь: автобиография. Этюды о художниках / сост., вступ. ст. и коммент. В.М. Володарского. М.: Республика. 2001. С. 249.

²³ См.: Эренбург И. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: в 3 т. Т. 1 / вступ. ст. Б.М. Сарнова. М.: Сов. писатель, 1990. С. 53 [40].

на журффиках у Брюсова в ноябре 1903 г. и на первых порах аттестовал его как «поджарого фетианца»²⁴. Позднее, когда они близко сошлись на почве интереса к поэту, он рекомендовал его издательству «Мусажет» как специалиста по Фету. Садовской оставил описание архива, каким он увидел его в 1911 г.: «Николай Николаевич Черногубов жил на Мало-Царицынской, близ Новодевичьего монастыря. <...> Родом он был из дворян и жил в Москве одиноко с матерью»; квартира Черногубова состояла «из трех комнат; в первой, приемной, с полу до потолка портреты Фета, всех возрастов и эпох, в углу его же гипсовый бюст, работы Ж.А. Полонской. Другой поменьше, сделанный Досекиным, на старом бюро»; тут же маски Пушкина, Гоголя (первый снимок от наследников скульптора Рамазанова, дивный по сходству) и Н.Ф. Федорова»; в «столах и шкапах рукописи Фета, портфели и судебные дела его в синих казенных обложках. Всюду старые картины, иконы, целый шкаф с фарфором»²⁵. Об увиденной коллекции более предметно Садовской писал в Петроград начинающему фетоведу Г.П. Блоку, вероятно, в марте 1921 г. (письмо не сохранилось), который отвечал 7 апреля 1921 г.: «То, что Вы сообщаете о составе черногубовской коллекции *me fait venir l'eau à la bouche* (*франц.* от этого у меня слюнки текут). Я знал, что у него много, но о таких сокровищах, как письма Елены Лариной (Марии Лазич. – С.И.), переписка с М<арией> П<етровной>, письма Соловьёву, портреты и черновые рукописи, я не подозревал» [1, № 83/84, с. 92]; и далее, перечисляя свои архивные находки, добавляет, что это «все, что осталось от Фетовского архива после “разборки” его Черногубовым».

Садовской дает любопытный портрет фетоведа: «Сухощавый, темно-русый, в усах, он походил не то на переодевшегося черта, не то на хорошего английского пойнтера. Нечто чертовское и костлявое в нем действительно было, особенно когда надевал он котелок. Черногубов кончил Костромскую гимназию, был филологом Московского университета вместе с Брюсовым и вышел с третьего курса. Говорил с явственным костромским акцентом, ... при обширном уме ... духовно был очень беден и, конечно, страдал от этого. Фетом, вещами и картинами пытался он заполнить роковую пустоту. В душе ничему не верил и ничего не любил. Культ Фета некогда пылал в Черногубове ярким пламенем. Еще юношей объехал он все фетовские места, жил там, долго бредил Фетом как полумный. На любви к Фету мы с ним и сошлись; этой веревочкой – Фетом – воистину связал нас сам черт» [41, с. 168–169].

Итак, собирать фетовский архив Черногубов начал в середине 1890-х гг., рассылая письма к родственникам, друзьям и знакомым, корреспондентам поэта с просьбой позволить ознакомиться и если не отдать, то скопировать их, как он объяснял, для научной работы и фетовского музея в Москве. О размахе поисков

²⁴ См.: Садовской Б. Записки (1881–1916) / публ. С.В. Шумихина // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 1. М.: Студия «ТРИТЭ» – «Российский Архив», 1991. С. 151 [41].

²⁵ Там же. С. 168–169.

говорит его обширная переписка. Приведем примеры. После смерти Я.П. Полонского († 1898), с которым исследователь состоял в переписке, 31 мая 1900 г. он обращается к его сыну Александру Яковлевичу: «Простите, что я напоминаю Вам Ваше обещание известить меня, где находится переписка Вашего отца с Аф<анасием> Аф<анасьевичем> Фетом. / Было бы чрезвычайно любопытно познакомиться с этой перепиской, так как П.Д. Боткин говорил мне, что отдал Вам и ответные письма Якова Петровича» [42, л. 1]. Черногоубову удается познакомиться с вел. кн. Константином Константиновичем (поэтом «К.Р.») и скопировать его переписку с Фетом. 31 октября 1901 г. он сообщает П.Е. Кеппену: «... с каким восторгом смотрю я и на возможность свиданья с Его Высочеством, ... дерзаю напомнить о милостивом обещании ... прислать мне фотографию с картины Я.П. Полонского (А. Фет на балконе), которая висит в библиотеке Его Высочества» [5, л. 10 об.]. И добавляет: «Н.В. Досекин продолжает пополнять мой музей». «Милостивый Государь Николай Николаевич, – отвечает 8 января <1900 г. ?> Е.И. Баратынская, корреспондентка Фета. – <...> Что касается писем Афанасия Афанасьевича, я пересмотрю их при первой возможности, и, что мне покажется *общеинтересным*, передам Вам, насколько помню, мои письма от него все более или менее личные. Надеюсь, что Вы мне пришлете то, что у Вас будет напечатано об Афанасии Афанасьевиче и надеюсь как-нибудь побывать у Вас, чтобы взглянуть на его портреты» [43, л. 1]²⁶. Брюсов открыткой из Венеции информирует Черногоубова 5(17) мая 1903 г.: «Привет! Здесь никаких следов Фета, но много магазинов старых книг и старинных вещей. Переводов Фета поищу» [44, л. 17]. 15 августа 1903 г. Черногоубов напоминает Остроухову, отдыхающему во Франции: «Совестно надо-едасть, но все же решаюсь попросить Вас, когда будете в Париже, попробовать опять похлопотать насчет получения от г-жи Виардо или г-на Гальперина-Каменского – фетовских к Тургеневу писем или копии с них, или, наконец, хоть каких-н<и>б<удь> о них сведений» [45, л. 2 об.].

Интересным оказался эпизод посещения Черногоубовым Ясной Поляны. 7 июня 1900 г. исследователь обратился к Софье Андреевне с просьбой разрешить ознакомиться с письмами Фета, имеющимися в семейном архиве: «Ваше Сиятельство, Я занимаюсь собиранием и обработкой материалов для биографии Аф<анасия> Аф<анасьевича> Шеншина. Кроме большого печатного материала мною собрано до 500 (в копиях) не напечатанных еще писем. Хотелось бы ознакомиться и с имеющимися у Вас письмами Аф<анасия> Аф<анасьевича>. Интимность их уже отчасти нарушена напечатаньем ответов на них в “Моих воспоминаниях”²⁷, а за меня, вероятно, поручится Академия наук. Согласились ли

²⁶ Письмо датировано: «Понедельник. 8-го января»; согласно календарю, это был 1900 либо 1906 г. (первая дата более вероятная). 14 писем Фета к ней хранятся в РГБ.

²⁷ Письма Толстого Фет с некоторыми купюрами и неточностями опубликовал в своих воспоминаниях (см.: Фет А.А. Мои воспоминания. 1848–1889: в 2 ч. Ч. 2. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1890 [46]).

бы Вы доверить мне письма, если бы Академия рекомендовала меня, у себя хранила бы письма в продолжение назначенного Вами времени и заявила бы, что ни одна строка из них не будет напечатана без Вашего на то разрешения?» [47, л. 1–2]. Ответное письмо Толстой к Черногубову неизвестно. Через семь месяцев, в начале января 1901 г., он нанес «святочный» визит Софье Андреевне (вероятно, и Толстому) в Хамовниках и вновь обратился с той же просьбой: «Была сегодня Дунаева, – отметила графиня в своем дневнике 6 января 1901 г., – монахиня Виппер, Черногубов по поводу биографии Фета» [48, с. 8]. Вероятно, именно тогда же настойчивый исследователь получил приглашение весной приехать в Ясную Поляну, с тем чтобы заняться не только копированием писем Фета к Толстым, но и разборкой всего толстовского архива.

26 мая 1901 г. Черногубов в ожидании повторного приглашения, которое не последовало, вновь написал Софье Андреевне: «Многоуважаемая Графиня, Я рассчитываю выехать к Вам в Ясную Поляну 30 мая. Если приезд мой в это время неудобен, не откажите назначить срок более для Вас удобный. Ближайшая цель моей к Вам поездки письма А.А. Фета, но был бы очень рад теперь же приступить к разбору и всех Ваших бумаг» [49, л. 1]. 1 июня 1901 г. Софья Андреевна, явно не расположенная к визиту навязчивого фетоведа, ответила: «Милостивый Государь Николай Николаевич, на письмо ваше я не отвечала потому, что была в Москве и только что вернулась; а получено оно в Ясной Поляне. / В настоящее время я еще никак не могу заняться разборкой бумаг, так как очень много у меня своих и хозяйственных дел. / Если вам все равно, то лучше бы было вам приехать около 10-го июня. Тем более, что и дом мой весь полон приезжими родными в настоящее время. Извините за отсрочку» [50, л. 1]. Черногубов, судя по штемпелю на конверте, получил письмо 3 июня; к копированию же фетовских писем он приступил, предположительно, с 5 июня, так как 6 июня Софья Андреевна записала в дневнике: «Живет <Л.О.> Пастернак, хочет написать группу из Л<ьва> Н<иколаевича>, меня и Тани. Пока делает наброски. <...> Живет Черногубов, разбирает и переписывает письма Фета ко мне и Льву Николаевичу» [48, с. 19]. 8 июня 1901 г. Лев Николаевич отметил в своем дневнике: «У нас ... Пастернак и неприятный мертвец Черногуб<ов>» [51, с. 102]. Вероятно, на следующий день, 9 июня, Черногубов неожиданно покидает Ясную Поляну, очевидно, по причине какого-то конфликта, но ни в письмах, ни в дневниковых записях ни графини, ни самого Льва Николаевича эта история никак не освещается.

Причину столь поспешного отъезда в передаче самого Черногубова, вероятно уязвленного приемом, в своем дневнике под датой «конец июня» 1901 г. описал Брюсов: «Он уверял, будто графиня С.А. Толстая приглашала его в Ясн<ую> Поляну разбирать архив. Не требуя повторений этого, вероятно, мельком сделанного предложения, он поехал. Был там дней 5 и вернулся, а было что-то говорено о целом лете. Вероятно, прогнали. Дали, однако, письма Фета к

Толстому. Рассказывает много интересного о жизни в Ясн<ой> Поляне, о великом лицемерии там. Слуги раболепствуют перед “его сиятельством”, просителей принимают дурно, посылают им от барского стола объедки. – “Совсем не интеллигентный человек, – заметил гр<аф>, – не умеет объяснить, что ему нужно”. Много говорит против русского правительства. – “Только бы его к чертовой матери, и все будет хорошо”. Н<иколай> Н<иколаевич>, – продолжает Брюсов, – отважился было вступить с Т<олстым> в спор, но это было против правил Ясной Поляны, где граф только изрекает.

– Что же вам нравится в Фете? – спросил гр<аф>.

– Да все, поэт и человек.

– Человек он был дурной.

– Почему же? Он был истинный нигилист, и если ни во что не верил, то так и говорил.

– Неумение составить себе веру показывает низкую душу.

– Однако это не так просто. “Жизнь – запутанность и сложность”²⁸.

– Ничего запутанного. Перед каждым рукоять, качай, а что выйдет, знает Хозяин. <...>

Когда Н<иколай> Н<иколаевич> уезжал, ему поручили отвезти одного больного мальчика в больницу. Отвез. Доктор спрашивает:

– На какие средства лечить его? Больница земская, а граф то и дело присылает с записками²⁹.

Вместе с Черногубовым был в Ясной Поляне скульптор Аронсон, приехавший лепить графа. После он был с Ник<олаем> Ник<олаевичем> в Москве и подарил ему рельеф графа из воска» [18, с. 121–122; исправленный текст: 53, с. 10–11].

Память подвела Брюсова: одновременно с Черногубовым в Ясной Поляне гостил не русско-французский скульптор Н.Л. Аронсон³⁰, а Л.О. Пастернак, работавший в эти дни над семейным портретом Толстого. В воспоминаниях Пастернака картина неудавшегося пребывания фетоведа обрастает новыми подробностями, которые позволяют детализировать если не суть, скорее всего, религиозно-философского спора, возникшего по поводу Фета, а также аргументов убежденного и преданного фетоведа, то, по крайней мере, воссоздать подлинную реакцию графа на доводы гостя. Художник вспоминал: «Как-то, будучи в гостях в Ясной Поляне ..., я встретился там с одним молодым человеком, тогда жившим у Толстых и, с разрешения Софьи Андреевны, занимавшимся разбором

²⁸ Стихотворение Фета «Завтра – я не различаю!» (1891 г.).

²⁹ 12 июня 1901 г. Черногубов сообщал Софье Андреевне: «Разбитый мальчик оставлен в заводской больнице, и у меня осталось письмо Льва Ник<олаевича> в Тульскую больницу, нельзя ли удержать это письмо?» (см.: Письмо Н.Н. Черногубова к С.А. Толстой от 12 июня 1901 г. // РГБ. Ф. 328. К. 3. № 36. Л. 2 [52]).

³⁰ См.: Аронсон Н. Штрихи великого образа: Воспоминания о Льве Толстом // Вопросы литературы. 1965. № 5. С. 248–252 [54]. С Черногубовым он познакомился по переписке.

фетовских писем к Толстым. Назовем его господином Х. Нас познакомили. Что-то было у него от Гоголя, – по манере причесываться, быть может. Холодные водянистые глаза, нечто звериное временами появлялось в его лице. Это был очень неглупый, очень желчный и язвительный, очень тонко разбиравшийся в литературе и в оценке людей человек. Умел он также “подойти” к кому ему нужно было, и скоро сумел составить себе карьеру. Но было что-то от Иудушки, от ищейки, что-то неприятное в этом странном молодом человеке, что-то скрытое и враждебное всему толстовскому дому, начиная с Льва Николаевича. / Я потому запомнил все это, что Лев Николаевич был в совершенно незнакомом мне состоянии раздраженности и даже гнева. Он предложил мне поиграть с ним в комнатный теннис, и я заметил, что он был очень взволнован, видимо, от предшествовавшей какой-то беседы или спора с этим молодым человеком, так как он, между парированием шарика, в недружелюбном – совершенно для меня непривычном – тоне – продолжал дискуссию с ним, употребляя по его адресу отдельные очень сильные выражения. По-видимому, со своим чутьем и умением распознавать людей Лев Николаевич, с первого взгляда, понял, что это за человек» [55, с. 198].

Этот эпизод не помешал, однако, Пастернаку, оказавшемуся свидетелем инцидента, в дальнейшем общаться с Черногубовым, а также вести с ним дружескую переписку. Именно он уговорил художника портретировать Н.Ф. Федорова. Пастернаку удалось под видом читателя библиотеки запечатлеть родоначальника философии «Общего дела», категорически отказывавшегося от любого позирования. Во время серьезной болезни Толстого в 1902 г. Черногубов подал художнику мысль в случае трагического исхода сделать посмертную маску писателя. В 1910 г. Пастернак был вызван телеграммой в Астапово, где сделал рисунок писателя на смертном одре. Не без участия Черногубова, владевшего одним из слепков посмертной маски Федорова, художник сделал карандашный рисунок, воспроизведенной на авантитуле «Весов» (1904. № 6).

За время пребывания в Ясной Поляне Н.Л. Аронсон выполнил два бюста – Льва Николаевича и Софьи Андреевны, два карандашных портрета и около 80 набросков писателя. В дневнике под датой «14 июня» 1901 г. графиня записала: «Живет сейчас скульптор Aronson, бедняк-еврей, выбившийся в Париже в восемь лет в хорошего, талантливого скульптора. Лепят бюст Льва Николаевича и мой; bas-relief – Тани, и все недурно. / Меня он изобразил не такой безобразной, как это делали до сих пор все художники» [48, с. 20]. Тогда же в июне Аронсон написал Черногубову, получив адрес от Софьи Андреевны, с просьбой помочь найти хорошего формовщика для толстовского бюста: «Многоуважаемый Николай Николаевич, – сообщал ему скульптор из Ясной Поляны 13 июня 1901 г., – Графиня мне передала Ваше письмо³¹. Бесконечно благодарен

³¹ 12 июня 1901 г. Черногубов писал Софье Андреевне: «Посылаю Вам ответ формовщика Михайлова. Пожалуйста, известите, согласны ли на его условия. <...> / Сердечно благодарю Вас и всех

за все Ваши хлопоты. Будьте столь любезны, попросите г-на Михайлова (формовщика. – С.И.) выслать *сейчас же* три пуда гипса хорошего качества на адрес Л.Н. *большой скоростью*. Черные формы я сам сделаю и отправлю их в Москву Михайлову, чтоб отлить по несколько экземпляров с каждого» [56, л. 13–13 об.]. По фотографии Фета, вероятно предоставленной Черногоубовым, Аронсон в 1902 г. вылепил гипсовый бюст Фета, который экспонировался на весенней выставке в Академии художеств в Петербурге в том же году. Тогда же он сообщал исследователю: «Что касается фетовского бюста, Вы его получите при первом удобном случае», а 5 июня напомнил, что тот может забрать с выставки и «медальон Толстого» [56, л. 11 об., 12]

Дополнительные подробности о пребывании Черногоубова в Ясной Поляне содержатся в дневнике А.В. Жиркевича; под датой 10 ноября (1903 г.) говорится: «Привели меня в контору (Третьяковской галереи. – С.И.) к какому-то Николаю Николаевичу Черногоубову. Едва я назвал свою фамилию, как он спрашивает: “Вы знакомы были с Фетом?”. На утвердительный мой ответ Черногоубов заявил, что он собирает у себя в оригиналах и копиях все то, что осталось после Фета, что Фета он, хотя лично и не знал, но был его поклонником и потому задался мыслью спасти от забвения все, после него оставшееся. <...> В несколько минут мы сошлись с Черногоубовым, который стал просить меня дать, в копиях, для будущего музея имени Фета письма Афанасия Афанасьевича ко мне, затащил меня к себе, напоил чаем и показал мне массу ценного материала, собранного им по отношению к Фету – письма, рукописи, портреты, гравюры и т.п. Очень милый и любезный, Черногоубов рассказал мне, где и в каком виде нашел он рукописи и переписку – и я невольно вспомнил мои личные архивные скитания и приключения. Для того, чтобы получить письма Фета к Толстому, Черногоубов ездил в Ясную Поляну, где пробыл 10 дней, получив весьма ценные вещи. Графиня его очаровала. Лев Николаевич отнесся к идее о музее Фета скептически, а самому Черногоубову как к бесполезному человеку»; Черногоубов, вспоминая далее Жиркевич, «имеет собственноручную записку Фета, свидетельствующую о том, что Фет, незадолго перед смертью, думал покончить самоубийством. Будучи в Ясной Поляне, Черногоубов рассказал об этой записке Льву Николаевичу, и тот, как не любивший Фета, злорадно расспрашивал Черногоубова об этой подробности из жизни Афанасия Афанасьевича» [цит. по: 57, с. 311]. Итак, исследователь поведал Толстому о попытке Фета уйти из жизни и его предсмертной записке, о своем желании открыть музей Фета; были, вероятно, и другие темы, вызвавшие спор, дошедший до открытого конфликта.

Едва ли Черногоубов очевидным образом демонстрировал свою якобы враждебность ко «всему толстовскому дому, начиная с Льва Николаевича». При всей сложности характера начинающий исследователь, безусловно, осознавал

величину толстовского гения. Так, Садовской, подружившийся с Черногоубовым в 1911 г., привел слышанный от того рассказ: «Вот кое-что из рассказов Черногоубова. / “С Толстым познакомился я в Румянцевском музее. Вижу отворяется дверь и не входит, а вбегает, бело-розовый, точно из бани, старик в блузе, с манерами маркиза. / Я гостил одно лето в Ясной Поляне. Ночью проснешься: за стеной дышит Толстой. И думаешь: все, чем жил, с чем сроднился с детства, Наташа Ростова, Пьер, Анна Каренина, Вронский, все эти миры заключены вот тут, в одном этом старике”» [41, с. 169]. И далее, в корне меняя фокус своего восприятия уклада Ясной Поляны, он не без сарказма продолжил, в передаче Садовского: «“В Ясной Поляне собирались завтракать. Толстой подходил из сада; к нему робко приблизился семинарист, пешком пришедший из Полтавы поговорить с учителем. Толстой на ходу, секунд в двадцать, разъяснил юноше смысл жизни и пошел завтракать. Усталый семинарист присел на скамью. Графское семейство кушало вареники на террасе. Усмехались. Наконец графиня, пожав плечами, наложила в тарелку вареников и послала гостю с лакеем. Тот съел и отправился в Полтаву. / Толстые вспоминали Фета тем же тоном, как говорят о собаке: славный был пес”» [41, с. 169].

Серьезный конфликт с Толстым, который долго не мог успокоиться, употребляя в отношении гостя «очень сильные выражения», был вызван непримиримым спором, о содержании которого остается только гадать. Выскажем осторожное предположение, что речь могла пойти не только о мировоззренческом расхождении убежденного монархиста Фета с отрицающим власть и монархию Толстым, но и о давней полемике между ними о смысле жизни, вере и безверии, об отношении к Богу – полемике, особенно обострившейся к 1879 г., которая привела к духовному отчуждению, взаимному непониманию, охлаждению со стороны Толстого и прекращению переписки в 1881 г.³² Непосредственным поводом к спору могло стать и то, что буквально накануне визита в Ясную Поляну вышел первый выпуск журнала «Русское обозрение» (скорее всего, 1 июня), в котором Черногоубов впервые опубликовал философский этюд Фета «Послесловие» к опубликованному ранее переводу А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (СПб., 1881); статья была неявно направлена против Толстого и его социально-обличительного истолкования христианства (скорее всего, печатать ее в свое время отговорил Фета Страхов). Возможно, что статью Толстой прочитал сам или, скорее всего, узнал о ее содержании в услужливом пересказе Черногоубова³³. Приведем фрагменты из этого фетовского послесловия: *«Путь христианского спасения есть путь смирения перед внешней необходимостью строгого закона, а не путь гордыни и протеста. <...> мы сочли своим нравственным долгом сказать это ввиду возникающих в последнее время учений и толкований*

³² См.: Розанова С.А. Лев Толстой и Фет (История одной дружбы) // Русская литература. 1963. № 2. С. 103 [58].

³³ См.: Послесловие А. Фета к его переводу Шопенгауэра. Сообщил Н. Черногоубов // Русское обозрение. 1901. Вып. 1. С. 274–280.

христианства, сиющихя превратить последнее в орудие против существующего порядка и законности», для «подобных целей могут быть пригодны разве какие-либо социалистические учения, а христианское учение на это вполне не пригодно» [15, с. 279–280]³⁴. В контексте негативных оценок Фета, прозвучавших в Ясной Поляне в 1901 г., фетовский голос двадцатилетней давности, вероятно, вернул романиста к прежнему непримиримому противостоянию с забытым оппонентом.

Вынужденный в результате конфликта прервать визит, но получив от Софьи Андреевны подлинники писем Фета к Толстым, Черногубов к середине августа заканчивает их копировать. 13 августа 1901 г. он сообщает: «Вы, Графиня, нынче, может быть, долго не приедете в Москву, поэтому не разрешите ли мне в Румянцевском музее без Вас начать знакомство с хранящимися там Вашими рукописями. / Я бы пока привык к почерку, завел некоторый порядок и т.д. А там приехали бы Вы, и мы бы приступили к собиранию всего написанного Львом Николаевичем: вариантов, отрывков, писем и проч. Был бы очень счастлив работать над этим под Вашим руководством. / Простите мое нетерпение, великодушно объяснив его моей любовью к предстоящей работе. / Благодарю Вас за письма Аф<анасия> Аф<анасьевича>, не сдать ли их пока на хранение в Румянцевский музей <?>. Искренно желаю Вам и всем Вашим всего хорошего, начиная со здоровья Льву Николаевичу» [59, л. 1–1 об.]. Неизвестен ни ответ Толстой, ни то, состоялась ли эта встреча; нет никаких сведений и о том, что Черногубов принимал участие в разборке толстовского архива в Румянцевском музее.

В самом начале Первой мировой войны Садовской встретился с Черногубовым в Москве, за обедом у Тестова состоялся следующий разговор: «“Слава Богу, вот и война! Хоть гирише, да инше”³⁵. Если кончим благополучно, укрепимся на веки вечные”. Он вытащил банковскую книжку. – “Вот, двадцать тысяч накопил продажей старых вещей. После войны куплю себе дом и дачу”. Затем он картинно рассказал, как он устроится под Москвой, какая у него будет кухня, как утром он поедет в город на собственных рысаках, хрустя разноцветным гравием, отвечая на поклоны встречающих крестьян» [41, с. 177].

После революции Черногубов перебрался на Украину, остатки фетовской коллекции, по некоторым сведениям, были брошены в его доме на Девичьем поле, по другим – на некоей даче. Следует, вероятно, привести слухи, которые циркулировали в литературной среде. Сохранилась запись устного рассказа по телефону М.А. Цявловского И.Л. Андронникову от 13 января 1941 г. в любезной записи Н.Г. Антокольской вероятно, Надежды Григорьевны, сестры поэта, в прошлом секретаря Л.Б. Каменева: «Черногубов после того, как разразилась революция, панически бросил свою квартиру, зная за собой темные, даже уголовные дела. Так, Черног<убов> поехал в Орел, в погоне за местами, связ<анными> с Фетом. Фет, в качестве мирового судьи провернул

³⁴ См. также: Розанова С.А. Лев Толстой и Фет (История одной дружбы). С. 103.

³⁵ Украинская пословица «Хай гирише, та инше» – пусть более горькое, зато другое.

сотни дел и на бумагах клал резолюции. Черногубов подкупал архивистов и пуды дел собрал у себя в квартире. / Квартира подверглась разгрому. Соседи или бандиты, или кто сделал <нрзб.> обыск, и многое конечно попортилось. То, что квартира опустела, дошло до свед<ения> сотр<удников> Румянц<евской> библиотеки Киселева и А.С. Петровского, кот<орые> все остатки и забрали. <...> / Он не сгинул. Он вынырнул, удрал только на Украину и заведует коллекцией Терещенко» [60, л. 7–7 об.]. Никакими документальными подтверждениями и этого сюжета мы не располагаем.

На наш запрос об истории поступления фетовских материалов в архив РГБ были получены следующие сведения: весной 1924 г. «доставлены ... из кладовой Музейного отдела в д<оме> № 14 на Софийской набережной на основании мандата Ленинской библиотеки от 29.03.1924 за № 409: 1) 814 книг; 2) 6 мешков архива Фета в полуистлевшем виде; 3) 8 коробок с негативами; 4) 15 семейных фотографий Фета; 5) гипсовый бюст Фета» [61, № 25, д. 52, л. 17]. В записи от 09.04.1924 упоминается о передаче «одной маски Фета и одного бюста Фета»; материалы переданы «Н.М. Мендельсону, зав. Отделом литературных комнат» [61, № 25, д. 52, л. 18]³⁶.

В московской «Новой вечерней газете» 6 июля 1925 г. была помещена заметка «Находка архива А.А. Фета», в которой сообщалось, что «найденные материалы подготавливаются к печати отдельным сборником» [62, с. 7]. Издание, как известно, не состоялось. Подведем итог: основу фетовского фонда 315 в НИОР РГБ составило собрание Черногубова. Трудно сказать, каким образом фетовский архив оказался в кладовых Музейного отдела Главнауки Наркомпроса, располагавшегося в бывшем городском имении сахарозаводчика и известного коллекционера П.И. Харитоненко на Софийской наб., д. 14, по совпадению хорошего знакомого Черногубова, но именно оттуда весной 1924 г., согласно официальным документам, архив поступил в Ленинскую библиотеку. Выскажем осторожное предположение: спешно покидая Москву, предположительно весной 1917 г., Черногубов оставил архив в особняке Харитоненко (вероятно, с разрешения вдовы Веры Андреевны, разделявшей интересы мужа, поскольку сам Харитоненко умер в 1914 г. в своем имении Натальевка на Харьковщине). Скорее всего, собираясь вернуться, он полагал, что в трудные времена в охраняемом особняке фетовские бумаги будут в большей безопасности. Косвенно это предположение подтверждает тот факт, что исследователь отправлялся в Натальевку (где Харитоненко создал ценнейшее древлехранилище) в целях организовать там музей и таким образом защитить коллекцию от мародерства.

После Октябрьской революции имение Харитоненко на Софийской набережной, расположенное напротив Кремля, было национализировано. Через год

³⁶ Книга поступлений Румянцевского Музея. Библиотека. 1918–1924 гг. // РГБ. Архив РГБ. Оп. 25, д. 52; оп. 14, д. 94; оп. 17, д. 249, 249а [61].

члены семьи уехали на Украину, а затем и вовсе эмигрировали из страны. Вывезенная из особняка коллекция картин пополнила собрания Государственной Третьяковской галереи, Русского музея и Эрмитажа. Художник К.А. Коровин оставил свидетельство, как в особняке мародерствовали анархисты, разбивали в подвалах винные бутылки³⁷; досталось, вероятно, и фетовскому архиву, позднее обнаруженному в плачевном «полуистлевшем» состоянии. В имении сначала ненадолго разместился Датский Красный Крест, а затем дом перешел в ведение Наркомата иностранных дел. Из подвалов музейных кладовых Главнауки Наркомпроса, располагавшихся в этом же здании, фетовский архив и был передан в Ленинскую библиотеку. В настоящее время в роскошных интерьерах особняка базируется резиденция посла Соединенного Королевства Великобритании.

В начале 1930-х гг. Черногубов оказался в Киеве в Музейном городке при Киево-Печерской Лавре, где заведовал фондом станковой живописи, занимаясь консервацией икон и культового шитья при Успенском соборе; составлял опись икон, попавших в музейное собрание Лавры после революции; дважды по доносу был арестован. После оккупации Киева нацисты расстреляли Черногубова 21 октября 1941 г. как свидетеля мародерства церковных ценностей из Лавры и минирования фашистами Успенского собора³⁸.

Список литературы

1. Влюбленные в Фета: Письма Г.П. Блока к Б.А. Садовскому (1921–1922) / вступ. ст., коммент. и публ. С.В. Шумихина // Наше наследие. 2007. № 83/84. С. 84–111; 2008. № 85. С. 76–114.
2. Ипатова С.А. Б.А. Садовской о Фете, или Как не состоялась книга «А.А. Фет. Жизнь и творения» (1913) // А.А. Фет: Материалы и исследования. К 200-летию со дня рождения поэта (1820–2020). IV / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. СПб.: Росток, 2021. Вып. 4. С. 146–185.
3. Асланова Г.Д. Роковое фетианство // Наше наследие. 1999. № 49. С. 55–59.
4. <Личное дело Н.Н. Черногубова, сотрудника Третьяковской галереи (1902–1913)> // ЦГАМ. Ф. 179 (Московская городская управа). Оп. 37. № 2025. 18 лл.
5. Письмо Н.Н. Черногубова П.Е. Кеппену от 31 октября 1901 г. // РГИА. Ф. 537. Оп. 1. № 129. Л. 10–10 об.
6. Письмо Е.В. Федоровой к Н.Я. Полонской от 14 апреля <1894> // ИРЛИ. № 12871. 2 лл.
7. Письма секретаря А.А. Фета Екатерины Владимировны Федоровой к А.В. Жиркевичу / публ. Н.Г. Жиркевич-Подлесских // А.А. Фет и русская литература. XV Фетовские чтения: материалы Всерос. науч. конф., 1–5 июля 2000 г. Курск. Орел: Изд. КГПУ, 2000. С. 18–29.
8. Родионова А.Е. Документальное наследие А.А. Фета в фондах отдела рукописей РГБ: история поступления документов, структура личного архивного фонда, археографический обзор // «Я к наслаждению высокому зову» (Фетовские чтения в Воробьевке): материалы Всерос. науч.-практ. конф., 12–14 июля 2024 года. Курск: Изд. КГПУ, 2024. С. 3–14.

³⁷ См.: Константин Коровин вспоминает / сост. И.С. Зильберштейн, В.А. Самков. 2-е изд., доп. М.: Изобразительное иск-во, 1990. С. 241–242 [63].

³⁸ 3 ноября 1941 г. Собор Успения Пресвятой Богородицы XI в., Соборный храм Киево-Печерской Лавры был взорван и безвозвратно утрачен.

9. Иванова Е.В., Шумихин С.В. Никольский Борис Владимирович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Изд. Большая Рос. энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 321–323.
10. [Б.В. Никольский]. От редактора // Фет А.А. Полн. собр. стихотворений А.А. Фета: в 3 т. Т. 1 / под ред. Б.В. Никольского. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1901. С. V–XXVI.
11. Никольский Б.В. Дневник 1896–1918: в 2 т. Т. 1. 1896–1903 / изд. подгот. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 704 с.
12. Письмо Б.В. Никольского к Н.Н. Черногоубову от 14 января 1900 г. // РГБ. Ф. 328. К. 5. № 21. 13 л.
13. Черногоубов Н.Н. К хронологии стихов Фета // Северные цветы на 1902 г., собранные издательством «Скорпион». М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1902. С. 215–224.
14. Черногоубов Н.Н. Происхождение А.А. Фета // Русский архив. 1900. Т. 38, № 8. С. 523–536.
15. Послесловие А. Фета к его переводу А. Шопенгауэра / сообщ. Н.Н. Черногоубов // Русское обозрение. 1901. Вып. 1. С. 274–280.
16. Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка: в 2 т. Т. 1: 1902–1909 / вступ. ст. А.В. Лаврова. М.: НЛЮ, 2017. 737 с.
17. Из переписки <Фета и Страхова>; (1877–1879) // Русское обозрение. 1901. Вып. 1. С. 71–101.
18. Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма / сост., вступ. ст. Е.В. Иванова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. 415 с. (сер. «Эпохи и судьбы»).
19. Молодяков В. Мой Брюсов: Публикации. Статьи. Собрание. М.; СПб.: Нестор-История, 2023. 352 с.
20. Письмо В.Я. Брюсова к Н.Н. Черногоубову от 7 января 1903 г. // РГБ. Ф. 328. К. 4. № 21. 28 лл.
21. Перцов П.П. Литературные воспоминания. 1890–1902 / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: НЛЮ, 2002. 496 с. (сер. «Россия в мемуарах»).
22. Брюсов В.Я. Фетовский вечер и фетовский скандал // Новый путь. 1903. № 2. С. 188–192 (псевд. «Москвитянин»).
23. Брюсов В. А.А. Фет. Искусство или жизнь // Брюсов В. Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М.: Книгоизд. «Скорпион», 1912. С. 18–26.
24. Ходасевич В. Московский литературно-художественный кружок // Воспоминания о Серебряном веке / сост., предисл. и коммент. В. Крейда. М.: Изд-во «Республика», 1993. С. 389–393.
25. <Договор Черногоубова с издательством «Скорпион»> от 28 января 1901 г. // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты: в 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1994. С. 63.
26. Письма Владимира Соловьёва к А.А. Фету // Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1901. С. 146–159.
27. Письмо Вл. Соловьёва <к Фету от 15 июля 1892 г.> // Русское обозрение. 1901. Вып. 1. С. 104–106.
28. Деревенский житель (А. Фет). Где первоначальный источник нашего нигилизма // Северные цветы на 1902 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1902. С. 191–193.
29. <Договор Черногоубова с издательством «Скорпион»> от 27 октября 1901 г. // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты: в 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1994. С. 63–64.
30. Письмо Брюсова к С.А. Полякову от 29 июля 1902 г. // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты: в 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1994. С. 63.
31. Письмо И.М. Ивакина к Н.Ф. Федорову от 27 апреля 1899 г. // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4 / сост., подгот. текста, примеч. А.Г. Гачевой при участии С.Г. Семеновой. М.: Изд. Evidentis, 2005. С. 651–652.
32. Письмо Н.И. Дорофеевой к И.П. Брихничёву от первой половины 1913 г. // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Антология. Кн. 2 / сост., вступ. ст., коммент. А.Г. Гачевой при

участии Е.В. Бронниковой и др. СПб.: Изд-во РХГИ, 2008. С. 190–193 (сер. «Русский путь»).

33. Из «Записок» И.М. Ивакина / публ. и коммент. Т.Г. Никифоровой // Октябрь. 1996. № 9. С. 148–157.

34. Комментарии к разделам: Письма Н.Ф. Федорову разных лиц и Письма <Н.Ф. Федорова> // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Дополнения. Комментарии к четвертому тому / сост. и подгот. текста А.Г. Гачевой; коммент. А.Г. Гачевой при участии С.Г. Семенов. М.: Традиция, 2000. 638 с.

35. Н. [Черногоубов Н.Н.]. Николай Федорович Федоров // Весы. 1904. № 1. С. 54.

36. Гачева А.Г. В.Я. Брюсов, Н.Ф. Федоров и деятели Федоровианы 1900–1920-х годов: Вопрос о смысле и целях искусства. Статья вторая: по страницам журнала «Весы» // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 2(82). С. 45–61.

37. Муратов П.П. Русская живопись до середины XVII века. История открытия и исследования. СПб.: ВІВΛΙΟΠΟΛΙΣ, 2008. 429 с.

38. Щербатов С., князь. Художник в ушедшей России / вступ. ст. В. Нехотина. М.: XXI век – Согласие, 2000. 464 с. (сер. «Б-ка русской культуры»).

39. Грабарь И.Э. Моя жизнь: автобиография. Этюды о художниках / сост., вступ. ст. и коммент. В.М. Володарского. М.: Республика, 2001. 504 с.

40. Эренбург И. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: в 3 т. Т. 1 / вступ. ст. Б.М. Сарнова. М.: Сов. писатель, 1990. 640 с.

41. Садовской Б. Записки (1881–1916) / публ. С.В. Шумихина // Российский архив. История отчества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 1. М.: Студия «ТРИТЭ» – «Российский Архив», 1991. С. 106–183.

42. Письмо Н.Н. Черногоубова к А.Я. Полонскому от 31 мая 1900 г. // РГАЛИ. Ф. 403. Оп. 3. № 69. 1 л.

43. Письмо Е.И. Боратынской к Н.Н. Черногоубову от 8 января <1900 г.> // РГБ. Ф. 328. К. 4. № 16. Л. 1.

44. Письмо В.Я. Брюсова Черногоубову от 5 (17) мая 1903 г. // РГБ. Ф. 328. К. 4. № 21. Л. 17.

45. Письмо Н.Н. Черногоубова Остроухову от 15 августа 1903 г. // ГТГ. Ф. 10. Оп. 1. № 6905. Л. 2 об.

46. Фет А.А. Мои воспоминания. 1848–1889: в 2 ч. Ч. 2. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1890. 402 с.

47. Письмо Н.Н. Черногоубова к С.А. Толстой от 7 июня 1900 г. // ГМТ. Ф. 47 (С.А. Толстая). Инв. № 15450. Л. 1–2.

48. Толстая С.А. Дневники: в 2 т. / сост., подгот. текста и коммент. Н.И. Азаровой и др. Т. 2: 1901–1910. Ежедневники. М.: Худож. лит., 1978. 671 с. (сер. Литературных мемуаров).

49. Письмо Н.Н. Черногоубова к С.А. Толстой 26 мая 1901 г. // ГМТ. Ф. 47 (С.А. Толстая). Инв. № 15451. Л. 1.

50. Письмо С.А. Толстой к Н.Н. Черногоубову от 1 июня 1901 г. // РГБ. Ф. 328. К. 6. № 2. Л. 1.

51. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: [в 90 т.]. Т. 54. Дневник. Записные книжки и отдельные записи 1900–1903 гг. / ред. К.С. Шохор-Троцкий. М.: Худ. лит., 1935. XV. 752 с.

52. Письмо Н.Н. Черногоубова к С.А. Толстой от 12 июня 1901 г. // РГБ. Ф. 328. К. 3. № 36. 8 л.

53. Богомолов Н. Другой Толстой: Писатель глазами русских символистов // Toronto Slavic Quarterly. 2012. No. 40. Spring. С. 7–22.

54. Аронсон Н. Штрихи великого образа: Воспоминания о Льве Толстом // Вопросы литературы. 1965. № 5. С. 248–252.

55. Мои встречи с Толстым. Из «разновременных записей» Л.О. Пастернака / публ. Э.Г. Бабаева // Яснополянский сборник. Статьи, материалы, публикации. Тула: Приокское книжное изд-во, 1968. С. 185–205.

56. Письма Н.Л. Аронсона к Н.Н. Черногоубову (1901–1902) // РГБ. Ф. 328. К. 4. № 6. 15 л.

57. Асланова Г. «Еще ты каждый миг моей покорна воле...» (О смерти А.А. Фета) // Вопросы литературы. 2008. № 3. Май – Июнь. С. 307–321.

58. Розанова С.А. Лев Толстой и Фет (История одной дружбы) // Русская литература. 1963. № 2. С. 86–107.
59. Письмо Н.Н. Черногоубова к С.А. Толстой от 13 августа 1901 г. // ГМТ. Ф. 47 (С.А. Толстая). Инв. № 15452. Л. 1–1 об.
60. Устные рассказы М.А. Цявловского в записи Н.Г. Антокольской // РГАЛИ. Ф. 2558 (Цявловские М.А. и Т.Г.). Оп. 2. № 183. Л. 7–7 об.
61. Книга поступлений Румянцевского Музея. Библиотека. 1918–1924 гг. // РГБ. Архив РГБ. Оп. 25. Д. 52; оп. 14. Д. 94; оп. 17. Д. 249, 249а.
62. Находка архива А.А. Фета // Новая вечерняя газета. 1925, 6 июля. № 93. С. 7.
63. Константин Коровин вспоминает / сост. И.С. Зильберштейн, В.А. Самков. 2-е изд., доп. М.: Изобразительное иск-во, 1990. 608 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Dorofeeva [Dorofeeva, N.I.]. Pis'mo I.P. Brikhnichev [Letter to I.P. Brikhnichov], in *N.F. Fedorov: pro et contra: v 2 kn. Antologiya. Kn. 2* [Fedorov: Pro et contra: in 2 books. An Antology. Book 2]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2008, pp. 190–193.
2. Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t. Dopolneniya. Kommentarii k t. 4* [Collected Works in 4 vols. Additions. Commentary on vol. 4]. Moscow: Traditsiya, 2000. 638 p.
3. Ivakin [Ivakin, I.M.]. Pis'mo N.F. Fedorovu [Letter to N.F. Fedorov], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 4* [Works in 4 vols., vol. 4]. Moscow: Izdatel'stvo «evidentis», 2004, pp. 651–652.
4. Nikol'skiy [Nikolskiy, B.V.]. Ot redaktora [From the Editor], in Fet, A.A. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy v 3 t., t. 1* [The Complete Collection of Poem in 3 vols., vol. 1]. Saint-Petersburg: Izdanie A.F. Marksa, 1901, pp. V–XXVI.
5. Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochineniy v 90 t., t. 54* [The Complete Works in 90 vols., vol. 54]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1935. 752 p.

Individual Works

6. *Andrey Belyy i Emiliy Metner. Perepiska v 2 t., t. 1 (1902–1909)* [Andrey Bely and Emiliy Metner. Correspondence in 2 vols., vol. 1 (1902–1909)]. Moscow: NLO, 2017. 737 p.
7. Aronson, N.L. Pis'ma N.N. Chernogubovu [Letters to N.N. Chernogubov], in *RGB*, f. 328, k. 4, no. 6.
8. Boratynskaya, E.I. Pis'mo N.N. Chernogubovu [Letter to N.N. Chernogubov], in *RGB*, f. 328, k. 4, no. 16.
9. Bryusov, V.Ya. Fetovskiy vecher i fetovskiy skandal [Fet Evening and Scandal], in *Novyy put'*, 1903, no. 2, pp. 188–192.
10. Bryusov, V.Ya. Pis'mo N.N. Chernogubovu ot 5 (17) maya 1903 g. [Letter to N.N. Chernogubov, dated May 5th 1903], in *RGB*, f. 328, k. 4, no. 21.
11. Bryusov, V.Ya. Pis'mo N.N. Chernogubovu ot 7 yanvarya 1903 g. [Letter to N.N. Chernogubov, dated January 7th 1903], in *RGB*, f. 328, k. 4, no. 21.
12. Bryusov, V.Ya. Pis'mo S.A. Polyakovu [Letter to S.A. Polyakov], in *Literaturnoe nasledstvo, t. 98: Valeriy Bryusov i ego korrespondenty: v 2 kn., kn. 2* [Literary Heritage, Vol. 98: Valery Bryusov and His Correspondents: in 2 books, book 2]. Moscow: Nauka, 1994, p. 63.
13. Chernogubov, N.N. K khronologii stikhov Feta [To the chronology of Fet's poems], in *Severnye tsvety na 1902 g., sobrannye izdatel'stvom «Skorpion»* [Northern Flowers for 1902, Collected by the “Scorpio” Publishing House]. Moscow: Tovarishchestvo tip. A.I. Mamontova, 1902, pp. 215–224.

14. Chernogubov, N.N. Pis'mo A.Ya. Polonskomu [Letter to A.Ya. Polonsky], in *RGALI*, f. 403, op. 3, no. 69.
15. Chernogubov, N.N. Pis'mo I.S. Ostroukhovu [Letter to I.S. Ostroukhov], in *GTG*, f. 10, op. 1, no. 6905.
16. Chernogubov, N.N. Pis'mo P.E. Keppenu [Letter to P.E. Keppen], in *RGIA*, f. 537, op. 1, no. 129.
17. Chernogubov, N.N. Pis'mo S.A. Tolstoy [Letter to S.A. Tolstoy], in *GMT*, f. 47, no. 15451.
18. Chernogubov, N.N. Pis'mo S.A. Tolstoy [Letter to S.A. Tolstoy], in *RGB*, f. 328, k. 3, no. 36.
19. Chernogubov, N.N. Pis'mo S.A. Tolstoy [Letter to S.A. Tolstoy], in *GMT*, f. 47, no. 15452.
20. Chernogubov, N.N. Pis'mo S.A. Tolstoy [Letter to S.A. Tolstoy], in *GMT*, f. 47, no. 15450.
21. Chernogubov, N.N. Proiskhozhdenie A.A. Feta [The origin of A.A. Fet], in *Russkiy arkhiv*, 1900, no. 8, vol. 38, pp. 523–536.
22. Fedorova, E.V. Pis'mo N.Ya. Polonskoy [Letter to N.Ya. Polonskaya], in *IRLI*, no. 12871, l. 2–2 ob.
23. Fet, A.A. Derevenskiy zhitel' (A. Fet). Gde pervonachal'nyy istochnik nashego nihilizma [“The Village Dweller” (A. Fet). The Primary Source of Our Nihilism], in *Severnnye tsvety na 1902 god, sobrannye knigoizdatel'stvom «Skorpion»* [Northern Flowers for 1902, Collected by the “Scorpio” Publishing House]. Moscow: Tovarishchestvo tip. A.I. Mamontova, 1902, pp. 191–193.
24. Fet, A.A. Posleslovie A. Feta k ego perevodu A. Shopengauera [Fet's Afterword to his translation of A. Schopenhauer], in *Russkoe obozrenie*, 1901, issue 1, pp. 274–280.
25. Iz perepiski <Feta i Strakhova> [From the correspondence <between Fet and Strakhov>] in *Russkoe obozrenie*, 1901, issue 1, pp. 71–101.
26. Kniga postupleniy Rumyantsevskogo Muzeia. Biblioteka. 1918–1924 gg. [The Rumyantsev Museum's Receipt Book. Library], in *RGB, arkhiv RGB*, op. 25, d. 52; op. 14, d. 94; op. 17, d. 249, 249a.
27. Lichnoe delo N.N. Chernogubova [Chernogubov's personal file], in *TsGAM*, f. 179, op. 37, no. 2025.
28. N. [N.N. Chernogubov]. Nikolay Fedorovich Fedorov [Nikolai Fedorovich Fedorov], in *Vesy*, 1904, no. 1, p. 54.
29. Nikol'sky, B.V. Pis'mo N.N. Chernogubovu [Letter to N.N. Chernogubov], in *RGB*, f. 328, k. 5, no. 21.
30. Solov'ev, V.S. Pis'ma Vladimira Solov'eva k A.A. Fetu [Vladimir Solovyov's Letters to A.A. Fet], in *Severnnye tsvety na 1901 god, sobrannye knigoizdatel'stvom «Skorpion»* [Northern Flowers for 1901, Collected by the “Scorpio” Publishing House]. Moscow: Tovarishchestvo tip. A.I. Mamontova, 1901, pp. 146–159.
31. Solov'ev, V.S. Pis'mo Vl. Solov'eva <A.A. Fetu> [Letter to A.A. Fet], in *Russkoe obozrenie*, 1901, issue 1, pp. 104–106.
32. Tolstaya, S.A. Pis'mo N.N. Chernogubovu [Letter to N.N. Chernogubov], in *RGB*, f. 328, k. 6, no. 2.
33. Ustnye rasskazy M.A. Tsyavlovskogo v zapisi N.G. Antokol'skoy [Oral Stories by M.A. Tsyavlovsky, recorded by N.G. Antokolskaya], in *RGALI*, f. 2558, op. 2, no. 183.

(Articles from Scientific Journals)

34. Aronson, N. Shtrikhi velikogo obraza: Vospominaniya o L've Tolstom [Strokes of the Great Image: Memories of Leo Tolstoy], in *Voprosy literatury*, 1965, no. 5, pp. 248–252.
35. Aslanova, G. «Eshche ty kazhdy mиг moyego pokorna vole...» (O smerti A.A. Feta) [“You are still submissive to my will at every moment...” (On the death of A.A. Fet)], in *Voprosy literatury*, 2008, no. 3, pp. 307–321.
36. Aslanova, G.D. Rokovoe fetianstvo [Fatal fetianism], in *Nashe nasledie*, 1999, no. 49, pp. 55–59.
37. Bogomolov, N. Drugoy Tolstoy: Pisatel' glazami russkikh simvolistov [Another Tolstoy: The Writer Through the Eyes of Russian Symbolists], in *Toronto Slavic Quarterly*, 2012, no. 40, spring, pp. 7–22.

38. Gacheva, A.G. V.Ya. Bryusov, N.F. Fedorov i deyateli Fedoroviany 1900–1920-kh godov: Vopros o smysle i tselyakh iskusstva. Stat'ya vtoraya: po stranitsam zhurnala «Vesy» [V.Ya. Bryusov, N.F. Fedorov and the Fedorovians of the 1900s–1920s: The Question of the Meaning and Goals of Art. Article Two: Following the Pages of the Journal “Vesy”], in *Solov'yevskie issledovaniya*, 2024, issue 2(82), pp. 45–61.

39. Iz «Zapisok» I.M. Ivakina [From the Notes of I.M. Ivakin], in *Oktyabr'*, 1996, no. 9, pp. 148–157.

40. Nakhodka arkhiva A.A. Feta [Discovery of the A.A. Fet Archive], in *Novaya vechernyaya Gazeta*, 1925, 6 iyulya, no. 93, p. 7.

41. Rozanova, S.A. Lev Tolstoy i Fet (Istoriya odnoy družby) [Leo Tolstoy and Fet (The Story of a Friendship)], in *Russkaya literatura*, 1963, no. 2, pp. 86–107.

42. Vlyublennye v Feta: Pis'ma G.P. Bloka k B.A. Sadovskomu [Lovers of Fet: Letters from G.P. Blok to B.A. Sadovsky], in *Nashe nasledie*, 2007, no. 83/84, pp. 84–111; 2008, no. 85, pp. 76–114.

(Articles from Proceeding and Collection of Research Papers)

43. Bryusov, V. A.A. Fet. Iskusstvo ili zhizn' [A.A. Fet. Art or Life], in Bryusov, V. *Dalekie i blizkie. Stat'i i zametki o russkikh poetakh ot Tyutcheva do nashikh dney* [The Distant and the Close: Articles and Notes on Russian Poets from Tyutchev to Our Time]. Moscow: Scorpion, 1912, pp. 18–26.

44. Dogovor N.N. Chernogubova s izdatel'stvom «Scorpion» ot 27 oktyabrya 1901 g. [Chernogubov's contract with the Scorpion publishing house], in *Literaturnoe nasledstvo*, t. 98: *Valeriy Bryusov i ego korrespondenty: v 2 kn., kn. 2* [Literary Heritage, Vol. 98: Valery Bryusov and His Correspondents: in 2 books, book 2]. Moscow: Nauka, 1994, pp. 63–64.

45. Dogovor N.N. Chernogubova s izdatel'stvom «Scorpion» ot 28 yanvarya 1901 g. [Chernogubov's contract with the Scorpion publishing house], in *Literaturnoe nasledstvo*, t. 98: *Valeriy Bryusov i ego korrespondenty: v 2 kn., kn. 2* [Literary Heritage, Vol. 98: Valery Bryusov and His Correspondents: in 2 books, book 2]. Moscow: Nauka, 1994, p. 63.

46. Ipatova, S.A. B.A. Sadovskoy o Fete, ili Kak ne sostoyalas' kniga A.A. Fet. «Zhizn' i tvoreniya» [B.A. Sadovskoy about Fet, or How the book “A.A. Fet. Life and Creations” was not published], in *A.A. Fet: Materialy i issledovaniya*, vyp. 4 [A.A. Fet: Materials and Research, Issue 4]. Saint-Petersburg: Rostok, 2021, pp. 146–185.

47. Ivanova, E.V., Shumikhin, S.V. Nikol'skiy B.V. [Nikolsky B.V.], in *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary]. Moscow: Izdatel'stvo «Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya», 1999, vol. 4, pp. 321–323.

48. Khodasevich, V. Moskovskiy literaturno-khudozhestvennyy kruzhok [Moscow Literary and Artistic Circle], in *Vospominaniya o Serebryanom veke* [Memoirs of the Silver Age]. Moscow: Respublika, 1993, pp. 389–390.

49. Pasternak, L.O. Moi vstrechi s Tolstym. Iz «raznoremennyykh zapisey» L.O. Pasternaka [My meetings with Tolstoy. From the “diary entries” by L.O. Pasternak], in *Yasnopol'yanskiy sbornik. Stat'i, materialy, publikatsii* [Yasnaya Polyana Collection. Articles, Materials, Publications]. Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1968, p. 198.

50. Pis'ma sekretarya A.A. Feta Ekateriny Vladimirovny Fedorovoy k A.V. Zhirkevichu [Letters from A.A. Fet's secretary, Ekaterina Vladimirovna Fedorova, to A.V. Zhirkevich], in *A.A. Fet i russkaya literatura. XV Fetovskie chteniya. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii 1–5 iyulya 2000 g., Kursk* [A.A. Fet and Russian Literature. The 15th Fet Conference. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, July 1–5, 2000, Kursk]. Orel: Izdatel'stvo KGPU, 2000, pp. 18–29.

51. Rodionova, A.E. Dokumental'noe nasledie A.A. Feta v fondakh otdela rukopisey RGB [A.A. Fet's Documentary Heritage in the Manuscript Department of the Russian State Library], in *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Ya k naslazhdeniyu vysokomu zovu» (Fetovskie*

chteniya v Vorob'evke), 12–14 iyulya 2024 goda [Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference “I Call You to Sublime Delight” (Fet Readings in Vorobyovka), July 12–14, 2024]. Kursk: Izdatel'stvo KGPU, 2024, pp. 3–14.

52. Sadovskoy, B. Zapiski (1881–1916) [Notes (1881–1916)], in *Rossiyskiy arkhiv. Istoriya otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. Vyp. 1* [Russian Archive. History of the Fatherland in Testimonies and Documents of the 18th–20th Centuries. Issue 1]. Moscow: Studiya «TRITE» – «Rossiyskiy Arkhiv», 1991, pp. 106–183.

(Monographs)

53. Bryusov, V. *Dnevnik. Avtobiograficheskaya proza. Pis'ma* [Diaries. Autobiographical prose. Letters]. Moscow: OLMA-PRESS Zvezdnyy mir, 2002. 415 p.

54. Erenburg, I. *Lyudi, gody, zhizn': Vospominaniya v 3 t., t. 1* [People, Years, and Life: Memories: in 3 vols., vol. 1]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1990. 640 p.

55. Fet, A.A. *Moi vospominaniya. 1848–1889: v 2 ch., ch. 2* [My memories. 1848–1889 in 2 parts, part 2]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova, 1890. 402 p.

56. Grabar', I.E. *Moya zhizn': Avtomonografiya. Etyudy o khudozhnikakh* [My Life: An Autobiography. Sketches about Artists]. Moscow: Respublika, 2001. 504 p.

57. Korovin, K. *Konstantin Korovin vspominaet* [Konstantin Korovin recalls]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1990. 608 p.

58. Molodyakov, V. *Moy Bryusov: Publikatsii. Stat'i. Sobranie* [My Bryusov: Publications. Articles. Collection]. Moscow; Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2023. 352 p.

59. Muratov, P.P. *Russkaya zhivopis' do serediny XVII veka. Istoriya otkrytiya i issledovaniya* [Russian Painting before the Mid-17th Century]. Saint-Petersburg: BIBΛIOΠOΛIS, 2008. 429 p.

60. Nikol'skiy, B.V. *Dnevnik: v 2 t. 1896–1918, t. 1 1896–1903* [Diary in 2 vols. 1896–1918, vol. 1 1896–1903]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2015. 704 p.

61. Pertsov P.P. *Literaturnye vospominaniya. 1890–1902* [Literary memoirs. 1890–1902]. Moscow: NLO, 2002. 496 p.

62. Shherbatov, S. *Khudozhnik v ushedshey Rossii* [An artist in a Bygone Russia]. Moscow: XXI vek – Soglasie, 2000. 464 p.

63. Tolstaya, S.A. *Dnevnik: v 2 t., t. 2: 1901–1910. Ezhednevnik* [The diaries in 2 vols., vol. 2: 1901–1910. Diaries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1978. 671 p.

К 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. БЛОКА

TO THE 145th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A. BLOK

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Нина Владимировна Лощинская

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: nlkontakt@mail.ru

«Соловьёвский след»: отзыв А.А. Блока о поэте В.П. Лебедеве для Приемной комиссии Петроградского Союза поэтов

Аннотация. Рассматривается эстетически и аксиологически значимое влияние идей В.С. Соловьёва в послереволюционный период творчества Блока, которое проявилось в блоковском отзыве о поэте В.П. Лебедеве. Личность писателя, скрытого под криптонимом «Л-в» первым публикатором отзыва П.Н. Медведевым, устанавливается благодаря архивным и историко-литературным разысканиям. Выявляется парадоксальность блоковского отзыва о поэте-традиционалисте, бывшем участнике литературных «Пятниц» К.К. Случевского, далеко Блоку по эстетическим взглядам. Анализируются мотивы, побудившие его дать Лебедеву рекомендацию на вступление в Петроградское отделение Союза поэтов. Выдвигается предположение, что причиной положительной резолюции стал эпизод из ранней молодости Блока, когда он высоко оценил перевод Лебедевым в 1901 году стихотворения Адама Асныка «Чудесный сон» (1872 г.), близкий по идейно-художественному содержанию содержанию лирике Вл. Соловьёва и самого Блока.

Ключевые слова: символизм, криптоним, атрибуция, аллюзии, реминисценции, «Пятницы» К.К. Случевского, Петроградское отделение Всероссийского союза поэтов

Nina Vladimirovna Loshchinskaya

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences, PhD in Philology, Senior Researcher, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: nlkontakt@mail.ru

“Solovyov's Trailing”: A.A. Blok's review of the poet V.P. Lebedev for the Admissions committee of the Petrograd Union of Poets

Abstract. The article examines the aesthetically and axiologically significant influence of V.S. Solovyov's ideas on Blok's post-revolutionary creative work, which is evident in Blok's review of the poet V.P. Lebedev. The identity of the writer, whom the first publisher of Blok's Review, P.N. Medvedev, referred to by “cryptonym” “L-v,” was established through archival and historical-literary research. The article reveals the paradox of Blok's assessment of the traditionalist poet V. P. Lebedev, a former participant in

K.K. Sluchevsky's literary "Fridays", who was far from Blok's aesthetic views. The article analyzes the motives that led Blok to recommend Lebedev as a member of the Petrograd branch of the Union of Poets. It is suggested that the reason for the positive recommendation lies in an episode from Blok's early youth. In 1901, Lebedev translated Adam Asnyk's poem "A Wonderful Dream" (1872), whose ideological and artistic content was close to the ideals and poetics of both Vladimir Solovyov and the young Alexander Blok.

Key words: symbolism, cryptonym, attribution, reminiscences, allusions, reminiscence, K.K. Sluchevsky's "Fridays", Petrograd branch of the All-Russian Union of Poets

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.4.150-165

Влияние поэзии и философии В.С. Соловьева на формирование мировосприятия А.А. Блока, его эстетических установок, поэтики, особенно на первом этапе творчества, трудно переоценить. Масштабы соловьевского влияния на лирику Блока 1901–1902 годов, отмеченного уже ранней символистской критикой (Вяч. Иванов, З. Гиппиус, В. Гофман. А. Белый), общепризнаны. Цикл «Стихи о Прекрасной Даме», созданный в этот период, полон соловьевских аллюзий¹. Об их значимости можно судить даже по большому количеству смысловых и цитатных отсылок к творчеству Вл. Соловьева в комментариях З.Г. Минц в первом томе Полного собрания сочинений и писем А.А. Блока (далее – *ПССУП*)². Само знакомство поэта с книгой стихов Вл. Соловьева, которую мать подарила ему в апреле 1901 года на Пасху, является важным фактом блоковской творческой биографии. Не случайно это было зафиксировано в «Хронологической канве жизни и творчества Александра Блока», составленной В.Н. Орловым³. В соответствии с известной градацией Блока стадий своей «трилогии вочеловечения» на периоды тезы, антитезы и синтеза⁴, соловьевские темы в его творчестве с середины 1900-х и на всем протяжении 1910-х годов тоже претерпели ряд изменений. В какой-то степени это отразилось и на оценках пророческой роли Вл. Соловьева в посвященных ему блоковских статьях «Рыцарь-монах»⁵ (1910 г.) и

¹ Отдельные аспекты «соловьевской» темы отражены в исследованиях, посвященных поэтике юношеских стихотворений Блока. См., например: Минц З.Г. Блок и русский символизм: избранные труды в 3 кн. СПб.: Искусство-СПБ, 1999–2004. Кн. 1. Поэтика Александра Блока. 1999. С. 17–26 [1]; Игошева Т.В. Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма. М.: Глобал Ком, 2013. С. 122–328 [2].

² См.: <Минц З.Г. Комментарий к разделу «Стихи о Прекрасной Даме»> // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1: Стихотворения. Кн. 1 (1898–1904). М.: Наука, 1997. С. 452–562 [3].

³ См.: [Орлов В.] Хронологическая канва жизни и творчества Александра Блока // Блок А.А. Собр. соч. и писем: в 8 т. Т. 7: Автобиография. 1915. Дневники. 1901–1921 / подгот. текста и примеч. В. Орлова. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. С. 525 [4].

⁴ Об этом см. в частности: Кузнецова О.А. История формирования лирической трилогии Блока // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1. С. 388 [5].

⁵ См. текст статьи и комментарий к ней: Блок А.А. Рыцарь-монах // Блок А.А. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 8: Проза (1908–1916). М.: Наука, 2010. С. 136–142, 427–433 [6].

«Владимир Соловьев и наши дни» (1920 г.)⁶. Характерно, что «соловьёвский след» можно обнаружить не только в наличии мотивных переключек, реминисценций, цитатных включений в поэзии, прозе, драматургии, эпистолярном наследии Блока. В послереволюционный период своеобразный соловьёвский контекст прослеживается даже в подспудных основаниях, на которых зиждились подготовленные Блоком по долгу службы и не предназначенные для печати отзывы о поэтах для некоторых литературных организаций.

В частности, значение идей Вл. Соловьёва, по-новому осмысленных Блоком в последние годы жизни, косвенно отразилось на результатах его работы в 1920 году в возглавляемой им Приемной комиссии Петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов⁷ (далее – *ПО ВСП*). Порой это проявлялось в выборе эстетических критериев, положенных в основу блоковских отзывов. Но был и другой, особенный случай, когда причиной положительной резолюции Блока могла послужить память о собственном юношеском опыте мистических переживаний, преломленных через призму соловьёвства и связанных с исключительными для поэта жизненными обстоятельствами.

Экспертным заключениям Блока о стихах претендентов на вступление в *ПО ВСП* посвящены публикации и специальные исследования. Тем не менее эта область общественной и литературно-рецензионной деятельности поэта до сих пор таит в себе немало белых пятен и открытий. Таким сюрпризом оказалась, в частности, мотивировка блоковского отзыва, давно знакомого нам по содержанию, но не по адресату, скрытому из соображений приватности под криптотонимом «Л-в» первым его публикатором, П.Н. Медведевым, как, впрочем, и фамилии других документально зафиксированных соискателей членства в *ПО ВСП* (резолюции Блока о них вошли в медведевскую публикацию)⁸.

Спустя более шестидесяти лет их имена за исключением четырех адресатов стали известны широкой аудитории благодаря обнародованию данных материалов в четвертой книге 92-го тома «Литературного наследства»⁹. Однако перипетии полной катаклизмов эпохи привели к тому, что несколько автографов, находившихся в момент публикации в распоряжении Медведева, не дошли до современных исследователей, хотя в хранилищах литературных фондов и в

⁶ Ср. акцентирование блоковской идеи о неуловимости образа Вл. Соловьёва в книге: Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Сов. писатель, 1981. С. 300–301 [7].

⁷ О деятельности Блока в период его председательства в *ПО ВСП* см., в частности: Устинов Б.А. Александр Блок и Николай Гумилев в петроградском Союзе поэтов // Rhema. Рема. 2020. № 2. С. 18–59 [8].

⁸ Медведев П.Н. Неопубликованные рецензии // Памяти Блока: сб. материалов / под ред. [и с предисл.] П.Н. Медведева. 2-е изд., доп. Петербург: Полярная звезда, 1923. С. 63–72 [9].

⁹ См.: Блок и Союз поэтов. I. Блок в архиве Вс.А. Рождественского / предисл. и публ. М.В. Рождественской; коммент. Р.Д. Тименчика; II. Отзывы, сохранившиеся в других архивах / публ. Р.Д. Тименчика // Лит. наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: Наука. 1987. Кн. 4. С. 684–695 [10].

наши дни удастся обнаружить считавшиеся утраченными документы. Так произошло с автографом, хранящимся в РО ИРЛИ в той части необработанного архива Вс. А. Рождественского, которая некогда им самим была передана в Пушкинский Дом. На этом листке экспертами Приемной комиссии *ПО ВСП* были зафиксированы их мнения (начиная с более развернутой записи Блока) о книге стихов «После грозы» (1918 г.) видного геолога, палеонтолога и поэта Анатолия Николаевича Рябинина (1874–1942). Благодаря данной находке стало возможным не только восстановить фамилию претендента и название представленной им на рассмотрение Комиссии книги (оно тоже не было указано Медведевым, дабы избежать подсказок в определении ее автора), но и воссоздать нераскрытый ранее историко-литературный сюжет, сопряженный с именами известных писателей¹⁰.

Судьба еще трех автографов с отзывами членов Приемной комиссии о персонажах под криптонимами «Л-в», «Д-в» и «Ш-р» по-прежнему не раскрыта. Об этих авторах до недавнего времени мы знали лишь то, что сообщил читателям Медведев, а в его произвольную по форме публикацию был включен текст только блоковских резолюций о них¹¹. В связи с этим, помимо поиска указанных автографов, для блоковедов остаются актуальными попытки на основании имеющейся информации понять, о чьих поэтических опытах в них идет речь.

При работе над комментарием к разделу готовящегося 10-го тома *ПССиП*, где публикуются отзывы Блока для Приемной комиссии *ПО ВСП*, удалось установить личность еще одного из претендентов. В результате архивных и историко-литературных разысканий было доказано, что под сокращением «Л-в» подразумевается поэт Владимир Петрович Лебедев (1869–1939)¹². Аргументы в пользу такой атрибуции и подробные комментарии к блоковскому отзыву о В.П. Лебедеве, в том числе касающиеся его биографии и творчества, с привлечением рукописных материалов и документов из его личного архива (Ф. 304) в РГАЛИ, приведены в статье, находящейся в печати¹³.

Благодаря распознаванию адресата, мнение Блока о «Л-в» приобрело неожиданный и, по сути, парадоксальный смысл, что отчасти было связано с литературной репутацией Лебедева и местом, которое отводилось его творчеству в литератур-

¹⁰ См.: Лощинская Н.В. Кто такой «Р-н»: об одном из адресатов отзывов А.А. Блока о поэтах (спустя столетие после их первой публикации П.Н. Медведевым) // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 4(80). С. 161–178 [11].

¹¹ См.: Медведев П.Н. Неопубликованные рецензии. С. 67–69.

¹² После установления личности адресата выяснилось курьезное обстоятельство. Один из реальных псевдонимов Лебедева, использованный им при публикациях в журнале «Север» в 1893 году (№№ 34 и 44), представлял собой сочетание первой и последней буквы фамилии и инициала – «Л-в, В», почти полностью совпадая с криптонимом Медведева.

¹³ Лощинская Н.В. Кто такой «Л-в»? Проблемы атрибуции адресатов отзывов Блока для Приемной комиссии Петроградского Союза поэтов // Александр Блок. Исследования и материалы. Т. 7 (в печати) [12].

ных баталиях эпохи. Чтобы пояснить, в чем заключается парадоксальность блоковского вывода, для начала приведем по публикации Медведева текст отзыва, послуживший исходным материалом при разгадке криптонима: «Думаю, что надо принять, работал долгую жизнь и профессиональный признак налицо. Нехорошо, что скрывает, что его биография – из “Русского Паломника” и напирает на “Известия” и “Каляева”» [9, с. 69]. Стоит отметить, что упомянутые в отзыве факты сыграли существенную роль при идентификации личности В.П. Лебедева, поскольку удалось не только подтвердить его многолетнее сотрудничество в журнале «Русский паломник» и работу в качестве секретаря в газете «Известия Петросовета», но и обнаружить в лебедевском фонде в РГАЛИ рукопись стихотворного текста под названием «Подвиг Каляева [Пошадил!.. Из светлых страниц русской революции – 1905 г.] Рассказ Вл.П. Лебедева»¹⁴. Вместе с тем при знакомстве с отзывом Блока сразу обращает на себя внимание и другое обстоятельство. В блоковском заключении, состоящем всего из двух предложений, имеется явное противоречие между положительной рекомендацией эксперта («надо принять») и негативной, по существу («нехорошо, что скрывает» и т. д.), характеристикой материалов, приложенных автором к заявлению с просьбой о вступлении в *ПО ВСП*. Даже если мы не знаем фамилию адресата отзыва, одобрительный вердикт Блока трудно обосновать исходя из известных нам критериев Приемной Комиссии. Длительный литературный стаж («работал долгую жизнь») и «профессиональный признак» не являлись достаточными аргументами для действительного членства в *ПО ВСП*.

Формально петроградское отделение приняло устав революционно настроенного московского центра Всероссийского союза поэтов, но фактически находилось в скрытой оппозиции к власти и отстаивало право на независимость творческого самовыражения. Как отмечала Т.А. Кукушкина, петроградское отделение Союза «состояло в основном из поэтов старшего, дореволюционного, поколения и поэтической молодежи, близкой им по творческим ориентирам»¹⁵. При отборе новых членов в *ПО ВСП* упор делался на поиск и поддержку молодых одаренных авторов, которые могли бы внести свой вклад в развитие поэтических школ вне уставных задач сугубо революционного искусства¹⁶. Такая ориентация была целесообразна также в плане привлечения молодежи при осуществлении материальной и организационной деятельности Союза.

¹⁴ См.: Лебедев В.П. Подвиг Каляева // РГАЛИ. Ф. 304. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1 [13]. Этот стихотворный рассказ был посвящен описанию исторического события, когда И. Каляев не стал бросать бомбу в карету вел. кн. Сергея Александровича, заметив рядом с ним его малолетних племянников.

¹⁵ См.: Кукушкина Т.А. Всероссийский Союз поэтов. Ленинградское отделение (1924–1929): Обзор деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб.: Дм. Буланин, 2007. С. 84 [14].

¹⁶ См. пункт 1 принятого в Москве устава Всероссийского союза поэтов с требованием осуществлять пропаганду «творческих идей революционного искусства»: Кукушкина Т.А. Всероссийский Союз поэтов. Ленинградское отделение (1924–1929). С. 123 (Приложение 1).

При этом в практике приема в *ПО ВСП* были не только закономерные возрастные (когда речь шла об уже состоявшихся писателях), но и жанровые отступления от избранных критериев, как, например, в случае принятия в Союз материально нуждавшегося в послереволюционный период А.М. Ремизова, чьи произведения на одном из запротоколированных заседаний Приемной комиссии были причислены к стихотворениям в прозе¹⁷. Но почему Блок предлагал сделать исключение для немолодого В.П. Лебедева, который в поэтическом отношении давно не развивался как лирик, а после Октябрьской революции переключился на юмористику, злободневную сатиру, написание сценариев, либретто и т.п.? К тому же Лебедев нашел для себя не только творческую, но и социальную нишу, работая в типографском издательстве, сотрудничая с большевистской прессой, а также имея льготы и послабления, например, в виде освобождения от «окопных» и «снежных» работ¹⁸. Ответить на этот вопрос не получится без выявления неочевидных причин блоковской оценки. Кстати, Медведев, впервые публикуя этот отзыв, уже тогда обращал внимание читателей на его нетипичную подоплеку, справедливо заявляя: «Как видим, в основе всех ... отзывов лежат суждения Ал. Блока о поэтическом достоинстве присланного на рецензию материала. Но иногда, правда, очень редко, Ал. Блок отступал от этого критерия и принимал во внимание некоторые побочные обстоятельства или же даже отказывался от отзыва. Об этом свидетельствуют следующие три рецензии» [9, с. 69]. В качестве первой из них Медведев приводит заключение Блока о Лебедеве.

Что вообще мог знать Блок об этом писателе, не входившем в сферу его непосредственного общения, помимо сведений, сообщенных экспертам Приемной комиссии самим Лебедевым? Насколько известно, ни стихотворные, ни прозаические произведения В.П. Лебедева не упоминались Блоком при характеристике круга своего раннего чтения¹⁹. В подростковом возрасте и позднее, интересуясь шуточным жанром, он мог познакомиться с юмористическими зарисовками Лебедева в журналах «Шут», «Осколки», «Словцо» и других, не зная при этом фамилии их автора, поскольку они публиковались под разными псевдонимами (В.Л., Вадим, Верин Вл., Мур, Свободный и др.). Для некоторых из них в «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова в качестве источника информации указан А.А. Коринфский²⁰,

¹⁷ См.: Блок и Союз поэтов. I. Блок в архиве Вс.А. Рождественского. С. 692, 693–694.

¹⁸ Сохранилось «Удостоверение» Лебедева, в котором указано, что, будучи членом президиума Фабрично-заводского комитета Типографского издательства П.П. Сойкина, состоящего в ведении государства, он освобождается от разных видов «трудовой повинности» (см.: Лебедев В.П. <Удостоверение на бланке Фабрично-заводского комитета при типографии П.П. Сойкина> // Автобиография Владимира Петровича Лебедева с приложением газетных вырезок с произведениями, деятельности <sic!> В.П. Лебедева и приложением его личных документов // РГАЛИ. Ф. 304. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 25 [15]).

¹⁹ Впрочем, Лебедев на рубеже 1980–1990-х годов сам едва вступил на литературное поприще.

²⁰ См., например: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. Т. 1. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956. С. 225 [16].

бывший с Лебедевым в дружеских отношениях и хорошо знавший его в качестве постоянного автора и сотрудника ряда популярных литературных журналов («Книжки “Недели”», «Север» и мн. др.), где он служил секретарем редакций, а также как неперменного участника популярных «Пятниц» К.К. Случевского.

В связи с этим неформальным литературным объединением, куда по замыслу его вдохновителя и организатора К.К. Случевского входили представители разных возрастных групп и разных идейно-художественных устремлений, имя Лебедева могло стать известным Блоку от его бывшего репетитора, а затем университетского преподавателя В.М. Грибовского, а также от мужа его покойной тетки поэтессы Е.А. Красновой (урожд. Бекетовой) П.Н. Краснова, историка, публициста, литературного критика и переводчика. И В.М. Грибовский, и П.Н. Краснов сами были участниками «Пятниц», причем П.Н. Краснов высоко ценил поэзию К.К. Случевского, именно ему присуждая место «короля русских поэтов»²¹.

Тем не менее нет никаких свидетельств интереса Блока к этим литературным вечерам, в ином виде продолжившим в память о Я.П. Полонском традицию его знаменитого «пятничного» салона. В отличие от поэтического наследия Полонского, которого юный Блок вслед за Вл. Соловьевым²² причислял к «предтечам» идеи «Вечной Женственности», лирика К.К. Случевского, основателя новых «пятничных» литературных собраний, осталась вне блоковских оценок. Фамилия Случевского только однажды была зафиксирована в многочисленных блоковских записных книжках (имеется в виду перечень поэтов в записной книжке № 1, чьи стихотворные тексты были отобраны Блоком в период его юношеского увлечения декламацией²³). Характерно, что книги Случевского не встречаются в описании блоковской библиотеки, хранящейся в Пушкинском Доме. И лишь дважды среди огромного количества блоковских помет на сохранившихся изданиях разных авторов выделено его имя. Причем в первом случае речь идет не о поэзии Случевского, а о высказываниях Случевского-критика, рассмотренных Андреем Белым в 1911 году в работе «Трагедия творчества: Достоевский и Толстой»²⁴.

Думается, что Блоку в пору формирования собственных эстетических воззрений вряд ли был близок замысел Случевского объединить литературные группировки под знаком человеческой общности и служения абстрактному духу

²¹ См.: Краснов П. Кому быть королем русских поэтов? // Новый мир. 1899. № 3. С. 52–56 [17].

²² О влиянии очерка Вл. Соловьева «Поэзия Я.П. Полонского» (1896 г.) на восприятие творчества Полонского Блоком см.: Грякалова Н.Ю. К генезису образности ранней лирики Блока (Я. Полонский и Вл. Соловьев) // Александр Блок. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. Т. 2. С. 5 [18].

²³ См. запись Блока в его записной книжке № 1: Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 13. Записные книжки (1901–1914). М.: Наука, 2022. С. 7 [19].

²⁴ См. описание пометы Блока на стр. 9 указанной работы Андрея Белого: Библиотека А.А. Блока. Описание (А–И) // Библиотека А.А. Блока. Описание: в 3 кн. Кн. 1. / сост. О.В. Миллер, Н.А. Колобова, С.Я. Вовина; под ред. К.П. Лукирской. Л.: БАН СССР, 1984. С. 33 [20].

поэзии. Зарождающийся «младосимволизм» с его особой «софийной» философией, эстетикой и поэтикой требовал размежевания с традиционалистскими литературными направлениями и создания своего элитарного кружка «посвященных», каковым стало неформальное объединение «Аргонавты» в Москве. В «<Наброске статьи о русской поэзии>» (дневник 1901–1902 года) юный Блок, выражая свое понимание экзистенциальных задач поэзии, вопрошал поэтов-современников: «Где же вы, родные сердца, отчего вас так мало, отчего вы не пойдете за чистым, глубоким, может быть частями "безумным", зато частями открывающим несметные сокровища "глубинных" чувств и мыслей, – когда вы тысячами влачите за великим злом века, за статичной денежностью?»²⁵. К «великим учителям», помимо «гиганта» Вл. Соловьёва, он относил Ф.И. Тютчева, А.А. Фета и Я.П. Полонского²⁶. Все они, по мысли Блока, ощущали в веках присутствие великой «вечно-женственной тени»²⁷. Случевский с его глубокими христианскими (при всех колебаниях и сомнениях) воззрениями, питавшими его поэзию²⁸, не был назван в их числе. И хотя в зрелой блоковской лирике имеется целый ряд тематических и мотивных перекличек со стихотворениями Случевского, Блок и в более поздние годы нигде не высказывался об их авторе. Более того, он отказывался посещать организованный после смерти поэта кружок его поклонников под названием «Вечера Случевского», куда заочно был избран 18 февраля 1906 года²⁹. На его индифферентное отношение не могли повлиять ни положительная оценка творчества Случевского Соловьёвым в статье «Импрессионизм мысли» (1897 г.)³⁰, ни признание его литературных заслуг представителями старших и младших символистов (например, В.Я. Брюсовым, Вяч. Ивановым, И.И. Коневским и др.).

Что же говорить о традиционалисте В.П. Лебедеве, который изначально вошел, по наблюдению С.В. Сапожкова, в коллектив «пятничников» в составе наиболее многочисленной группы поэтов журнала «Север»³¹. Трудно предположить, что могло заинтересовать молодого Блока в фигуре писателя, в первую очередь ориентированного на классические образцы поэзии А.Н. Майкова, которому Лебедев стремился подражать в своем творчестве.

Консервативный настрой ряда писателей-эпигонов еще ранее отметил для себя В. Брюсов. Не случайно он превратил фамилии этих авторов в нарицательные, считая, что их век закончился с появлением первых признаков оформления символистской школы в России. Этим выводом он поделился в письме к

²⁵ Блок А.А. Дневник 1901–1902 // Блок А.А. Собр. соч. и писем: в 8 т. Т. 7. С. 25 [21].

²⁶ Там же. С. 23, 29.

²⁷ Там же. С. 32, 35.

²⁸ См. об этом: Тахо-Годи Е. Константин Случевский: портрет на пушкинском фоне. СПб.: Алетейя, 2000. С. 354 [22].

²⁹ Об избрании Блока в кружок см., в частности: Там же. С. 379.

³⁰ Об обстоятельствах написания этой статьи и об отношениях В.С. Соловьёва и К.К. Случевского см.: Там же. С. 161–168.

³¹ См.: Сапожков С.В. «Пятницы» К.К. Случевского (по новым материалам) // Новое лит. обозрение. 1996. № 18. С. 245 [23].

П.П. Перцову от 19 июля 1896 года, которое тот позднее обнародовал. Нелицеприятно отзываясь об этой группе поэтов, Брюсов констатирует: «Заметили ли Вы, что с недавних пор у нас начала образовываться школа в поэзии. О, как этому можно радоваться! Подумайте, – тогда невозможны станут Федоровы, Лебедевы, Тулубы» [24, с. 78].

Брюсов явно не симпатизировал Лебедеву. Описывая свой визит к Ф.К. Сологубу, где среди гостей присутствовал Лебедев, он подчеркивал преимущество другого поэта, И.И. Коневского (Ореуса) – представителя «новой поэзии». Об этом свидетельствует его запись в дневнике от 12 декабря 1898 года: «От Сафонова попал к Ф. Сологубу. Были там разные люди – Гиппиус, Минский, Коринфский, Лебедев (человек дикий и угрюмый) и молоденький студент Ореус. Мы с Бальмонтом держались в стороне. Самым замечательным было чтение Ореуса, ибо он прекрасный поэт» [25, с. 55].

Характеристика Лебедева как человека «угрюмого» коррелирует с пессимистической тональностью ряда его стихотворений в 1890-е годы. Помимо литературной моды, в период формирования эстетических предпочтений В.П. Лебедева, такая окраска стихов, возможно, в какой-то степени была спровоцирована обстоятельствами его биографии – ранним сиротством, отсутствием полноценной семьи в детстве. Как известно, с 1877 года он воспитывался в доме дяди, прозаика Н.К. Лебедева, дарование которого было отмечено Ф.М. Достоевским. Умер дядя рано, в 43 года, когда племяннику было всего 18 лет. Бытописатель русских литераторов Ф.Ф. Фидлер в своем дневнике (запись от 3 октября 1904 года) приводил свидетельство П.П. Гнедича о Лебедеве-старшем: «Рассказывал о Лебедеве (Морском <псевдоним Н.К. Лебедева. – Н.Л.>). Тот зарабатывал очень много, но жил в чердачном помещении и носил драные штаны. Все удивлялись его скупости. Но когда он умер, оказалось, что денег у него нет. Оказалось, он оплачивал обучение примерно тридцати бедных детей» [26].

Не отсюда ли возникли мотивы тоски, одиночества и апология семейных ценностей в поэзии Лебедева конца XIX века? Например, в стихотворении «Из забытых писем. (Отрывки)», состоящем из трех пронумерованных фрагментов, в первом – он рисует мрачную беспросветную картину: «И я – один... один... И впереди – / Холодный мрак дороги одинокой, / И чей-то голос мне жестокий / Твердит: – “Ты счастья не жди!..”»³², во втором – изображает гармонию счастливой семейной жизни, полной самоотдачи и взаимной любви, в третьем – сетует по поводу бездушия «жесткого, себялюбивого» века и безнадежного эгоизма людей, утративших способность любить.

И все-таки, судя по публикационной активности В.П. Лебедева, аскетичная атмосфера постоянного литературного труда, которому было посвящено все время его дяди, как и его литературное окружение, в чем-то пошли племяннику

³² См.: Денница: Альманах 1900 г. / изд. под ред. П.П. Гнедича, К.К. Случевского и И.И. Ясинского. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1900. С. 65 [27].

на пользу. Известен факт его самостоятельной отправки в 1887 году собственного стихотворения на суд своему кумиру, А.Н. Майкову, на что тот ответил юному поэту стихами под названием «Ответ Л. (Нет, то не Муза, дочь небес...)»³³. Начиная с 1888 года Лебедев много печатался, однако, как заметил автор словарной статьи о нем В.М. Лукин, его поэтическая продукция «почти не получала критич<еского> отклика и лишь после 1905 <года>, с распространением лит<ературного> модернизма, привлекла внимание традиционалистски настроенной критики как некий противовес ...»³⁴.

При такой расстановке литературных сил в начале XX столетия, когда Лебедев воспринимался представителями «новейшей поэзии» как ретроград и эпигон – поэт из враждебного лагеря, тем более странным выглядит позднейшее желание Блока поддержать его кандидатуру для вступления в *ПО ВСП*. Но, как оказалось, скрытые причины для такого решения у Блока все-таки были, и касаются они истоков его собственной поэзии. На это указывает письмо Блока из Шахматова от 28 июля 1901 года его университетскому товарищу А.В. Гиппиусу. В конце письма Блок переписывает привлекшее его внимание переводное стихотворение, поясняя другу: «Стихотворение, приводимое ниже, должно, по моему, доставить удовольствие. Это – Аснык, в переводе... Лебедева!» [30, с. 21]. Поставить многоточие перед фамилией переводчика можно было только в том случае, если речь шла об известном для автора и адресата письма персонаже, то есть о Лебедеве, но в неожиданном для них качестве. Действительно, знакомство с переводом Лебедева стихотворения польского поэта А. Асныка (1838–1897) «Чудесный сон» (*Dziwny sen*, 1872 г.) позволяет сделать важный вывод: по смыслу лебедевский текст оказался поразительно созвучен сокровенным мистическим переживаниям самого Блока, а по стилистике, необычной для Лебедева, он соответствует стилю и топике блоковских стихотворений, вошедших позднее в цикл «Стихи о Прекрасной Даме» (1901–1904 гг.).

Перевод Лебедева был опубликован в апреле 1901 года в журнале «Вестник иностранной литературы»³⁵. Вниманию Блока к публикациям в этом журнале подтверждает памятка в его записной книжке № 1: «В Шахматове В<естник> И<ностранной> Л<итературы> 1902 привезти весь» [19, с. 37]. Переписав выразительный по инструментовке перевод В.П. Лебедева, в котором преобладает мелодичный ряд сонорных и гласных звуков, Блок включил его в свою подборку текстов для декламации³⁶. Позднее Блок еще раз обратился к этому стихотворению, используя

³³ См. текст стихотворения и комментарий к нему: Майков А. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1977. С. 204, 816 [28].

³⁴ См.: Лукин В.М. Лебедев Владимир Петрович // Русские писатели. 1800–1917: биограф. словарь. Т. 3. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 296–297 [29].

³⁵ См.: Лебедев В. Чудесный сон. Из Адама Асныка (с польского) // Вестник иностр. литературы. 1901. № 4. С. 72 [31].

³⁶ См.: Блок А. Моя декламация, роли, заметки, стихи разных поэтов, выписки из книг и пр. // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 72–72 об. [32].

видоизмененную цитату из него в письме к Л.Д. Менделеевой от 21 ноября 1902 года. Это произошло спустя две недели после «решительного объяснения» Блока с будущей невестой, давшей во время свидания в Казанском соборе в ночь с 7 на 8 ноября 1902 года свой «Царственный Ответ»³⁷, то есть согласившись стать его женой. Блок пишет невесте об охватившем его смятении: «Мысли в таком вихре и так разбиваются, что мне трудно говорить Тебе о связном и возможном. Только любовь имеет право теряться в бесконечном. <...> Часто всё это давит неразрешенностью, но чаще только сладкая боль, только волнение, разбивающееся у подножия Твоей скалы.

“Ты всё точила мой гранит –
И в сладостном влеченьи –
Я знал, я знал, что мне сулит
Любви предназначенье”» [34, с. 48].

Поясняя свои чувства при помощи фрагмента стихотворения Адама Асныка «Чудесный сон» в переводе Лебедева, Блок заменяет неперсонифицированное понятие «судьбы предназначенье» на словосочетание «любви предназначенье», которое коррелирует с пониманием любви как воплощения высшей цели бытия в духе теории Вл. Соловьева, изложенной им в цикле из пяти статей «Смысл любви» (1892–1894 гг.). При этом, по сравнению с замыслом Адама Асныка, Блок существенно переосмыслил значение обыгранных в оригинальном стихотворении (и в переводе Лебедева) символов. Судя по цитированному фрагменту его письма к Л.Д. Менделеевой, «скала» для Блока ассоциировалась с образом лирической героини, а «волна» – с эмоциональным состоянием героя.

Все, что было сопряжено с мистическими озарениями периода «Стихов о Прекрасной Даме» и надеждой на скорое преображение вселенной, присущими Блоку в начале XX века, в последние годы жизни обрело особое значение в его творческом сознании как некий утраченный рай, несбывшаяся или, точнее, отложенная на неопределенное время мечта о гармоничном мире. И те поэты, чья образность была близка символике раннего творчества Блока, даже спустя много лет могли рассчитывать на его заинтересованное внимание.

Лебедев в своем переложении романтического по духу стихотворения Адама Асныка прикоснулся к тем «сокровищам» «глубинных» чувств и мыслей³⁸, о которых писал Блок в дневнике 1901–1902 года. Возможно, после знакомства с переводом он стал более заинтересованно следить за творчеством Лебедева. Косвенно такой интерес подтверждается присутствием в блоковской лирике лебедевских реминисценций. Это касается, например, конструктивных особенностей поэтики в стихотворении Лебедева «Утро» из его поэтического сборника «Тихие песни» (1901 г.): «Заря взошла, как властная царица, / И бледный пурпур

³⁷ Цитата из стихотворения Блока «Я их хранил в приделе Иоанна...» (8 ноября 1902); см. этот текст и комментарий к нему: Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1. С. 135, 565 [33].

³⁸ См.: Блок А.А. Дневник 1901–1902 // Блок А.А. Собр. соч. и писем: в 8 т. Т. 7. С. 25.

в небе разлился – / И ожила, и запылала вся, / В снегу холодном, гордая столица...» [35, с. 64]. Не только распространенная с пушкинских времен рифма *царица – столица* с учетом контекста стихотворения Лебедева, в котором «столица» одушевляется, а «заря» сравнивается с «властной царицей», но даже характерные для этого четверостишия эпитеты («бледный», «холодный») отразились в незаконченном стихотворном наброске от <20> июля 1902 года в записной книжке Блока № 1 (Л. 57 об.), где вместо утренней зари описывается вечерняя: «Тень бледная легла на вычурный гранит. / Прекрасная задумалась столица / <...> / [Закат] Вечерняя заря молчанье сторожит. / [Холодная и] строгая царица [19, с. 30]. Сравните также рифмовку в финале другого стихотворения Лебедева – «Умиряющее солнце шлет последние лучи...»: «И навеки тьма сокроет в складках сумрачных одежд / Умиряющее солнце умирающих надежд!...» [35, с. 9], с рифмовкой в стихотворении Блока из первого тома его лирики «Замер, кажется, в зените...» (29 августа 1902 г.): «За нарядные одежды / Осень солнцу отдала / Улетевшие надежды / Вдохновенного тепла» [33, с. 118].

Отголоски юношеского интереса Блока к поэзии Лебедева присутствуют иногда и в зрелой блоковской лирике. Например, романтическая трактовка творческой «животворящей муки» в стихотворении Лебедева «В мгновенья смутные, когда темно и вяло...», где подчеркивается контраст поэтического вдохновения и обыденной жизни («Без страсти, без огня плывет за часом час...») [35, с. 15]³⁹, отразилась в блоковском стихотворении «О, нет! Не расколдуешь сердца ты...» (1913 г.). В нем подобным образом описано состояние лирической героини («И вдруг очнешься – пусто; нет огня»), противопоставленное «тайному жару стихов»⁴⁰, помогающему ей жить.

До нас не дошли сведения о реакции других членов Приемной комиссии на предложение Блока принять В.П. Лебедева в *ПО ВСП*. В современных справочно-биографических заметках о Лебедеве нет упоминания о его попытке вступления в Петроградский Союз поэтов. Обычно отмечается только тот факт, что с 1925 года он состоял в Ленинградском обществе драматических и музыкальных писателей. Однако среди документов Ленинградского отделения Всероссийского Союза поэтов (так называемого 2-го созыва), которые сохранились в Рукописном отделе Пушкинского Дома, имеются три его анкеты, заполнявшиеся им 20 июня 1924 года, 25 мая 1925 года и 4 марта 1926 года. 24 июля 1924 года на основании «Протокола правления» на обороте первой, самой ранней по дате заполнения анкеты была сделана отметка о принятии В.П. Лебедева в Ленинградское отделение Союза поэтов⁴¹.

³⁹ См.: Лебедев В.П. Тихие песни: Стихотворения: 1889–1900. С. 15.

⁴⁰ См.: Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 3: Стихотворения. Кн. 3 (1907–1916). М.: Наука, 1997. С. 103 [36].

⁴¹ Лебедев В.П. <Анкеты (3), 1924–1926> // Анкеты (38) членов Л<енинградского> О<тделения> Союза поэтов. Дмитриев – Нельдихен. Подлинники. 1924–1927 // РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 2. Ед. хр. 61. Л. 18–20 [37].

Список литературы

1. Минц З.Г. Блок и русский символизм: избранные труды в 3 кн. Кн. 1. Поэтика Александра Блока. СПб.: Искусство-СПб, 1999–2004, 1999. 726 с.
2. Игошева Т.В. Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма. М.: ГлобалКом, 2013. 397 с.
3. <Минц З.Г. Комментарий к разделу «Стихи о Прекрасной Даме»> // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1: Стихотворения. Кн. 1 (1898–1904). М.: Наука, 1997. С. 452–562.
4. [Орлов В.] Хронологическая канва жизни и творчества Александра Блока // Блок А.А. Собр. соч. и писем: в 8 т. Т. 7: Автобиография. 1915. Дневники. 1901–1921 / подгот. текста и примеч. В. Орлова. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. С. 523–542.
5. Кузнецова О.А. История формирования лирической трилогии Блока // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1. С. 385–393.
6. Блок А.А. Рыцарь-монах // Блок А.А. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 8: Проза (1908–1916). М.: Наука, 2010. 587 с.
7. Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Сов. писатель, 1981. 552 с.
8. Устинов А.Б. Александр Блок и Николай Гумилев в петроградском Союзе поэтов // Rhema. Рема. 2020. № 2. С. 18–59.
9. Медведев П.Н. Неопубликованные рецензии // Памяти Блока: сб. материалов / под ред. [и с предисл.] П.Н. Медведева. 2-е изд., доп. Петербург: Полярная звезда, 1923. С. 63–72.
10. Блок и Союз поэтов. I. Блок в архиве Вс.А. Рождественского / предисл. и публ. М.В. Рождественской; коммент. Р.Д. Тименчика; II. Отзывы, сохранившиеся в других архивах / публ. Р.Д. Тименчика // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1987. Кн. 4. С. 684–695.
11. Лощинская Н.В. Кто такой «Р-н»: об одном из адресатов отзывов А.А. Блока о поэтах (спустя столетие после их первой публикации П.Н. Медведевым) // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 4(80). С. 161–178.
12. Лощинская Н.В. Кто такой «Л-в»? Проблемы атрибуции адресатов отзывов Блока для Приемной комиссии Петроградского Союза поэтов // Александр Блок. Исследования и материалы. [Т. 7] (в печати).
13. Лебедев В.П. Подвиг Каляева // РГАЛИ. Ф. 304. Оп. 1. Ед. хр. 14. 5 л.
14. Кукушкина Т.А. Всероссийский Союз поэтов. Ленинградское отделение (1924–1929): Обзор деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб.: Дм. Буланин, 2007. С. 83–139.
15. Лебедев В.П. <Удостоверение на бланке Фабрично-заводского комитета при типографии П.П. Сойкина> // Автобиография Владимира Петровича Лебедева с приложением газетных вырезок с произведениями, деятельности <sic!> В.П. Лебедева и приложением его личных документов // РГАЛИ. Ф. 304. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 25.
16. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. Т. 1. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956. 442 с.
17. Краснов П. Кому быть королем русских поэтов? // Новый мир. 1899. № 3. С. 52–56.
18. Грякалова Н.Ю. К генезису образности ранней лирики Блока (Я. Полонский и Вл. Соловьев) // Александр Блок. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. Т. 2. С. 49–63.
19. Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 13. Записные книжки (1901–1914). М.: Наука, 2022. 718 с.
20. Библиотека А.А. Блока. Описание (А–И) // Библиотека А.А. Блока: Описание: в 3 кн. Кн. 1 / сост. О.В. Миллер, Н.А. Колобова, С.Я. Вовина; под ред. К.П. Лукирской. Л.: БАН СССР, 1984. С. 8–315.
21. Блок А.А. Дневник 1901–1902 // Блок А.А. Собр. соч. и писем: в 8 т. Т. 7. С. 19–68.
22. Тахо-Годи Е. Константин Случевский: портрет на пушкинском фоне. СПб.: Алетейя, 2000. 389 с.

23. Сапожков С.В. «Пятницы» К.К. Случевского (по новым материалам) // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 232–376.
24. Письма В.Я. Брюсова к П.П. Перцову. М.: Госуд. акад. худож. наук, 1927. 81 с.
25. Брюсов В. Дневники 1891–1910. [М.]: М. и С. Сабашниковы, 1927. 203 с.
26. Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов. Характеры и суждения. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 864 с.
27. Денница: Альманах 1900 г. / изд. под ред. П.П. Гнедича, К.К. Случевского и И.И. Ясинского. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1900. 472 с.
28. Майков А.Н. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1977. 910 с.
29. Лукин В.М. Лебедев Владимир Петрович // Русские писатели. 1800–1917: биограф. словарь. Т. 3. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 296–297.
30. Блок А.А. Собр. соч. и писем: в 8 т. Т. 8: Письма. 1898–1921 / подгот. текста и примеч. М.И. Дикман. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. 771 с.
31. Лебедев В. Чудесный сон. Из Адама Асныка (с польского) // Вестник иностр. литературы. 1901. № 4. С. 72.
32. Блок А. Моя декламация, роли, заметки, стихи разных поэтов, выписки из книг и пр. // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 72–72 об.
33. Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1: Стихотворения. Кн. 1 (1898–1904). М.: Наука, 1997. 638 с.
34. А.А. Блок – Л.Д. Менделеева-Блок. Переписка 1901–1917. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 717 с.
35. Лебедев Вл.П. Тихие песни: Стихотворения: 1889–1900. СПб.: Электронпечатня Я. Кровицкого, 1901. 222 с.
36. Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 3: Стихотворения. Кн. 3 (1907–1916). М.: Наука, 1997. 989 с.
37. Лебедев В.П. <Анкеты (3), 1924–1926> // Анкеты (38) членов Л<енинградского> О<тделения> Союза поэтов. Дмитриев – Нельдихен. Подлинники. 1924–1927 // РО ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 2. № Ед. хр. 61. Л. 18–20.

References

(Sources)

Collected Works

1. Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 1: Stikhotvoreniya. Kn. 1 (1898–1904)* [Complete Works and letters: in 20 vols., vol. 1: Poems. Book 1 (1898–1904)]. Moscow: Nauka, 1997. 638 p.
2. Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 3: Stikhotvoreniya. Kn. 3 (1907–1916)* [Complete Works and letters: in 20 vols., vol. 3: Poems. Book 3 (1907–1916)]. Moscow: Nauka, 1997. 989 p.
3. Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 13: Zapisnye knizhki (1901–1914)* [Complete works and letters in 20 vols., vol. 13: Notebooks, 1901–1914]. Moscow: Nauka, 2022. 718 p.
4. Blok, A.A. *Sobranie sochineniy i pisem v 8 t., t. 8: Pis'ma. 1898–1921* [Complete works and letters in 8 vols., vol. 8: Letters. 1898–1921]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat, 1963. 771 p.

Individual works

5. Blok, A.A. *Dnevnik 1901–1902* [Diaries. 1901–1902], in Blok, A.A. *Sobranie sochineniy i pisem v 8 t., t. 7: Avtobiografiya. 1915. Dnevnik. 1901–1921* [Complete works and letters in 8 vols., vol. 7: Autobiography. 1915. Diaries. 1901–1921]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat, 1963, pp. 19–68.
6. A.A. Blok – L.D. Mendeleyeva-Blok. *Perepiska 1901–1917* [A.A. Blok – L.D. Mendeleyeva-Blok. Correspondence 1901–1917]. Moscow: IMLI RAN, 2017. 717 p.

7. Blok, A. Moya deklamatsiya, roli, zametki, stikhi raznykh poetov, vypiski iz knig i pr. [My recitations, roles, notes, poems by various poets, excerpts from books, etc.], in *Manuscripts Dept. of IRLI*. F. 654. Op. 1. № 175. L. 72–72 ob.
8. Blok, A.A. Rytsar'-monakh [Knight Monk], in Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 8: Proza (1908–1916)* [Complete works and letters in 20 vols., vol. 8: Prose (1908–1916)]. Moscow: Nauka, 2010, pp. 136–142.
9. Bryusov, V. *Dnevniky 1891–1910* [Diaries 1891–1910]. [Moscow]: M. i S. Sabashnikovy, 1927. 203 p.
10. Gnedich, P.P., Sluchevskiy, K.K., Yasinskiy, I.I. (red.). *Dennitsa: Al'manakh 1900 g.* [Dennitsa: Almanac, 1900]. Saint-Petersburg: tipografiya A.S. Suvorina, 1900. 472 p.
11. Fidler, F.F. *Iz mira literatorov: kharaktery i suzhdeniya* [From the World of Writers: Characters and Judgments]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 864 p.
12. Krasnov, P. Komu byt' korolem russkikh poetov? [Who should be the king of Russian poets?], in *Novyy mir*, 1899, no. 3, pp. 52–56.
13. Kuznetsova, O.A. Istoriya formirovaniya liricheskoy trilogii Bloka [History of the Formation of Blok's Lyrical Trilogy], in Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 1: Stikhotvoreniya. Kn. 1 (1898–1904)* [Complete Works and letters: in 20 vols., vol. 1: Poems. Book 1 (1898–1904)]. Moscow: Nauka, 1997, pp. 385–393.
14. Lebedev, V.P. < Ankety (3), 1924–1926>, in Ankety (38) chlenov Vserossiyskogo soyuza poetov (Leningradskogo Otdeleniya) Soyuz poetov. Dmitriev – Nel'dikhen. Podlinniki. 1924–1927 [Questionnaires (38) of members of the Leningrad branch of the Union of Poets. Dmitriev – Neldihen. Originals. 1924–1927], in *RO IRLI*. F. 291. Op. 2. № 61.
15. Lebedev, V. Chudesnyy son. Iz Adama Asnyka (s pol'skogo) [A wonderful dream. From Adam Asnyk (from Polish)], in *Vestnik inostrannoy literatury*, 1901, no. 4, p. 72.
16. Lebedev, V.P. Podvig Kalyaeva [Kalyaev's feat], in *RGALI*. F. 304. Op. 1. № 14. 5 l.
17. Lebedev, V.P. *Tikhie pesni: Stikhotvoreniya: 1889–1900* [Quiet songs: Poems: 1889–1900]. Saint-Petersburg: elektropechatnya Ya. Krovitskogo, 1901. 222 p.
18. Lebedev, V.P. <Udostoverenie na blanke Fabrichno-zavodskogo komiteta pri tipografii P.P. Soykina> [Certificate on the factory committee's letterhead in the P.P. Soikin printing house], in *Avtobiografiya Vladimira Petrovicha Lebedeva s prilozheniem gazetnykh vyrezok s proizvedeniyami, deyatel'nosti <sic!> V.P. Lebedeva i prilozheniem ego lichnykh dokumentov* [Autobiography of Vladimir Petrovich Lebedev with the attachment of newspaper clippings with the works, activities <sic!> of V.P. Lebedev and the attachment of his personal documents], in *RGALI*. F. 304. Op. 1. № 1. l. 25.
19. Lukin, V.M. Lebedev Vladimir Petrovich [Vladimir Lebedev], in *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar'. T. 3* [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary. Vol. 3]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1994, pp. 296–297.
20. Masanov, I.F. *Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley v 4 t., t. 1* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists, and Public Figures in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznoy knizhnoy palaty, 1956. 442 p.
21. Maykov, A. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1977. 910 p.
22. Mints, Z.G. *Blok i russkiy simvolizm: izbrannye trudy v 3 kn. Kn. 1. Poetika Aleksandra Bloka* [Blok and Russian Symbolism: Selected Works in 3 books, book 1. The Poetics of Alexander Blok]. Saint-Petersburg: Iskustvo-SPB, 1999–2004, 1999. 726 p.
23. <Mints, Z.G. Kommentariy k razdelu «Stikhi o Prekrasnoy Dame»> [Commentary on the section “Poems about the Beautiful Lady”], in Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 1: Stikhotvoreniya. Kn. 1 (1898–1904)* [Complete Works and letters in 20 vols., vol. 1: Poems. Book 1 (1898–1904)]. Moscow: Nauka, 1997, pp. 452–562.
24. [Orlov, V.] Khronologicheskaya kanva zhizni i tvorchestva Aleksandra Bloka [Chronological outline of Alexander Blok's life and work], in Blok, A.A. *Sobranie sochineniy i pisem v 8 t., t. 7: Avtobiografiya. 1915. Dnevniky. 1901–1921* [Complete works and letters in 8 vols., vol. 7: Autobiography. 1915. Diaries. 1901–1921]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat, 1963, pp. 523–542.

25. Pis'ma V.Ya. Bryusova k P.P. Pertsovu [Letters from V.Ya. Bryusov to P.P. Pertsov]. Moscow: Gosudarstvennaya akademiya khudozhestvennykh nauk, 1927. 81 p.

Articles from Scientific Journals

26. Loshchinskaya, N.V. Kto takoy «R-n»: ob odnom iz adresatov otzyvov A.A. Bloka o poetakh (spustya stoletie posle ikh pervoy publikatsii P. N. Medvedevym) [Who is "R-n": about one of the addressees of A.A. Blok's reviews of poets (one hundred years after their first publication by P.N. Medvedev)], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2023, issue 4(80), pp. 161–178.

27. Sapozhkov, S.V. «Pyatnitsy» K.K. Sluchevskogo (po novym materialam) ["Fridays" by K.K. Sluchevsky (Based on New Materials)], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1996, no. 18, pp. 232–376.

28. Ustinov, A.B. Aleksandr Blok i Nikolay Gumilev v petrogradskom Soyuze poetov [Ustinov A. Alexander Blok and Nikolai Gumilev in the Petrograd Union of Poets], in *Rhema*, 2020, no. 2, pp. 18–59.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

29. Gryakalova, N.Yu. K genezisu obraznosti ranney liriki Bloka (Ya.Polonskiy i Vl. Solov'ev) [To the Genesis of the Imagery in Blok's Early Lyrics (Ya. Polonsky and Vl. Solovyov)], in *Aleksandr Blok. Issledovaniya i materialy* [t. 2] [Alexander Blok. Research and materials [vol. 2]]. Leningrad: Nauka, 1991, pp. 49–63.

30. Kukushkina, T.A. Vserossiyskiy Soyuz poetov. Leningradskoe otdelenie (1924–1929): Obzor deyatel'nosti [All-Russian Union of Poets. Leningrad Branch (1924–1929): Overview of Activities], in *Ezhгодnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2003–2004 gg.* [Pushkin House Manuscript Department Yearbook for 2003–2004]. Saint-Petersburg: Dm. Bulanin, 2007, pp. 83–139.

31. Loshchinskaya, N.V. Kto takoy «L-v»? Problemy atributsii adresatov otzyvov Bloka dlya Priemnoy komissii Petrogradskogo Soyuza poetov [Who is "L-v"? Problems with attributing the recipients of Blok's reviews to the Admissions Committee of the Petrograd Union of Poets], in *Aleksandr Blok. Issledovaniya i materialy* [T. 7] (v pechati) [Alexander Blok. Research and Materials]. [Vol. 7] (in print).

32. Lukirskaya, K.P. (red.) Biblioteka A.A. Bloka. Opisanie (A–I) [A.A. Blok's Library. Description (A–I)], in *Biblioteka A.A. Bloka: Opisanie: v 3 kn., kn. 1* [A.A. Blok's Library: Description in 3 books, book 1]. Leningrad: BAN SSSR, 1984, pp. 8–315.

33. Medvedev, P.N. Neopublikovannye retsenzii [Unpublished reviews], in *Sbornik materialov «Pamyati Bloka»* [Collection of materials "In memory of Blok"]. Peterburg: Polyarnaya zvezda, 1923, pp. 63–72.

34. Rozhdestvenskaya, M.V., Timenchik, R.D. (red.) Blok i Soyuz poetov. I. Blok v arkhive Vs.A. Rozhdestvenskogo; II. Otzyvy, sokhranivshiesya v drugikh arkhivakh [Blok and the Union of Poets: I. Blok in the archive of Vs.A. Rozhdestvensky; II. Reviews preserved in other archives], in *Literaturnoe nasledstvo*, 1987, vol. 92, book 4, pp. 684–695.

(Monographs)

35. Igosheva, T.V. *Rannyya lirika A.A. Bloka (1898–1904): poetika religioznogo simvolizma* [Early Lyrics by Alexander Blok (1898–1904): The Poetics of Religious Symbolism]. Moscow: GlobaKom, 2013. 397 p.

36. Maksimov, D.E. *Poeziya i proza Al. Bloka* [Poetry and Prose by Alexander Blok]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1981. 552 p.

37. Takho-Godi, E.A. *Konstantin Sluchevskiy: Portret na pushkinskom fone* [Konstantin Sluchevsky: Portrait on Pushkin's background]. Saint-Petersburg: Aletyya, 2000. 389 p.

УДК 1(091):82(47)
ББК 87.3(2)522:83.3

Светлана Дмитриевна Титаренко

Санкт-Петербургский государственный университет, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русской литературы, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: s.titarenko@spbu.ru

«Духи глаз»: визуальная природа образов-понятий в творчестве В. Соловьева и поэтов-символистов Вяч. Иванова и А. Блока

Аннотация. Рассматривается малоизученная теоретическая и культурно-историческая проблема визуализации философского языка поэзии и прозы конца XIX – начала XX в. В центре внимания находятся сочинения Вл. Соловьева и его последователей – поэтов-символистов Вяч. Иванова и Ал. Блока. Новизна изучения проблемы заключается в том, что в качестве методологической основы рассматриваются феноменология визуальности Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти, диалектика символа А.Ф. Лосева, а также иконология Э. Панофски и У. Митчелла. Основная задача – показать механизм трансформации некоторых идей Соловьева, выражением которых стали визуальные образы-иносказания, что обусловило «визуальный поворот» в языке философии и поэзии русского символизма. Обосновывается гипотеза о том, что «визуальный поворот» в поэтике символизма можно объяснить влиянием философии Платона, неоплатонической и средневековой эстетики, сочинений Соловьева и традициями религиозной живописи, которая основана на искусстве теофании. Приводятся примеры визуализации философского и поэтического текста в поэзии символистов на основе трансформации понятий «Великое существо», «София Премудрость Божия», «Душа мира», «Вечная Женственность» и др. Рассматриваются такие формы трансформации, как визуальный эстезис, и понятия «видимое», «видения», «невидимое» в философии и эстетике Соловьева и символистов. Показывается, что метафизические визуальные образы развиваются на основе экфрасиса, который трансформируется в различные виды иконических знаков как стремление воплотить невидимые платоновские идеи. В центре внимания находятся формы апофатического экфрасиса-видения, а также метафизические образы-символы световых и цветовых теофаний, и прежде всего таких, как «лазурь», «лазурность», «золото в лазури», «свет и тьма», «прозрачность» и др. Делается вывод о том, что Соловьев и символисты создали предпосылки для возникновения «визуального поворота» в языке поэзии и прозы начала XX века.

Ключевые слова: философия искусства, поэзия В. Соловьева, поэтика русского символизма, образ-понятие, феноменология, иконология визуального образа, «визуальный поворот», Вечноженственное, религиозная живопись, теофания, визуальный эстезис, апофатический экфрасис-видение, визуальный иконический образ-символ

Svetlana Dmitrievna Titarenko

Saint Petersburg State University, Doctor of Philology, Professor of Chair of History of the Russian Literature, Russia, Saint Petersburg, e-mail: s.titarenko@spbu.ru

“Spirits of the Eyes”: The Visual Nature of Images-Concepts in the Works of V. Solovyov and the Symbolist poets Vyach. Ivanov and A. Blok

Abstract. The article addresses the little-studied problem of visualizing the philosophical language of Russian poetry and prose at the turn of the 20th century. It focuses on the works of V. Solovyov and his followers, the symbolist poets Vyach. Ivanov and A. Blok. The novelty of the study lies in the fact that the methodological basis is the phenomenology of visual perception by E. Husserl, M. Merleau-Ponty and the dialectics of A. F. Losev's symbol, as well as the iconology of E. Panofsky and W. Mitchell. The main objective is to demonstrate the mechanism through which Solovyov's ideas—expressed in visual allegorical images—were transformed, thereby shaping the “visual turn” in the language of Russian Symbolist philosophy and poetry. The article substantiates the hypothesis that the “visual turn” in Symbolist poetics resulted from a synthesis of Platonic and Neoplatonic philosophy, medieval aesthetics, Solovyov's works, and the traditions of religious painting (theophany). The analysis provides examples of how concepts like “Sophia”, the “Eternal Feminine”, and the “World Soul” were visualized, examining such transformative forms as visual esthesis and the categories of “the visible”, “visions”, and “the invisible”. The article examines such forms of transformation as visual esthesis and the concepts of “the visible”, “visions”, and “the invisible” in the philosophy and aesthetics of Solovyov and the Symbolists. It shows that the metaphysical visual images in philosophy and poetry develop through ekphrasis of the image, which is transformed into various types of iconic signs as an attempt to embody the invisible Platonic ideas and essences. The focus is on the forms of apophatic ekphrasis-vision, as well as on the metaphysical images-symbols of light and color theophanies, and above all, “azure”, “azure-like”, “gold in azure”, “light and darkness”, “transparency”, and others. In conclusion, the article argues that Solovyov and the Symbolists created the preconditions for the “visual turn” in early 20th-century Russian literature.

Key words: philosophy of art, poetry of V. Solovyov, poetics of Russian Symbolism, image-concept, phenomenology, iconology of the visual image, “visual turn”, the Eternal Feminine, religious painting, theophany, visual esthesis, apophatic ekphrasis-vision, visual iconic image-symbol

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.4.166-183

«Визуальный поворот», обусловленный созданием новой парадигмы образности в языке литературы и культуры второй половины XX столетия, связывают с изменениями в области теории и истории изображений, на что указывает У. Митчелл, называя этот «поворот» «изобразительным», «иконологическим» или «пикторальным»¹. Вместе с тем это не только событие второй половины XX века, но и явление, как пишет исследователь, которое может быть вызвано

¹ См.: Митчелл У. Дж. Т. Иконология. Образ. Текст. Идеология: пер. с англ. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. С. 7–8 [1].

появлением важнейших эстетических движений времени². Цель настоящего исследования – показать на основе феноменологии визуальности, получившей развитие в трудах Э. Гуссерля, идеи которого стали известны в России в начале XX в., и его последователя М. Мерло-Понти³, а также диалектики символа А.Ф. Лосева⁴ и принципов иконологии Э. Панофски и Т. Митчелла⁵, что Соловьев и его последователи – поэты-символисты Вяч. Иванов и А. Блок – предвосхищают в своем творчестве «визуальный поворот» уже в конце XIX – начале XX в.

Э. Гуссерль выдвинул идею «чистого сознания», понятия сущности и созерцания идеальной сущности (идеации). Неисследованной остается философия искусства Соловьева в аспекте феноменологии визуального образа, хотя уже были сделаны попытки связать с феноменологией Гуссерля философию всеединства мыслителя, идею цельного знания, его установки на познающее сознание и идеальное сущее⁶. Согласно Мерло-Понти, художник видит мир, стремясь к прорыву к трансцендентности, когда «сущность и существование, воображаемое и реальное, видимое и невидимое» выявляют систему «немых значений»⁷. Иконология понимается Митчеллом как «исследование “логоса” (слов, идей, дискурса или “науки”) “икон” (образов, изображений или подобию), т.е. того, «что говорят об образах» и «что говорят образы»⁸. Она отличается от иконографии тем, что в центре внимания здесь находится субъективная символическая трансформация эстетического канона, поэтому иконологический анализ оперирует «символическими ценностями»⁹. В своей книге «Idea: К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма» (1924 г.) Э. Панофски – основатель теории иконологии – писал, что его вдохновило понимание идеи красоты в диалогах Платона. Комментируя отказ Платона от теории подражательности, он считает главным выдвижение им принципа «быть “истинным” в смысле соответствия идеям» как «сведение видимого мира к неизменным, вечным и общезначимым формам»¹⁰.

² См.: Митчелл У. Дж. Т. Иконология. Образ. Текст. Идеология: пер. с англ. С. 8.

³ См.: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1: пер. с нем. М.: ДИК, 1999 [2]; Мерло-Понти М. Око и дух // Эстетика и теория искусства XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 11–121 [3].

⁴ См.: Лосев А.Ф. Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе // Литература и живопись. Л.: Наука, 1982. С. 31–65 [4].

⁵ См.: Панофски Э. Иконография и иконология // Эстетика и теория искусства XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 641–655 [5]; Митчелл У. Дж. Т. Иконология. Образ. Текст. Идеология.

⁶ См.: Кудряшова Т.Б. Философские идеи Вл. Соловьева в контексте основных положений феноменологии // Соловьёвские исследования. 2004. Вып. 9. С. 181–195 [6].

⁷ См.: Мерло-Понти М. Око и дух // Эстетика и теория искусства XX века. С. 120.

⁸ См.: Митчелл У. Дж. Т. Иконология. Образ. Текст. Идеология: пер. с англ. С. 16.

⁹ См.: Панофски Э. Иконография и иконология // Эстетика и теория искусства XX века. С. 651.

¹⁰ См.: Панофски Э. Idea: к истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма: пер. с нем. СПб.: Андрей Наследников, 2002. С. 16 [7].

Иконология оказывается близкой тем принципам воплощения идеи красоты, которые были выдвинуты в философии искусства Соловьева и стали значимыми для поколения поэтов-символистов. В статье «Общий смысл искусства» (1890 г.) Соловьев писал: «Полное чувственное осуществление этой всеобщей солидарности или положительного всеединства – совершенная красота не как отражение только идеи от материи, а действительное ее присутствие в материи...» [8, с. 396]. Теургическая природа творчества последователей Соловьева поэтов-сим-волистов, таких как Вяч. Иванов и А. Блок, сделала их поиски невыразимого в развитии теории образа-символа от видимого к невидимому уникальными, так как они, опираясь на опыт мировой литературы и искусства, религиозной и мистической традиции, обогащали свое понимание выразительности художественного образа мистическими средневековыми теориями «узрения» символической природы явления.

В сонетах «Gli spiriti del viso» и «Аспекты», опубликованных в книге «Прозрачность» (1904 г.), поэт-мыслитель и теоретик русского символизма Вяч. Иванов, используя образ Данте «духи глаз» из его книги *La Vita Nuova* (1283–1293 гг.)¹¹, воспроизводит процесс эйдетической «зримости» как магической способности предугадывать и помнить идеальные изображения, невидимые глазом, воспроизводить их, как будто они всегда присутствуют в сознании явленными как феномены бытия, отсылающие к платоновским идеям: «Есть духи глаз / С куста не каждый цвет / Они вплетут в венки своих избраний...»¹². В статье «О границах искусства» (1914 г.), приводя фрагменты из этой книги Данте, Иванов пишет о видении поэта, подобном эпифании духа, и созерцании высших реальностей в «аполлинийском» сне, как созерцанию вечных идей и «окончательном воплощении снов в смысле, звуке, зрительном или осязаемом веществе»¹³. Создание «эйдетической поэтики» не на основе случайных ассоциаций, а в результате постижения платоновского «эйдоса» как «внутренней формы» – это не только открытие Вяч. Иванова, которое нашло отражение в его итоговых статьях «Forma formans и forma formata» (1947 г.), «Лермонтов» (1947 г.) и др., но и развитие намеченных Соловьевым принципов реализации образа-символа в системе принципов теургии.

Проблема невидимой реальности в структуре визуального образа была намечена в философии искусства Соловьева и русских символистов уже на рубеже XIX–начала XX в. Эта проблема представляет особый интерес для нашего

¹¹ См.: Davidson P. The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov. Russian Symbolist's Perception of Dante. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989. С. 167–173 [9].

¹² См.: Иванов Вяч. Gli spiriti del viso // Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 1. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1971. С. 785 [10].

¹³ См.: Иванов Вяч. О границах искусства // Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1974. Т. 2. С. 631–632 [11].

анализа. Показательно, что эта проблема в настоящее время вызывает интерес¹⁴. Вместе с тем она изучена недостаточно. Без внимания остается такая важная работа мыслителя, как «София», написанная на французском языке¹⁵, а также некоторые его сочинения, в которых проявился отход от классической эстетики красоты и от «неоплатонического идеализма к феноменализму», как пишут исследователи¹⁶.

В связи с этим большой интерес представляют с точки зрения феноменологии визуальности такие важнейшие универсальные философские образы-понятия Соловьева, как София Премудрость Божия, Душа мира, Вечная Женственность и др. В соотношении с религиозной, философской и поэтической традицией, а также с библейской, евангельской, платонизмом, неоплатонизмом, гностицизмом, эзотеризмом и другими они плодотворно исследовались в специальных, посвященных творчеству философа трудах по софиологии, философии всеединства, теургии, поэтике символизма. Остался без внимания сложный механизм перевода важнейших философских понятий Соловьева на язык поэзии и прозы, недостаточно исследованными являются и сами формы этого воплощения, вызвавшие изменения в языке его художественных и философских текстов. Мы попытаемся показать на основе анализа сочинений Соловьева, что в его философии и поэзии создаются предпосылки для формирования визуального эйдетического образа в форме экфрасиса-видения и его эквивалентов – иконических символических образов, что получит развитие в творчестве поэтов-символистов, особенно Вяч. Иванова и А. Блока, связывающих свое искусство с софиологическими и теургическими принципами, выдвинутыми мыслителем-визионером.

Основанием нашего анализа станет традиция «видения»/«узрения» Марии-Софии в образах теофании, закрепившаяся в Священном Писании, у отцов Церкви, мистиков, поэтов, художников, визионеров как явление западной и восточной религиозных традиций¹⁷. А.Ф. Лосев пишет, что основная концепция соловьевского идеализма «есть концепция *Софии* (Мудрости, или Премудрости); и эта категория, этот термин у Соловьева есть *софия*»¹⁸. Он считает, что это одновременно и идея, и образ. В «Философских началах цельного знания» (1877 г.),

¹⁴ См.: Елшина Е.С. Владимир Соловьев и современная визуальная культура // Костромской гуманитарный вестник. 2013. № 1(5). С. 1–14 [12]; Осипова О.В. Владимир Соловьев о термине «живописность» // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: к 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева / отв. ред. А.А. Тахо-Годи и Е.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2005. С. 415–419 [13].

¹⁵ См.: Соловьев В.С. LA SOPHIA. София: пер. с фр. // Соловьев В.С. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 2. М.: Наука, 2000. С. 162–178 [14].

¹⁶ Гальцева Р., Роднянская И. Положительная эстетика Владимира Соловьева и взгляд на литературное творчество // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 8 [15].

¹⁷ См.: Шипфлингер Т. София-Мария. Целостный образ творения. Нью-Йорк: Гнозис Пресс-Скарабей, 1997 [16]; Брюсова В.Г. София Премудрость Божия в древнерусской литературе и искусстве. М.: Белый город, 2006 [17].

¹⁸ См.: Лосев А.Ф. Философско-поэтический символ Софии у Вл. Соловьева // Лосев А.Ф. Страсть к диалектике: Литературные размышления философа. М.: Сов. писатель, 1990. С. 204, 208 [18].

пишет А.Ф. Лосев, «София отождествляется с третьим лицом Пресвятой Троицы, которое Вл. Соловьев называет то “Идеей” (после “Абсолютного” и “Логоса”), то “Сущностью” (после “Сущего” и “Бытия”). Но с христианской точки зрения это не просто случайная замена терминов, а только лишнее подтверждение пантеистического характера раннего соловьевского понимания Софии» [18, с. 219]. При анализе трактата Соловьева «София» он заметил, что «в изучаемой нами рукописи следует перевод из конца “Фауста” Гете, где в последней строке сознательно допущено искажение гетевского текста. Здесь написано: “Женственность вечная всех нас влечет”. У Гете, однако, стоит не это, а совсем другое, именно не просто “zieht uns an”, а “zieht uns hinan”, то есть “влечет нас ввысь”» [18, с. 220].

Эта цитата свидетельствует о том, что основой для трансформации философского понятия в художественный образ Вечноженственного становится для Соловьева эстезис – он заменяет понятие поэтическим образом, взятым из литературной традиции, на основе чего формируется особый тип визуального образа и его эквиваленты. Напомним, что эстезис – это сложившаяся со времен античности, и прежде всего Платона и Аристотеля, форма замены метафизического понятия эстетико-поэтическим конструктом мысли, который может быть выражен в форме поэтического высказывания или художественного образа¹⁹, это произошло также, например, в творчестве Вяч. Иванова²⁰.

Включение поэтических цитат мы находим в литературно-критических статьях Соловьева и в его философско-эстетических работах. В статье «Поэзия Ф.И. Тютчева» (1895 г.) говорится о соотношении философского понятия и художественного образа, которые являются, как пишет Соловьев, различными сторонами или сферами проявления одного и того же; между ними нельзя провести разделения, и еще менее могут они противоречить друг другу: «Дело поэзии, как и искусства вообще ... в том, чтобы воплощать в *ощутительных образах* тот самый высший *смысл жизни*, которому философ дает определение в разумных понятиях...» [21, с. 472]. Соловьев поэтически воплощает идеи философии Платона о двоemiрии, о «пещерном восхождении», заменяя понятия древнегреческого философа их поэтическим изложением в стихотворении «Милый друг, иль ты не видишь, что все видимое нами...» (1892 г.), так как видимое – «только отблеск, только тени / От незримого очами...»²¹

Для понимания природы визуального образа у Соловьева необходимо рассмотреть его определения «видимого», «видения» и «невидимого». Например, в статье для Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона он писал:

¹⁹ См.: Круглов В.Л. Эстезис и эстетическое: истоки и клише традиции // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 32–35 [19].

²⁰ См.: Титаренко С.Д. Поэтика прозы Вячеслава Иванова конца XIX–начала XX в.: художественная философия и открытие эстезиса // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 3 (79). С. 168–182 [20].

²¹ См.: Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1974. С. 93 [22].

«Видения – в тесном смысле суть произвольно воспринимаемые наяву зрительные образы и картины, производящие более или менее полное впечатление объективной действительности, но не имеющие внешнего материального субстрата» [23, с. 31–32]. Описание процесса метафизического познания мы находим в незавершенной рукописи Соловьева «София» («LA SOPHIA») (1875–1876 гг.), написанной на французском языке. В тексте сочинения, особенно в диалогах философа с Софией, затрагиваются фундаментальные проблемы познающего сознания. Показательно, что здесь указано на то, что воплощением Софии может стать метафизический иконический цветосветовой знак – лазурь. В набросках диалогов с Софией, датирующихся 1876 г., говорится:

София: Ты знаешь меня, несомненно, как явление, то есть поскольку я существую для тебя, или в моем внешнем обнаружении. Ты не можешь знать меня, какова я в самой себе, то есть мои сокровенные мысли и чувства, каковы они во мне и для меня. Ты их познаешь только тогда, когда они проявляются внешним образом в выражении моих глаз, в моих словах и моих жестах. Это только внешние явления, а между тем...

Философ: А между тем, когда я смотрю в глубокую *лазурь* твоих очей, когда я слышу музыку твоего голоса, разве это внешние явления зрения и слуха, которые я воспринимаю? Боже мой! Я знаю твои мысли и чувства и через твои мысли и чувства я знаю твое внутреннее существо (курсив наш. – С.Т.) [14, с. 82–83].

Лазурь становится иконическим знаком – воплощением «внутренней формы» «узрения» идеи Софии. В главе «О метафизической потребности у человека» Соловьев пишет, что во многих произведениях искусства метафизическая реальность дана нам «в разрозненных картинках», а «не в логическом познании»²². В недавно опубликованных черновых набросках к «Софии» содержится запись: «Но *сочиняет и выдумыва^{ет} наши глаз*, когда *созерц^{ает} перспективу* вместо того плоского изображ^{ения} предм^{ета},> какое ост^{ает}ся> на сетчат^{ой} обол^{очке} глаза» (курсив наш. – С.Т.) [24, с. 11]²³. В статье «Что значит слово “живописность”?» (1897 г.) Соловьев определяет это слово с точки зрения идеи красоты видимого мира, отмечая, что не все живописные явления изображают прекрасное, а живописность проявляется «в зрительных очертаниях и сочетании цветов и красок», и определить это явление, считает он, можно с учетом «двух философских наук: метафизики и эстетики»²⁴. А.Ф. Лосев в работе «Философско-поэтический символ Софии у Вл. Соловьева» писал: «В то время как в ранних своих трудах Вл. Соловьев охвачен пафосом понятийной системы,

²² См.: Соловьев В.С. LA SOPHIA. София: пер. с фр. С. 17.

²³ См.: Соловьев В.С. Наброски стихотворений и лекций конца 1870 – начала 1880-х годов из папки «Бог есть всё» / подгот. к публ. и коммент. К.Ю. Бурмистрова, М.В. Максимова и А.Л. Рычкова // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 1 (65). С. 11 [24].

²⁴ См.: Соловьев В.С. Что значит слово “живописность”? // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 221–222 [25].

доходящей до формалистического схематизма, как раз в учении о Софии философ гораздо более патетичен, гораздо *более настроен художественно, чем научно, философски и понятийно*» (курсив наш. – С.Т.) [18, с. 226].

Процесс замены философской идеи визуальным образом находим в философских сочинениях Соловьева.

7 марта 1898 г. Соловьев выступает на публичном собрании Философского общества при Петербургском университете с докладом «Идея человечества у Августа Конта», одной из проблем которого становится трактовка контовского понятия «Великое существо». Соловьев делает попытку обозначить его как идеал «воплощенного единого Человечества». Он пишет: «"Великое существо" совмещает в себе ... все существа, свободно содействующие совершенствованию всемирного порядка» [26, с. 572]. Это понятие, считает он, связано с системами научного знания, т.е. с верой в разум. Вместе с тем он считает, что «Великое существо» «есть существо женственное»²⁵. Соловьев трактует его символический смысл на основе образа Новгородской иконы «София – Премудрость Божия». Иконография предписывала воспроизведение невидимого образа Софии в образе крылатого Ангела в царском одеянии с золотым венцом на голове. Это символическое изображение «*крылатой огнезрачной девы*, восседающей на престоле, на фоне круглой славы», как пишет В.Г. Брюсова, считая, что София «в образе огнезрачной девы могла быть создана и "*по видению*"»²⁶. Соловьев истолковывает икону и по православной, и по католической традициям, так как, по словам С.С. Аверинцева, «личный облик Софии как в византийско-русской, так и в католической традиции ассоциируется с образом Девы Марии как просветленной твари, который становится "софийным", облагораживается весь космос» [27, с. 397]. Поэтому Соловьев понимает «Великое существо» как воплощение идеи Вечноженственного:

Само собою напрашивается сближение между Контовой религией человечества, представляемого в Великом существе женского рода, и средневековым культом Мадонны. <...> Но древний культ Вечноженственного начала имеет одно историческое проявление, о котором Конт совсем ничего не мог знать и которое, однако, ближе подходит и к существу дела, и к мыслям этого философа. <...> Посреди главного образа в старом новгородском соборе (времен Ярослава Мудрого) мы видим своеобразную женскую фигуру в царском одеянии, сидящую на престоле. По обе стороны от нее, лицом к ней и в склоненном положении, справа Богородица византийского типа, слева – св. Иоанн Креститель; над сидящею на престоле поднимается Христос с воздетыми руками, а над ним виден небесный мир в лице нескольких ангелов, окружающих Слово Божие, представленное под видом книги – Евангелия [26, с. 576].

²⁵ См.: Соловьев В.С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1988. С. 574 [26].

²⁶ См.: Брюсова В.Г. София Премудрость Божия в древнерусской литературе и искусстве. С. 44, 50.

В основу эстезиса положен апофатический экфрасис – воспроизведение чувственно-зримого видимого образа иконы в сознании. Абстрактное понятие «Великое существо» понимается как явленный образ «Вечноженственного», он создан по законам иконографического канона, и процесс его постижения вызван «узрением» иконного лика как теофании сакральной сущности.

Яркий пример замены понятий визуальным образом мы можем наблюдать и в стихотворении Соловьева *Das Ewig-Weibliche* (нем. – Вечная Женственность) (1898 г.). Это понятие, на которое указывает Соловьев, заимствовано им из 2-й части «Фауста» Гете. Цитата из «Фауста», как отмечалось выше, встречается и в трактате «София». Отсылая к цитате Гете в этом стихотворении, Соловьев передает в его образно-мотивной структуре экфрасистические (т.е. содержащие не описание, а отдельные отсылки к источнику) элементы живописного образа картины С. Боттичелли «Рождение Венеры» (1486 г.), на что указывают визуальные образы пеннорожденной Афродиты: «Помните ль розы над пеною белой, / Пурпурный отблеск в лазурных волнах? / Помните ль образ прекрасного тела, / Ваше смятенье, и трепет, и страх? / <...> Знайте же: Вечная Женственность ныне / В теле нетленном на землю идет...» [22, с. 120–121].

В других стихотворениях Соловьева образ чувственно-зримой телесности Софии заменяется на символический иконический знак, поэт использует различные виды тропов – метафору, символ, которые формируют миф о Вечноженственном. Например, в поэме «Три свидания» (1898 г.) видения Софии воссоздаются как образы «распадения» теофании на невидимые отражения, «сиянья божества»: «Лазурь кругом, лазурь в душе моей... <...> // Пронизана лазурью золотистой, / В руке держа цветок нездешних стран, / Стояла ты с улыбкою лучистой, / Кивнула мне и скрылась в туман» [22, с. 126]; «И только я помыслил это слово, – / Вдруг золотой лазурью всё полно, / И предо мной она сияет снова – / Одно ее лицо – оно одно» [22, с. 128]; «И в пурпуре небесного блистанья / Очами, полными лазурного огня, / Глядела ты, как первое сиянье / Всемирного и творческого дня...» [22, с. 130]. Слова «очами, полными лазурного огня», как известно, – это цитата из стихотворения Лермонтова «Как часто, пестрою толпою окружен...» (1840 г.). Анализируя творчество Лермонтова в своем философском эссе «Лермонтов» (1947 г.), Вяч. Иванов писал, что у Лермонтова, как и у Соловьева, основой образа является софийное видение. Это «внутренняя форма» поэзии романтика, как он пишет, и она отсылает к визионерским теофаниям, так как «в осеннем парке его семейного гнезда предстала ему Неведомая, “с глазами, полными лазурного огня...”»²⁷.

А. Ханзен-Леве указывает, что лазурь и золото представляют в поэтике символизма и иконографическую, и литературную традиции, так как это не только

²⁷ См.: Иванов Вяч. Лермонтов // Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 4. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1987. С. 380 [28].

«краски, которыми пишут иконы Софии-Марии», но и герметически – алхимическая символика у Гете второй части «Фауста»²⁸. Цветовая символика синего и лазурного присутствует и в древнерусских иконах Софии, как пишет В.Г. Брюсова²⁹. Философия лазури и синего цвета нашла обоснование в сочинениях П.А. Флоренского, который считал лазурь иконографическим символом, так как такие символы – это «некоторые мистические реальности; они, ведь, – не голые значки иного мира ..., но также – одеяния и картина высшей реальности»³⁰. Поэтому у Соловьева и символистов символ лазури имеет множественные источники, его можно считать не только иконографическим, но и иконологическим, его значения определяются философско-эстетическими и мифотворческими исканиями. Как и в поэме «Три свидания», в стихотворениях Соловьева большое значение имеет выделение цветовых символов лазури как знаков инобытия и преображения: «Вся в лазури сегодня явилась / Предо мною царица моя...» (1875 г.) [22, с. 61]. В стихотворении «У царицы моей есть высокий дворец...» (1885–1886 гг.) воспроизводится образность новгородской иконы «София Премудрость Божия» и Ветхозаветной Премудрости: «У царицы моей семигранный венец, / В нем без счету камней дорогих...» [22, с. 62]. Визуальный образ лазури появляется как метафизический знак Софии, у которой, как и в рассмотренном выше трактате Соловьева «София», «свет лазурных очей» и вечная любовь «в лазурных очах».

Слово «лазурь» – это визуальный ментальный образ как знак узрения невидимого, но в философско-поэтической системе он замещает понятие. Визуальный образ в классическом экфрасисе создается на основе иконографического канона, например изображения Софии Премудрости Божией в виде Ангела, описанного Соловьевым в статье «Идея человечества у Августа Конта». В системе поэтической иконологии закономерно замещение изображения конструктом чувственно-зримого визуального образа. Митчелл, рассматривая развитие визуальности, пишет, что любой образ может стать «иконическим знаком» на уровне его реализации как тропа, когда «врожденные чувственные свойства его» «напоминают нам о каком-то другом объекте»³¹.

В статье А.Ф. Лосева «Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе» (1982 г.) анализируются различные формы зрительного образа в поэзии: это и условный образ-индикатор созерцательного характера, основанный на внутренней форме выражения, и метафорический, и символический образ живописной значимости, содержащий указания на свое «инобытие» (сущность). Он приводит пример из стихотворения

²⁸ См.: Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика: пер. с нем. СПб.: Академический проект, 2003. С. 228–29 [29].

²⁹ См.: Брюсова В.Г. София Премудрость Божия в древнерусской литературе и искусстве. С. 109.

³⁰ См.: Флоренский П.А. Бирюзовое окружение Софии и символика голубого и синего цвета // Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т. 1 (II). М.: Правда, 1990. С. 565 [30].

³¹ См.: Митчелл У.Дж. Т. Иконология. Образ. Текст. Идеология. С. 12.

Вяч. Иванова «Поэты духа», где есть слова «Мы вечности обеты / В лазури красоты...», и считает, что «живописная образность здесь усиливает смысловую природу художественного образа»³². Анализируя становление живописного образа как символа, он указывает на его связь с «субъективно-объективной» структурой мифа на основе космологических обобщений и символично-мифологической колористики, имеющей множественные значения»³³. Поэтому лазурь как визуальный образ может быть и символом преображения души – ее лучезарного сияния, а может вызывать тревогу и свидетельствовать о гностической и двойственной природе образа, как у Соловьева: «О, как в тебе лазури чистой много / И черных, черных туч!» (1881 г.)³⁴.

В визуальном образе лазури Соловьев воплотил религиозно-философско-эстетическую идею своего времени, обоснованную им в философии искусства – идею спасения и преображения мира и души человека с помощью красоты, что будет ярко выражено в творчестве Вяч. Иванова и А. Блока, которые вместе с тем стремились углубить его понимание. Истоком визуального образа в поэтике символизма становится и литературная, и религиозная иконографическая традиции, влияние которых испытал и Соловьев. В результате контаминации (комбинации, интеграции и др.) формы экфрасиса в творчестве символистов трансформируются. Описательный экфрасис, характерный для классической репрезентации живописного образа, как в статье Соловьева «Идея человечества у Августа Конта», часто заменяется другими типами визуальной образности. Анализируя теорию этой формы в литературе, Л. Геллер пишет: «Прием экфрасиса – как любой другой прием построения текста – осуществляется в модальностях богатого спектра, в явном, скрытом, развернутом, свернутом виде» [31, с. 46].

Рассмотрим лишь некоторые приемы реализации иконического образа-символа в поэзии Вяч. Иванова и А. Блока, которые связаны с влиянием философии и поэзии Соловьева. Так как в творчестве символистов мифопоэтика основана на индивидуальных исканиях и принципах, визуальная образность имеет и другие источники, и принципиальные отличия.

Имагинативный образ теофании в лирике Вяч. Иванова многопланов уже в первых книгах его стихов «Кормчие звезды» (1903 г.) и «Прозрачность» (1904 г.). Как показали исследования, теофания в них выступает не только на уровне словесно-поэтической ее репрезентации, но и на визуальном уровне³⁵. Если брать систему образов Вечноженственного в аспекте рассматриваемой нами проблемы, то

³² См.: Лосев А.Ф. Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе. С. 55.

³³ Там же. С. 63.

³⁴ См.: Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 68 [22].

³⁵ См.: Маштакова Л.В., Созина Е.К. Поэтика теофании в книгах Вяч. Иванова «Кормчие звезды» (1902–1903) и «Прозрачность» (1904): трансформации вечноженственных образов // Имагология и компаративистика. 2022. № 18. С. 94–117 [32].

в поэзии Вяч. Иванова доминирует соловьевская лазурь, голубой, золотой и производный от них визуальный образ преображающей софийной среды – «прозрачности»: «С утесов голубых ее встречает "Ave", / И сходит влажный гимн на тень небесных роз... <...> // Я внемяю, с пеньем волн, из куш лилейных грез, / Как Angélus парит в лазури предрассветной...» («Maris stella») [9, с. 617]; «Сияний облачных в лазури / Омыто тонут жемчуга... <...>. // Но Твой, о Дева, столп надежный / В их адской мгле, как страж, стоит; / И мрамор Твой в лазури нежной / Летучей радугой повит!» («Мадонна») [9, с. 588]. Визуальные образы лазури воплощают и поэтическую софийную космологию. Показательно стихотворение под названием «Эпифания»:

Ты, Безмятежность и Ясность, глубокая, тихая Радость,
Освобожденных небес верная сердцу Лазурь, –
Вновь осенила свой мир округленную, светлую кущей,
Вновь уверяешь людей: "К лучшему движется мир!" –
Снова влечешь и миришь, окрыляешь, благовествуешь:
"Красен и свят и един Богом задуманный мир!..." [9, с. 640]

Лазурь в мифопоэтике Вяч. Иванова – это и образ-идея, и принцип бытия космоса, и пространство преображения и спасения мира. В других стихотворениях мы наблюдаем развитие мифа о «лазури Красоты» как о вечном поиске всеединого высшего трансцендентного сущего, мистической смерти и возрождении, софийно-космологическом становлении мира: «Встань, на лазури стройных скал / Души, белея, / И зыбля девственный фиал, / Моя лилея!» («Лилия») ³⁶; Мифопоэтический образ-символ лазури получает устойчивое значение преображать, так как он воплощает понятие «абсолютное бытие». Мариологию-софиологию Вяч. Иванов определил в статье «Лермонтов» как «интуитивное прозрение того космического начала, которое литераторы после Гете обычно стали называть Вечной Женственностью», а Новалис «именем Девы Софии» как «сияющее видение» ³⁷. Он писал: «Полвека спустя Владимир Соловьев, рассказывая о видении своем в египетской пустыне, описывает глаза и улыбку той, которую он зовет Софией, словами Лермонтова, приведенными выше. Но, конечно, все сказанное не подтверждало бы софианское истолкование данной элегии, если бы некоторые стихи "Демона" и анализ основного мифа поэмы не вызывали в памяти образ библейской Премудрости Божией» [28, с. 380]. Рассуждения Иванова содержат отсылку к апофатическому экфрасису из сочинения Соловьева «Идея человечества у Августина Конта». Показательно, что черно-белая репродукция новгородской иконы «София Премудрость Божия», описанной Соловьевым в этом сочинении, завершает статью Иванова «Лермонтов» в брюссельском издании ³⁸. Иванов пишет:

³⁶ См.: Davidson P. The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov. Russian Symbolist's Perception of Dante. С. 760.

³⁷ См.: Иванов Вяч. Лермонтов // Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 4. С. 379.

³⁸ Там же. С. 383.

... всем сказанным вовсе не доказывается, что понятие Софии Лермонтов взял из Библии, но образ Премудрости в какой-нибудь из своих многих метаморфоз в различных мифологиях несомненно пребывал перед поэтом <...>, наиболее своеобразное творчество русского гения, начиная с 11 века, есть создание изобразительных типов Божественной Премудрости, представленной на фресках и иконах ниже сферы Христа и выше сферы ангелов в образе крылатой царицы в венце [28, с. 383].

София у Соловьева, по словам теоретика русского символизма, «является теандрической актуализацией всеединства; для всякого мистика земли русской она есть совершившееся единение твари со Словом Божиим, она не покидает этот мир, и чистому глазу видна непосредственно» [28, с. 383]. Поэтому, согласно его размышлениям, София – это и ментальный метафизический образ-символ, и визуальный образ-видение, и новое понятие, которое теоретик русского символизма утверждает «как форму зиждущую, *forma formans*, вселенной в Разуме Бога»³⁹.

Иконы Блока с изображением Богородицы и ее софийные отражения в поэзии были в центре внимания исследователей. Т.В. Игошева пишет, что Блок стремился к воплощению женственного образа «одновременно и в качестве воплощенного существа, и в качестве развоплощенной сущности», поэтому «он балансирует на тонкой грани воплощенного и развоплощенного»⁴⁰. Важен принцип «узрения» образа, который Блок обозначил в своей статье «Творчество Вячеслава Иванова» (1905 г.), где писал, что поэт ведет читателей по пути прозрения из лабиринта «платоновской пещеры», чтобы они могли узреть мир «прозрачности» «двойным зрением». Анализируя визуальный образ улыбки Моны Лизы Джоконды Леонардо в стихотворении Иванова «Прозрачность! Воздушной лаской...», он указывает на прием введения экфрастического элемента из картины итальянского художника, что дает возможность понять природу одного из «ликов» образа Софии, познаваемого путем узрения одного через другое⁴¹.

В связи с этим представляет несомненный интерес рецензия Иванова на первую книгу Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (1904 г.), где он пишет, что Блок продолжает линию Соловьева, «первого в русской поэзии начавшего строить новый Парфенон, Храм Девы, Мировой Души»⁴². «Что ни стихотворение, – пишет он, – из тех, где отсветился лик Прекрасной Дамы, то мелодичный вздох, полузабытая песня за холмами зелеными...» [35, с. 50]. Указание на «отсветы

³⁹ См.: Иванов Вяч. Лермонтов // Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 4. С. 379.

⁴⁰ См.: Игошева Т.В. Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904): Поэтика религиозного символизма. М.: Глобал Ком, 2013. С. 128–129 [33].

⁴¹ См.: Блок А.А. Творчество Вячеслава Иванова // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 7. М.: Наука, 2003. С. 13–14 [34].

⁴² См.: Иванов Вяч. [Рец. на кн.]: Александр Блок. Стихи о Прекрасной Даме. М., 1905 // Весы. 1904. № 11 (нояб.). С. 50 [35].

лика» говорит о том, что философские понятия Соловьева трансформированы в систему визуальных образов, которые символизируют и Вечноженственное, и Душу Мира, и Софию. О своем иконологическом восприятии образов Вечноженственного Блок писал Андрею Белому в 1903 г.: «Думаю, что Ее можно увидеть, но не воплощенную в лице, и само лицо не может знать, присутствует Она в нем или нет. Только минутно (в порыве) можно увидеть как бы Тень Ее в другом лице (и неодушевленном)» [36, с. 68].

В поэзии Блока философское понятие Софии как Вечноженственного передается через символику природно-космических визуальных образов-символов преображения, как и у Соловьева. Приведем лишь некоторые примеры из «Стихов о Прекрасной Даме»: «Вдруг расцвела, в лазури торжествуя, / В иной дали и в неземных горах. / И ныне вся овеяна снегами. / Кто белый храм, безумцы, посетил?» [37, с. 65]; «Ты, лазурью золотою/ Просиявшая навек...» [37, с. 71]; «Но в предвесье веселий, / В день весенних бурь / К нам прольется в двери келий / Светлая лазурь...» [37, с. 95]. Как и у Соловьева, образ у Блока иногда носит амбивалентный характер, воплощая систему гностических представлений о Софии, преображающей мир и душу человека, с другой стороны, – Софии, ниспадающей в хаос: «И голубое станет зримо, / И в голубом – Печальный Лик. / Лишь загляни смиренным оком / В непреходящую лазурь, – / Там – в тихом, в голубом, широком – / Лазурный дым...» [38, с. 30–31].

В мифопоэтике Блока, как и Вяч. Иванова, возникают новые формы мифологизма, в системе которых получает развитие поэтика визуального образа. Открытия Соловьева в области создания визуального образа были значимы для его последователей, они вызвали настоящий «визуальный поворот» в философии искусства и поэтике символизма и предвосхитили современные визуальные исследования в области иконологии художественного образа.

Список литературы

1. Митчелл У.Дж.Т. Иконология. Образ. Текст. Идеология: пер. с англ. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. 240 с.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1: пер. с нем. М.: ДИК, 1999. 332 с.
3. Мерло-Понти М. Око и дух // Эстетика и теория искусства XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 11–121.
4. Лосев А.Ф. Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе // Литература и живопись. Л.: Наука, 1982. С. 31–65.
5. Панофски Э. Иконография и иконология // Эстетика и теория искусства XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 641–655.
6. Кудряшова Т.Б. Философские идеи Вл. Соловьева в контексте основных положений феноменологии // Соловьёвские исследования. 2004. Вып. 9. С. 181–195.
7. Панофски Э. Idea: к истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма / пер. с нем. СПб.: Андрей Наследников, 2002. 237 с.
8. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1988. С. 390–404.

9. Davidson P. The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov. Russian Symbolist's Perception of Dante. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989. 319 с.
10. Иванов Вяч. Gli spiriti del viso // Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 1. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1971. С. 785.
11. Иванов Вяч. О границах искусства // Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1974. С. 631–632.
12. Елшина Е.С. Владимир Соловьев и современная визуальная культура // Костромской гуманитарный вестник. 2013. № 1(5). С. 1–14.
13. Осипова О.В. Владимир Соловьев о термине «живописность» // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: к 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева / отв. ред. А.А. Тахо-Годи и Е.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2005. С. 415–419.
14. Соловьев В.С. LA SOPHIA. София: пер. с фр. // Соловьев В.С. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 2. М.: Наука, 2000. С. 8–161.
15. Гальцева Р., Роднянская И. Положительная эстетика Владимира Соловьева и взгляд на литературное творчество // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 8–29.
16. Шипфлингер Т. София-Мария. Целостный образ творения. Нью-Йорк: Гнозис Пресс-Скарабей, 1997. 400 с.
17. Брюсова В.Г. София Премудрость Божия в древнерусской литературе и искусстве. М.: Белый город, 2006. 207 с.
18. Лосев А.Ф. Философско-поэтический символ Софии у Вл. Соловьева // Страсть к диалектике: Литературные размышления философа. М.: Сов. писатель, 1990. С. 203–255.
19. Круглов В.Л. Эстетизм и эстетическое: истоки и клише традиции // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 32–35.
20. Титаренко С.Д. Поэтика прозы Вячеслава Иванова конца XIX–начала XX в.: художественная философия и открытие эстетизма // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 3(79). С. 168–182.
21. Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 465–482.
22. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1974. 351 с.
23. Соловьев В.С. Видения // Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов/н Д.: Феникс, 2000. С. 31–32.
24. Соловьев В.С. Наброски стихотворений и лекций конца 1870 – начала 1880-х годов из папки «Бог есть всё» / подгот. к публ. и коммент. К.Ю. Бурмистрова, М.В. Максимова и А.Л. Рычкова // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 1(65). С. 9–30.
25. Соловьев В.С. Что значит слово «живописность»? // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 218–222.
26. Соловьев В.С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1988. С. 562–581.
27. Аверинцев С.С. София // Аверинцев С.С. Собр. соч. София – Логос. Словарь. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. С. 395–399.
28. Иванов Вяч. Лермонтов // Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 4. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1987. С. 367–383.
29. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика: пер. с нем. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.
30. Флоренский П.А. Бирюзовое окружение Софии и символика голубого и синего цвета // Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т. 1 (II). М.: Правда, 1990. С. 552–576.
31. Геллер Л. Экфрасис, или Обнажение приема // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: сб. статей / сост. Д.В. Токарев. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 44–59.

32. Маштакова Л.В., Созина Е.К. Поэтика теофании в книгах Вяч. Иванова «Кормчие звезды» (1902–1903) и «Прозрачность» (1904): трансформации вечноженственных образов // Имагология и компаративистика. 2022. № 18. С. 94–117.
33. Игошева Т.В. Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904): Поэтика религиозного символизма. М.: Глобал Ком, 2013. 400 с.
34. Блок А.А. Творчество Вячеслава Иванова // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 7. М.: Наука, 2003. С. 7–14.
35. Иванов Вяч. [Рец. на кн.]: Александр Блок. Стихи о Прекрасной Даме. М., 1905 // Весы. 1904. № 11 (нояб.). С. 49–50.
36. Александр Блок – Андрею Белому. Письмо от 18 июня/1 июля 1903 // Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.
37. Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1. Стихотворения (1898–1904). М.: Наука, 1997. 638 с.
38. Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 4: Стихотворения, не вошедшие в основное собрание (1897–1915). М.: Наука, 1999. 622 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 1. Stikhotvoreniya (1898–1904)* [Complete Works and Letters in 20 vols., vol. 1. Poems (1898–1904)]. Moscow: Nauka, 1997. 638 p.
2. Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 4: Stikhotvoreniya, ne voshedshie v osnovnoe sobranie (1897–1915)* [Complete Works and Letters in 20 vols., vol. 4: Poems Not Included in the Main Edition (1897–1915)]. Moscow: Nauka, 1999. 622 p.
3. Blok, A.A. *Tvorchestvo Vyacheslava Ivanova* [The Work of Vyacheslav Ivanov], in Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 7* [Complete Works and Letters in 20 vols., vol. 7]. Moscow: Nauka, 2003, pp. 7–14.
4. Florenskiy, P.A. *Biryuzovoe okruzhenie Sofii i simbolika golubogo i siniego tsveta* [The Turquoise Surroundings of Sophia and the Symbolism of Light and Dark Blue], in Florenskiy, P.A. *Stolp i utverzhdenie istiny. Sochineniya. T. 1(II)* [The Pillar and the Establishment of Truth. Writings. Vol. 1 (II)]. Moscow: Pravda, 1990, pp. 552–576.
5. Ivanov, Vyach. *Gli spiriti del viso* [Spirits of the Eyes], in Ivanov, Vyach. *Sobranie sochineniy. T. 1* [Collected works. Vol. 1]. Bryussel': Foyer Oriental Chretien, 1971, p. 785.
6. Ivanov, Vyach. *O granitsakh iskusstva* [On the Boundaries of Art], in Ivanov, Vyach. *Sobranie sochineniy. T. 2* [Collected works. Vol. 2]. Bryussel': Foyer Oriental Chretien, 1974, pp. 631–632.
7. Ivanov, Vyach. *Lermontov* [Lermontov], in Ivanov, Vyach. *Sobranie sochineniy. T. 4* [Collected Works. Vol. 4]. Bryussel': Foyer Oriental Chretien, 1987, pp. 367–383.
8. Solov'ev, V.S. *LA SOPHIA. Sofiya* [La Sophia], in Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 20 t., t. 2* [Complete Works in 20 vols., vol. 2]. Moscow: Nauka, 2000, pp. 8–161.
9. Solov'ev, V.S. *Obshchiy smysl iskusstva* [The General Sense of Art], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 390–404.
10. Solov'ev, V.S. *Ideya chelovechestva u Avgusta Konta* [The Idea of Humanity according to August Comte], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 562–581.

Individual Works

11. Aleksandr Blok – Andreyu Belomu. Pis'mo ot 18 iyunya – 1 iyulya 1903 [Alexander Blok to Andrey Bely. Letter dated June 18 – July 1, 1903], in *Andrey Bely i Aleksandr Blok. Perepiska*.

1903–1919 [Andrey Bely and Alexander Blok. Correspondence. 1903–1919]. Moscow: Progress-Pleyada, 2001. 608 p.

12. Averintsev, S.S. Sofiya [Sophia], in Averintsev, S.S. *Sobranie sochineniy. Sofiya–Logos – Slovar'* [Collected Works. Sophia–Logos–Dictionary]. Kiev: DUKh I LITERA, 2006, pp. 395–399.

13. Ivanov, Vyach. [Rets. na kn.]: Aleksandr Blok. Stikhi o Prekrasnoy Dame. Moscow, 1905 [(Review of the Book): Alexander Blok. Poems of the Beautiful Lady. Moscow, 1905], in *Vesy*, 1904, no. 11 (November), pp. 49–50.

14. Losev, A.F. Filosofsko-poeticheskiy simvol Sofii u Vl. Solov'eva [The Philosophical and Poetic Symbol of Sophia in Vladimir Solovyov's Works], in Losev, A.F. *Strast' k dialektike: Literaturnye razmyshleniya filosa* [A Passion for Dialectics: Literary Reflections of a Philosopher]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1990. S. 203–255.

15. Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and Comic Plays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', Leningradskoe otdelenie, 1974. 351 p.

16. Solov'ev, V.S. Poeziya F.I. Tyutcheva [The Poetry of F. Tyutchev], in Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1991, pp. 465–482.

17. Solov'ev, V.S. Chto znachit slovo “zhivopisnost”? [What does “Picturesqueness” Mean?], in Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1991, pp. 218–222.

18. Solov'ev, V.S. Videniya [Visions], in *Filosofskiy slovar' Vladimira Solov'eva* [Philosophical Dictionary of Vladimir Solovyov]. Rostov/na Donu: Feniks, 2000, pp. 31–32.

19. Solov'ev, V.S. Nabroski stikhotvoreniy i leksiyy kontsa 1870 – nachala 1880-kh godov iz papki «Bog est' vse» [Verses and Lectures from the Folder “God is All”. Sketches and Drafts (late 1870s – early 1880s)], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2020, issue 1(65), pp. 9–30.

(Articles from Scientific Journals)

20. Elshina, E.S. Vladimir Solov'ev i sovremennaya vizual'naya kul'tura [Vladimir Solovyov and Modern Visual Culture], in *Kostromskoy gumanitarnyy vestnik*, 2013, no. 1(5), pp. 1–14.

21. Kruglov, V.L. Estezis i esteticheskoe: istoki i klishe traditsii [Aesthesis and the Aesthetic: Origins and Clichés of the Tradition], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 316, pp. 32–35.

22. Kudryashova, T.B. Filosofskie idei Vl. Solov'eva v kontekste osnovnykh polozheniy fenomenologii [Philosophical Ideas of Vladimir Solovyov in the Context of Phenomenology's Basic Principles], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2004, issue 9, pp. 181–195.

23. Mashtakova, L.V., Sozina, E.K. Poetika teofanii v knigakh Vyach. Ivanova «Kormchie zvezdy» (1902–1903) i «Prozrachnost'» (1904): transformatsii vechnozhenstvennykh obrazov [Poetics of theophany in Kormchiye zvyozdy (1902–1903) and Prozrachnost' (1904) by Vyacheslav Ivanov: Transformations of Eternal Feminine images], in *Imagologiya i komparativistika*, 2022, no. 18, pp. 94–117.

24. Titarenko, S.D. Poetika prozy Vyacheslava Ivanova kontsa XIX – nachala XX v.: khudozhestvennaya filosofiya i otkrytie estezisa [Poetics of Prose of Vyacheslav Ivanov of the End of the 19th – Beginning of the 20th Century: Artistic Philosophy and the Discovery of Esthesis], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2023, issue 3(79), pp. 168–182.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

25. Gal'tseva, R., Rodnyanskaya, I. Polozhitel'naya estetika Vladimira Solov'eva i vzglyad na literaturnoe tvorchestvo [Vladimir Solovyov's Positive Aesthetics and His View of Literary Creativity], in Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1991, pp. 8–29.

26. Geller, L. Ekphrasis, ili Obnazhenie priema [Ekphrasis, or the Laying Bare of the Device], in *Sbornik statey «Nevyrazimo vyrazimoe»: ekphrasis i problemy reprezentatsii vizual'nogo v khudozhestvennom tekste* [A Collection of Articles "The Inexpressibly Expressible": Ekphrasis and the Problems of Visual Representation in Literary Texts]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, pp. 44–59.

27. Losev, A.F. Problema variativnogo funktsionirovaniya zhivopisnoy obraznosti v khudozhestvennoy literature [The Problem of Variable Functioning of Pictorial Imagery in Literature], in *Literatura i zhivopis'* [Literature and Painting]. Leningrag: Nauka, 1982, pp. 31–65.

28. Merlo-Ponti, M. Oko i dukh [The Eye and the Spirit], in *Estetika i teoriya iskusstva XX veka* [Aesthetics and Theory of Art of the 20th Century]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2007, pp. 11–121.

29. Osipova, O.V. Vladimir Solov'ev o termine «zhivopisnost'» [Vladimir Solovyov on the Term "Picturesqueness"], in *Vladimir Solov'ev i kul'tura Serebryanogo veka: k 150-letiyu Vl. Solov'eva i 110-letiyu A.F. Loseva* [Vladimir Solovyov and the Culture of the Silver Age: On the 150th Anniversary of Vladimir Solovyov and the 110th Anniversary of Aleksey Losev]. Moscow: Nauka, 2005, pp. 415–419.

30. Panofski, E. Ikonografiya i ikonologiya [Iconography and Iconology], in *Estetika i teoriya iskusstva XX veka* [Aesthetics and Theory of Art of the 20th Century]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2007, pp. 641–655.

(Monographs)

31. Bryusova, V.G. *Sofiya Premudrost' Bozhiya v drevnerusskoy literature i iskusstve* [Sophia, the Wisdom of God, in Old Russian Literature and Art]. Moscow: Belyy gorod, 2006. 207 p.

32. Davidson, P. The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov. Russian Symbolist's Perception of Dante. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989. 319 c.

33. Gusserl', E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kn. 1* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. Book I]. Moscow: DIK, 1999. 332 p.

34. Igosheva, T.V. *Rannaya lirika A.A. Bloka (1898–1904): Poetika religioznogo simvolizma* [Early Lyrics by Alexander Blok (1898–1904): The Poetics of Religious Symbolism]. Moscow: Global Kom, 2013. 400 p.

35. Khanzen-Leve, A. *Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskiy simvolizm. Kosmicheskaya simbolika* [Russian Symbolism: A System of Poetic Motifs. Mythopoetic Symbolism. Cosmic Symbolism]. Saint-Petersburg: Akademicheskiiy proekt, 2003. 816 p.

36. Mitchell, U. Dzh. T. *Ikonologiya. Obraz. Tekst. Ideologiya* [Iconology. Image. Text. Ideology]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy, 2017. 240 p.

37. Panofski, E. *Idea: K istorii ponyatiya v teoriyakh iskusstva ot antichnosti do klassitsizma* [Idea: A Concept in Art Theory from Antiquity to Classicism]. Saint-Petersburg: Andrey Naslednikov, 2002. 237 p.

38. Shipflinger, T. *Sofiya-Mariya. Tselostnyy obraz tvoreniya* [Sophia-Maria: A Holistic Image of Creation]. New-York: Gnozis Press-Skarabey, 1997. 400 p.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

УДК 1(091)
ББК 87.3(2)522-685

Михаил Викторович Максимов

Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и права, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Россия, Иваново, e-mail: mvmaximov@yandex.ru

Возвращаясь к Соловьёву: о новой книге соловьевской группы Института философии Российской академии наук

[Рец. на:] Владимир Соловьёв. Материалы и исследования:
эпоха, люди, идеи [1] / отв. ред. В.В. Сидорин.
М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 516 с.¹

Mikhail Viktorovich Maksimov

Ivanovo State Power Engineering University, Doctor Habil. of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Russia, Ivanovo, e-mail: mvmaximov@yandex.ru

Returning to Solovyov: about a new book by the Solovyov Group of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

[Review on:] Vladimir Solovyov. Materials and research:
epoch, people, ideas [1] / ed. by V.V. Sidorin.
M.; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2024, 516 p.

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.4.184-189

Четверть века отделяет новую книгу «Владимир Соловьёв. Материалы и исследования: эпоха, люди, идеи» от первого во многом эпохального сборника,

¹ Владимир Соловьёв. Материалы и исследования: эпоха, люди, идеи / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 516 с.

опубликованного Институтом философии РАН по итогам международной конференции соловьевоведов, состоявшейся в 2001 году². Сегодня характеристика Вл.С. Соловьева как «царь-пушки русской философии», данная 25 лет назад С.С. Хоружим³, блекнет на фоне сделанного исследователями наследия философа за последние два с половиной десятилетия. И мы должны признать, что *философский выстрел* Соловьева все же состоялся. Существенными достижениями российского соловьевоведения первой четверти XXI столетия являются десятки опубликованных монографий, сотни защищенных кандидатских и докторских диссертаций, деятельность Межрегионального научно-образовательного центра исследований наследия В.С. Соловьева (Соловьевского семинара)⁴, учрежденного в 1999 году в Ивановском государственном энергетическом университете имени В.И. Ленина и успешно работающего по сей день, а также журнала «Соловьёвские исследования»⁵, занимающего сегодня лидирующие позиции в группе журналов, профиль которых связан с исследованием наследия В.С. Соловьева, русской философии и художественной культуры.

Новый коллективный труд московских соловьевоведов – важное и знаковое событие, свидетельствующее о наметившемся возвращении интереса историков русской философии ИФ РАН к творчеству Соловьева. Очевидно, это стало следствием перемен в секторе истории русской философии и связано с научными интересами его руководителя, кандидата философских наук В.В. Сидорина⁶, взявшего на себя труды собирания и редактирования книги.

Чем же примечательна эта книга?

Прежде всего следует отметить, что появление этого фундаментального издания не случайно. Книгу необходимо рассматривать в контексте работы над Полным собранием сочинений и писем В.С. Соловьева⁷, начатой в Институте

² Соловьевский сборник. Материалы международной конференции «В.С. Соловьев и его философское наследие». Москва, 28–30 августа 2000 г. М.: Изд-во «Феноменология–Герменевтика», 2001. VI + 516 с.

³ Хоружий С.С. Наследие Владимира Соловьева сто лет спустя // Соловьевский сборник. Материалы международной конференции «В.С. Соловьев и его философское наследие». Москва, 28–30 августа 2000 г. М.: Изд-во «Феноменология–Герменевтика», 2001. С. 1–28.

⁴ С 1999 по 2005 г. – постоянно действующий научный семинар по изучению наследия В.С. Соловьева (Соловьевский семинар), с 2005 по 2008 г. – Российский научный центр по изучению наследия В.С. Соловьева (Соловьевский семинар), с 2008 г. и по настоящее время – Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия В.С. Соловьева (Соловьевский семинар).

⁵ Рейтинг журнала «Соловьёвские исследования» (сведения за 2024 г.): в РИНЦ (Science Index) «Соловьёвские исследования» занимают 15-ю позицию из 130 российских журналов по философии, социологии и культурологии; в Scopus – 10-ю позицию из 16 российских философских журналов, входящих в Scopus.

⁶ Владимир Витальевич Сидорин – ученик Нели Васильевны Мотрошиловой, защитивший кандидатскую диссертацию «Интерпретация гегелевской диалектики в философии В.С. Соловьева» в 2013 г.

⁷ К сегодняшнему дню опубликованы четыре из запланированных двадцати томов.

философии РАН в 2000 году. Авторы статей, включенных в книгу, и публикаторы архивных материалов – не только хорошо известные исследователи наследия В.С. Соловьева, в том числе по работе над Полным собранием сочинений и писем и публикациям в «Соловьёвских исследованиях», И.В. Борисова, К.Ю. Бурмистров, А.П. Козырев, Б.В. Межуев, В.В. Сидорин, но и подключившиеся к работе уже в процессе подготовки томов собрания сочинений И.А. Кацапова и К.В. Ворожихина.

В книге два раздела. Первый – «Наследие Владимира Соловьева: эпоха, люди, идеи, документы» – включает статьи, посвященные различным аспектам исследования философского наследия и деятельности Соловьева: в обширной статье Б.В. Межуева дан обстоятельный разбор многолетней дискуссии по поводу периодизации творчества философа; в статье И.А. Кацаповой предпринята попытка проанализировать известную полемику В.С. Соловьева и Б.Н. Чичерина по философско-правовой проблематике в этом же разделе – великолепная статья К.Ю. Бурмистрова, посвященная поискам библиотеки Соловьева, статья А.П. Козырева «Владимир Соловьев и граф А.А. Голенищев-Кутузов в кругу поэтов и философов», представляющая по существу проспект, задуманного исследования интересной и еще недостаточно изученной темы⁸.

Важнейшими в первом разделе книги являются публикации не издававшихся прежде материалов из наследия В.С. Соловьева: Б.В. Межуевым представлены документы и реконструированы перипетии истории полемики по поводу исторических сочинений Д.И. Иловайского на страницах «Новостей и Биржевой газеты» и участия в ней Соловьева; в статье К.В. Ворожихиной вводятся в научный оборот ранее не публиковавшиеся в полном виде материалы, относящиеся к общественной деятельности В.С. Соловьева, – черновик так и не отправленного письма философа императору Александру III; В.В. Сидориным опубликованы и прокомментированы письма Соловьева редактору журнала «Русская мысль» В.А. Гольцеву.

Второй раздел книги – «Переписка Вл.С. Соловьева и Ф.Б. Геца и ее контексты». Авторы статей, публикаторы и комментаторы материалов, включенных в этот раздел, – И.В. Борисова и К.Ю. Бурмистров. В этот же раздел помещена книга Ф. Геца «Философ В. Соловьев и еврейство»⁹ в переводе с немецкого языка Н.Ю. Чепелевой. Следует отметить, что, пожалуй, впервые в отечественном соловьевоведении с такой полнотой и обстоятельностью представлены материалы, характеризующие отношения Соловьева и Геца. Они во многом дополняют имеющиеся публикации по этой теме, в том числе книгу Дмитрия Белкина

⁸ Следует отметить, что творчество графа А.А. Голенищева-Кутузова уже стало предметом диссертационных исследований и энциклопедических статей.

⁹ Goetz F. Der Philosoph W. Solowioff und das Judentum. Riga: Selbstverlag des Verfassers (Buchdruckerei "Splendid"), 1927. 87 s.

“Gäste, die bleiben” Vladimir Solov’ev, die Juden und die Deutschen, опубликованную в Германии в 2008 году¹⁰.

Книга словьевской группы ИФ РАН, безусловно, важна и вызывает интерес не только тем, что в ней представлены малоизвестные, а порой и вовсе не известные материалы из творческой биографии В.С. Соловьёва, но и тем, что она приоткрывает завесу корпоративной тайны¹¹, в которую волей-неволей превратилась работа над ПСС В.С. Соловьёва. Впервые публично коллектив заявляет о некоторых направлениях своей работы, и это вселяет надежду, что задуманное четверть века назад будет сбываться.

Положительная в целом оценка рецензируемого издания вовсе не означает, что оно лишено недостатков и в нем сняты все дискуссионные вопросы. Мы хотели бы отметить некоторые из них, являющиеся, на наш взгляд, важными для сегодняшних и будущих исследователей наследия В.С. Соловьёва.

Б.В. Межуев в статье «Периодизация творчества Вл. Соловьёва: историографический очерк» представил результаты колоссальной работы, проанализировав многочисленные точки зрения и дискуссии соловьевоведов, длящиеся с конца XIX века по сей день. Каков итог этих дискуссий?

Убрав частные и второстепенные детали выявленных концепций, обнаруживаем два взаимоисключающих подхода: представители первого утверждают, что В.С. Соловьёв эволюционирует от конструктивного оптимизма к деструктивному пессимизму. Л. Шестов, самый суровый критик Вл. Соловьёва, доводит до логического завершения подобного рода периодизации: «Между “Тремя разговорами” и тем, что Соловьёв писал раньше, – утверждает он, – лежит ничем не заполнимая пропасть»¹².

Иную оценку творчества В.С. Соловьёва находим у С.И. Гессена. «Подобно Шеллингу, – отмечает он, – Соловьёв сразу начал с системы, с изображения целого своего мировоззрения. С течением времени и опыта первоначальная схема его обрастала плотью, конкретным материалом. Под тяжестью последнего она выгибалась впоследствии в разных направлениях, но в основе своей оставалась прежней»¹³. Эта общая оценка, к сожалению, не принята в расчет автором статьи. Важным и перспективным, на наш взгляд, является восприятие наследия В.С. Соловьёва как единого текста, что отмечается и в новейших исследованиях¹⁴.

¹⁰ Dmitrij Belkin. “Gäste, die bleiben” Vladimir Solov’ev, die Juden und die Deutschen. Hamburg: Philo/Europäische Verlagsanstalt, 2008. 424 p.

¹¹ В редакцию «Соловьёвских исследований» приходят письма читателей с вопросами о состоянии дел с публикацией Полного собрания сочинений и писем В.С. Соловьёва.

¹² Шестов Л. Умозрение и Апокалипсис (Религиозная философия Вл. Соловьёва) // Современные записки. 1927. № XXXIII. С. 285.

¹³ Гессен С.И. Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и Вл. Соловьёва // Современные записки. 1931. Т. 45. С. 295.

¹⁴ См.: Сидорин В.В. Творческое наследие Вл. Соловьёва как единый текст (о книге Stahl H. Sophia

Очевидно, дискуссии относительно периодов творчества В.С. Соловьева продолжатся еще многие годы и, возможно, десятилетия – до той поры, когда все сочинения философа будут опубликованы и обстоятельно изучены. Пока что остается соглашаться с А.А. Блоком в том, что и сегодня перед нами «еще неразгаданный и двоящийся ... Владимир Соловьев»¹⁵. Это, разумеется, не умаляет ценности и значения проделанной Б.В. Межуевым работы. Но надо признать: первостепенное место занимает не выяснение периодов творчества философа, а публикация *неизданного и несобранного* Соловьева, исследование его трудов, что и послужит основанием для периодизации.

Возможна ли целостная интерпретация творчества Соловьева без целостного представления о его личности, об определяющих чертах его характера, о разделяемых им ценностях, стремлениях и понимании смысла жизни? Всё взаимосвязано, и это необходимо непременно учитывать. Иначе исследователь впадает, по выражению Соловьева, в *гипостазирование предикатов*, неоправданную абсолютизацию частных моментов, выставляя их в качестве решающих. Невозможно согласиться с утверждением одного из авторов сборника, что вследствие «обильного употребления спиртных напитков», «стремления установить контакт с *духом* мира» и «привычки обрызгивать себя скипидаром для отпугивания клопов» деятельность Соловьева «не оказала никакого формирующего влияния на политическую, социальную и церковную реальность в России»¹⁶. Приведенные оценки принадлежат авторитетному нидерландскому исследователю Эверту ван дер Звеерде¹⁷, статья которого републикована в рассматриваемом сборнике. Остается непонятным, что побудило составителей включить эту статью, вышедшую из печати более шести лет назад и хорошо известную специалистам, в сборник 2024 года.

К сожалению, мы часто слышим сетования на слабое знание некоторыми молодыми авторами существующей исследовательской литературы по рассматриваемым проблем. Этот явный недостаток и недоработка встречаются и в отдельных статьях сборника. Безусловно, надо признать важной тему, которой по-

im Denken Vladimir Solov'evs – eine ästhetische rekonstruktion. Münster: aschendorff verlag, 2019) // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 1(65). С. 160–170.

¹⁵ Блок А.А. Рыцарь-монах // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 8. М.: Наука, 2010. С. 142.

¹⁶ Ван дер Звеерде Эверт. Между мистицизмом и политикой: целостность и основная закономерность мышления Владимира Соловьева / пер. с англ. А.М. Куксюка, А.А. Лищенко // Владимир Соловьев. Материалы и исследования: эпоха, люди, идеи / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 66.

¹⁷ Van der Zverde E. Between Mysticism and Politics: The Continuity in and Basic Pattern of Vladimir Solov'ev's Thought // Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation in Contemporary Society. 2019. № 5. P. 136–164.

священа статья И.А. Кацаповой «Философско-правовая проблематика в полемике В.С. Соловьева и Б.Н. Чичерина». Тема, основательно изученная и представленная в серьезных публикациях, но остающаяся дискуссионной, тем более требует много внимания вновь приступающих к ее рассмотрению. Автором не учтены речь П.И. Новгородцева, посвященная идее права в философии В.С. Соловьева¹⁸, исследование И.И. Евлампиева¹⁹, опубликованное в качестве вступительной статьи к работе Б.Н. Чичерина «Собственность и государство». Стоит отметить диссертацию и монографию Е.А. Прибытковой, которые непременно должны быть прочитаны исследователем²⁰, полемическую статью С.П. Шевцова²¹ и другие работы, не попавшие в круг исследования автора статьи.

Завершая краткий обзор некоторых статей и публикаций, вошедших в книгу, важно подчеркнуть, что соловьевской группой положено важное начало, продолжения которого будем ждать с нетерпением. Перед нами лишь первый том «Материалов и исследований». Пожелаем авторам успешной работы над томами Полного собрания сочинений и писем В.С. Соловьева и по подготовке к публикации второй книги «Материалов и исследований».

¹⁸ Новгородцев П.И. Идея права в философии Вл. С. Соловьева. Речь, произнесенная на торжественном заседании Психологического общества в память Вл. С. Соловьева 2 февраля 1901 года // Вл. Соловьев: pro et contra: Личность и творчество Владимира Соловьева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Т. 2. Изд-во РХГИ, 2002. С. 889–902.

¹⁹ Евлампиев И.И. Философские и социально-политические взгляды Б.Н. Чичерина // Чичерин Б.Н. Собственность и государство / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. д-ра филос. н. И.И. Евлампиева. СПб.: Изд-во РХГА, 2005. С. 3–30.

²⁰ См.: Прибыткова Е.А. Философия права Владимира Сергеевич Соловьева: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ин-т государства и права РАН. М., 2007. 29 с.; Прибыткова Е.А. Несвоевременный современник: философия права В. С. Соловьева. М.: Модест Колеров, 2010. 480 с.

²¹ См.: Шевцов С.П. Бесправное учение. Рассуждение о философии права В.С. Соловьева // Σχολη = Scholē = Схоле. Новосибирск, 2016. Т. 10, вып. 2. С. 608–625.

УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ ВЫПУСКОВ ЖУРНАЛА «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» ЗА 2025 ГОД

CONTENTS INDEX OF THE 2025 ISSUES OF THE “SOLOVYOV STUDIES” JOURNAL

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Балановский В.В. Антихрист-технократ: опыт интерпретации двух смертей одного персонажа.....	2(86)
Бодаммер Т. Соловьёвская критика индивидуализма и призрак Гегеля	3(87)
Волков Ю.К. «Оправдание добра» или «польза зла»: В. Соловьёв и К. Лоренц о естественных основаниях морали	1(85)
Глазков А.П. Значение «эсхатологического поворота» в философии В.С. Соловьёва	1(85)
Гравин А.А. Деконструкция vs актуализация: С.С. Хоружий и Л.А. Гоготишвили о В.С. Соловьёве и соловьёвской традиции в русской философии	1(85)
Грякалова Н.Ю. «...сама по себе»: Поликсена Соловьёва и «соловьёвство»	2(86)
П.С. Соловьёва. Несколько слов о моем брате Вл. Соловьёве. Было прочтено в собрании Религиозно-философского О<бщест>ва в Петербурге 19-го января 1913 года / Публикация и примечания Н.Ю. Грякаловой	2(86)
Едошина И.А. Соловьёвский след в биографии М.П. Погодина	3(87)
Загирняк М.Ю. Этический минимум В.С. Соловьёва в философии Н.Н. Алексева	1(85)
Межуев Б.В. К текстологии «Воскресных писем». Из неизданного и несобранного наследия Вл. Соловьёва	4(88)
Моисеев В.И., Коломиец О.М. Третья сила бытия	2(86)
Фернандес Кальсада М. Актуальность философского наследия В.С. Соловьёва: взгляд из Испании	3(87)
Фетисенко О.Л. «И как юрист старушку обокрал»: комментарий к эпиграмме Вл. С. Соловьёва на К.П. Победоносцева	2(86)

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Евлампиев И.И. «Спор» Фихте и Гегеля в историко-философских работах И.А. Ильина. Статья первая: Рациональное и иррациональное в Боге	3(87)
--	-------

Евлампиев И.И. «Спор» Фихте и Гегеля в историко-философских работах И.А. Ильина. Статья вторая: Проблема отношений Бога, мира и человека	4(88)
Замараева Е.И. Феномен войны в русской философии: онтологические основания и аксиологические смыслы	3(87)
Черноперов В.Л., Усманов С.М. К истории одной неудачи: о сборнике евразийцев «Россия и латинство»	2(86)
Сафонов А.А. Философия по ту сторону законов непротиворечия: металогизм и антиномизм в творчестве Павла Флоренского и Семена Франка	1(85)

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.А. БЕРДЯЕВА

Андросенко С.В. Образ Церкви настоящего и будущего в трудах Николая Бердяева. Статья первая: «Бердяев всегда мыслит соборно»	1(85)
Андросенко С.В. Образ Церкви настоящего и будущего в трудах Николая Бердяева. Статья вторая: Постконстантиновская эпоха и «хилиастическое упование»	3(87)
Долматов А.А. Истоки и особенности концепции «христианского социализма» Н.А. Бердяева	3(87)
Ермичёв А.А. «Третий исход» Н.А. Бердяева и ответ Б.П. Вышеславцева	1(85)
Ермичёв А.А. О «советской ориентации» у Н.А. Бердяева: уточнение понятия	4(88)
Мелих Ю.Б. «Борьба» Н.А. Бердяева с И. Кантом за безответственную свободу и самооправдание философией	1(85)
Титаренко Е.М. Культура и рекреатура: Н.А. Бердяев и Н.Ф. Федоров о кризисе гуманизма	1(85)
Шукуров Д.Л. Философско-теологический дискурс Н.А. Бердяева, русский авангард и религиозные идеи Даниила Хармса	1(85)

К 205-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.А. ФЕТА

Гачева А.Г. Афанасий Фет и Николай Федоров. Статья первая: крещения судеб	4(88)
Генералова Н.П. В поисках единомышленников (Из переписки А.А. Фета с П.П. Цитовичем)	4(88)
Лукина В.А. Гоголь и Фет: из истории «желтой тетради» и литературного юбилея поэта 1889 г.	4(88)
Ипатова С.А. Фетоведы первой волны: Николай Николаевич Черногоубов (1873–1941)	4(88)
Кошемчук Т.А. Добро и зло в поэзии А. Фета и этический идеал В. Соловьёва	4(88)

К 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. БЛОКА

- Лощинская Н.В.** «Соловьёвский след»: отзыв А.А. Блока о поэте
В.П. Лебедеве для Приемной комиссии Петроградского Союза поэтов4(88)
- Титаренко С.Д.** «Духи глаз»: визуальная природа образов-понятий
в творчестве В. Соловьёва и поэтов-символистов
- Вяч. Иванова и А. Блока4(88)

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА

- Бужор Е.С., Базилико Э.А.** Идеи всеединства Владимира Соловьёва
в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»3(87)
- Ермакова Л.Л.** Неизвестный перевод Вяч. Иванова из Ницше2(86)
- Иванов Вяч.И. Перевод из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» /
подгот. текста и коммент. Л.Л. Ермаковой2(86)
- Перевод** Вяч. Иванова из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» /
Подготовка текста и комментарии Л.Л. Ермаковой2(86)
- Золотарев А.В.** Опыт экзистенциальный против опыта мистического:
Леонтьев и Достоевский2(86)
- Иванов Е.Д., Медоваров М.В.** В.Ф. Одоевский и славянофилы
в 1850–1860-е гг.2(86)
- Королева В.В., Февралева О.В.** Отголоски соловьёвского
апокалиптического мифа в «Симфонии (2-й, драматической)»
Андрея Белого3(87)
- Романов Д.Д.** Софиологический и персоналистический аспекты
интерпретаций концепции хаоса в поэзии Ф.И. Тютчева
в русской философии3(87)
- Тарзаева А.В.** Статьи В.С. Соловьёва о Я.П. Полонском в контексте
истории рецепции творчества поэта 1840–1880-х гг.3(87)
- Тахо-Годи Е.А.** «Импрессионизм мысли»: к пониманию термина
Вл. Соловьёва в статье о поэзии К.К. Случевского2(86)
- Юрина Н.Г.** Элегия в лирическом творчестве В.С. Соловьёва:
жанровые модели и поэтические традиции2(86)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИЯ ОБ ОБРАZE БУДУЩЕГО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX–XXI ВВ.

- Гачева А.Г.** Конференция об образе будущего1(85)
- Гачева А.Г.** Христианство как «задача человечества».
Образ будущего у Владимира Соловьёва1(85)

Папкова Е.А. «Видения грядущего» в прозе В. Итина и Вс. Иванова 1920-х гг. («Страна Гонгури» и «Происшествие на реке Тун»)	1(85)
Серёгина С.А. Н.А. Клюев и Ф.-Р. Ламенне: Образ будущего сквозь призму социального христианства	1(85)
Максимов М.В. К 20-летию Историко-методологического семинара «Русская мысль»	2(86)

КАФЕДРА

Максимов М.В. Философская поэзия – «согласие сердца и ума» (о молодежном проекте Соловьёвского семинара)	2(86)
---	-------

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Гравин А.А. Символизм и живописание [Рец. на:] Троицкий В.П. Тропа и путь, или Ономатодоксия. СПб.: Алетейя, 2024. 420 с.)	3(87)
Лаппо-Данилевский К.Ю. Вячеслав Иванов – великолепный и неисчерпаемый [Рец. на:] Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / Российская акад. наук, ИМЛИ РАН; Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме; ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. 852 с.	2(86)
Максимов М.В. Возвращаясь к Соловьёву: о новой книге соловьёвской группы Института философии РАН. [Рец. на:] Владимир Соловьёв. Материалы и исследования: эпоха, люди, идеи [1] / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 516 с.	4(88)

ИНФОРМАЦИЯ

Всероссийская научно-практическая конференция: Информационное письмо	3(87)
Указатель содержания выпусков журнала «Соловьёвские исследования» за 2025 год / сост. Л.М. Максимова	4(88)

Сост. Л.М. Максимова

О ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» “Solov’evskie issledovaniya” (ISSN 2076-9210)

Журнал «Соловьёвские исследования» является научным изданием, освещающим актуальные вопросы отраслей гуманитарного знания – философии, филологии, культурологии. На страницах журнала публикуются результаты исследований российских и зарубежных ученых. Материалы принимаются на русском, английском, немецком и французском языках.

Журнал издается с 2001 г., в состав его редколлегии входят специалисты философских и научных центров России, Германии, Франции, Великобритании, Нидерландов, Польши, Болгарии, Соединенных Штатов Америки, Италии.

Периодичность журнала – 4 выпуска в год: март, июнь, сентябрь, декабрь.

Информация о журнале представлена на сайте <http://solovyov-studies.ispu.ru> и на сайте Ивановского государственного энергетического университета: <http://www.ispu.ru/node/8026>

Полнотекстовые электронные версии всех номеров журнала с 2001 г. доступны по адресам:

<http://solovyov-studies.ispu.ru/ru/archive>

<http://www.ispu.ru/node/6623>

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.7.1 – Онтология и теория познания

5.7.2 – История философии

5.7.3 – Эстетика

5.7.4 – Этика

5.7.7 – Социальная и политическая философия

5.7.8 – Философская антропология, философия культуры

5.7.9 – Философия религии и религиоведение

5.9.1 – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2 – Литературы народов мира

5.9.3 – Теория литературы

5.10.1 – Теория и история культуры, искусства

Адрес редакции:

153003, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Рабфаковская, д. 34, ИГЭУ,
Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия
В.С. Соловьёва – Соловьёвский семинар
т. (4932) 26-97-70, 26-98-57
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
koroleva@ispu.ru

Сайт Соловьёвского семинара: <http://solovyov-studies.ispu.ru>

Информацию о текущей деятельности Соловьёвского семинара смотрите также
на: <http://www.ispu.ru/taxonomy/term/1071>

Главный редактор:

Максимов Михаил Викторович, д-р филос. наук, профессор
т. (4932) 26-97-70
факс: (4932) 38-57-01; 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru; mvmaksimov@yandex.ru

О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Подписка на печатную версию ежеквартального научного журнала «Соловьёвские исследования» производится на сайте Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru, а также через интернет-магазин «Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

Индекс для подписчиков 37240

Копию квитанции о подписке необходимо выслать на адрес редакции: 153003, Россия, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34, ИГЭУ, Максимову М.В., или по E-mail: taximov@philosophy.ispu.ru; mvmaximov@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Соловьёвские исследования» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Для публикации в «Соловьёвских исследованиях» принимаются научные статьи, обзоры, рецензии и другие материалы, соответствующие тематике журнала и научным направлениям – философия, филология, культурология.

Плата за публикацию статьи в журнале не взимается.

Аспиранты, магистранты и студенты предоставляют на присылаемые статьи отзыв научного руководителя.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПУБЛИКУЕМЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

1. *Объем статьи* – до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами, включая аннотацию, список литературы и References), рецензий – до 0,5 п.л. Текст предоставляется на электронном носителе в редакторе WORD либо по электронной почте taximov@philosophy.ispu.ru (файлы с материалами должны быть названы по фамилии автора). Шрифт Times New Roman, формат страницы А4. Поля: верхнее – 1,5 см; нижнее, правое и левое – 2 см. Размер бумаги: ширина – 16,5 см; высота – 23,5 см.

2. *Структура статьи* должна быть следующей:

- в верхнем левом углу проставляются УДК и ББК;
- через 1.0 интервал ФИО автора/авторов полностью (на русском языке); полное название места работы, звания, занимаемая должность, страна, город, (на русском языке) и адрес электронной почты автора, кегль 9;
- через 1.0 интервал печатается название статьи по центру, строчными буквами, шрифт полужирный, кегль 13, перенос запрещен (на русском языке);

- через 1.0 интервал печатается аннотация (от 200 до 250 слов (1500–1800 знаков без пробелов)), кегль 9, курсивом (на русском языке);
- через 1.0 интервал печатаются ключевые слова (от 10 до 15 слов), кегль 9, курсивом (на русском языке).

Далее все эти же сведения даются на английском языке.

- через 1.0 интервал печатается текст статьи, кегль 11, межстрочный интервал по всему тексту – одинарный, отступ абзаца – 1 см (5 знаков), автоматический перенос слов включён, кавычки по всему тексту *только* угловые, *внутри цитаты* использовать кавычки другого вида: «"....."»;

- через 1.0 интервал печатается библиографический список на русском языке (название «Список литературы») и список литературы на латинице (название References) (включают использованную литературу; в библиографическом описании указываются все авторы).

3. Содержание и структура аннотации.

Аннотация должна отражать основное смысловое содержание статьи и её характеристику. Структура аннотации должна включать следующие разделы: состояние вопроса (степень изученности вопроса в науке и литературе, обоснование актуальности выбранной темы); материалы и методы (на каком материале и с помощью каких методов рассматривается обозначенная проблема); результаты проведенного исследования (с использованием глагольных форм и словосочетаний следующего типа: рассматриваются..., излагаются..., утверждается..., предлагается..., обосновывается...; используются методы..., обосновываются положения (концепции, идеи) ..., дается обзор ...; рассмотрены..., изложены..., выявлены..., предложены...; дан анализ..., изложена теория (концепция)... и т. п.); выводы.

Редколлегия журнала просит уделять особое внимание составлению аннотации в соответствии с особенностями этого жанра.

Аннотация на английском языке должна составляться с соблюдением грамматики и стилистики английского языка, с использованием принятой в англоязычных изданиях специальной терминологии; не должна выполняться при помощи автоматических переводчиков (не обязательно должна быть дословным переводом аннотации на русском языке).

В соответствии с требованиями Scopus, не допускается вынесение развернутых комментариев в сноски; необходимый комментарий следует давать в тексте статьи либо в скобках внутри текста.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи; определять предметную область исследования; встречаться в тексте статьи (имена собственные, общие понятия и общенаучные термины ключевыми словами не являются).

4. Требования к оформлению разделов «Список литературы» и References.

После статьи отдельными разделами оформляются «Список литературы» и References (шрифт Times New Roman, кегль 9). В списке литературы должно

быть не менее 20 позиций. Из них не менее 80 % источников должны составлять работы, опубликованные за последние 5 лет, если такие имеются. Рекомендуются, чтобы не менее 30 % источников, включенных в библиографический список, составляли работы, опубликованные на английском и других иностранных языках. Нумерация *Списка литературы* и ссылки на нее в тексте выполняются **без применения автоматической расстановки ссылок**.

Согласно требованиям Scopus, раздел References должен иметь следующую структуру:

- ссылки на источники (**(Sources)**)
 - *Collected Works* (Собрания сочинений)
 - *Individual Works* (Индивидуальные сочинения)
- ссылки на статьи в научных журналах (**Articles from Scientific Journals**);
- ссылки на статьи в сборниках научных трудов (**Articles from Proceedings and Collections of Research Papers**);
- ссылки на монографии (**(Monographs)**);
- ссылки на диссертации и авторефераты (**Thesis and Thesis Abstracts**);
- ссылки на электронные ресурсы (**Electronic Resources**)

В библиографическом описании в разделе References заглавия статей из журналов и сборников опускаются (при сохранении заглавий статей необходимо включать в описание их перевод на английский язык); оригинальные названия книжных источников (монографии, сборники, материалы конференций), изданных на кириллице, даются в транслитерации (курсивом) и на английском языке (в квадратных скобках); выходные данные (город (для книжных изданий), том (vol.), номер (no.), страницы (pp., p.)) переводятся на английский язык. Обязательные выходные данные: для статей из журналов – год, том, номер, страницы; для книжных изданий – место издания, год, количество страниц. Место издания, включая Moscow и Saint-Petersburg, пишется полностью.

Применяется одна система транслитерации, которая доступна по адресу <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке «Варианты» выбираем вариант BGN). Примеры оформления библиографических описаний в разделах «Список литературы» и References размещены на сайте журнала: <http://solovyov-studies.ispu.ru> и на странице журнала на сайте ИГЭУ: <http://www.ispu.ru/node/6623>

В текстах, набранных *латиницей*, используется вариант кавычек "...".

5. **Оформление ссылок.** Ссылки на цитируемую литературу при использовании *прямого цитирования* (если цитата представляет собой развернутое, законченное высказывание с указанием автора и источника цитаты) оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: В работе «Диалектика мифа» (1930 г.) А.Ф. Лосев пишет: «Текст цитаты» [1, с. 15] (первая цифра обозначает порядковый номер в Списке литературы, вторая – страницу цитируемого источника). Если используются приемы *непрямого цитирования* или *частичное цитирование* (т.е. отдельные слова, словосочетания, обороты речи), то ссылка оформля-

ется как подстрочная (в тексте – верхним индексом; внизу страницы дается библиографическое описание цитируемого источника – под сплошной чертой, отделяющей основной текст, шрифт Times New Roman, кегль 9). Например: ¹См.: Игошева Т.В. Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма. М.: Глобал Ком, 2013. С. 15–25 [1]. Так же, как подстрочная ссылка (верхним индексом), оформляются и *авторские примечания*.

При повторной ссылке в постраничной сноске используется сокращенный вариант библиографического описания источника (допускается сокращение длинных названий источников; опускаются выходные данные). Если повторная ссылка идет сразу ниже ссылки с библиографическим описанием источника, то используется следующая запись: Там же. С. ...

Ссылки на электронные ресурсы допускаются только при отсутствии их «бумажных» аналогов, с правильным указанием адреса веб-страницы и даты обращения к ней.

6. Авторы статей, публикуемых на языке оригинала (английском, немецком, французском), дополнительно предоставляют реферат статьи объёмом 4500 знаков без учета пробелов (700 слов) на русском языке.

7. Отдельным файлом предоставляется Авторская справка по следующей форме:

- ФИО полностью;
- ученая степень и ученое звание;
- должность, название кафедры, отдела, сектора и др.;
- название организации (полное) / места работы;
- почтовый индекс и адрес организации / места работы;
- почтовый индекс и адрес для переписки;
- телефон;
- E-mail.

*Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей.
При отклонении материалов рукописи не возвращаются.*

Гл. редактор, профессор Михаил Викторович Максимов
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru; mvmaximov@yandex.ru

Главный редактор
МАКСИМОВ Михаил Викторович

СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
2025. Вып. 4(88)

Редактор С.М. Коткова

Компьютерная верстка и макетирование
М.А. Баркова

Обложка А. Лебедев

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись от 22.01.16 г. серия ПИ № ФС77-64667

Подписано в печать 15.12.2025. Дата выхода в свет 28.12.2025.
Формат 70х100 1/16. Печать плоская. Усл. печ. л. 16,25.
Тираж 60 экз. Цена свободная. Заказ №

Адрес редакции журнала:
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический
университет имени В.И. Ленина»,
153003, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34.

Адрес издательства:
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический
университет имени В.И. Ленина»,
153003, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34.

Типография «ПресСто»,
153025, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Дзержинского, 39, строение 8